

EverEnding Story

УНЕСЁННЫЕ “ПРИЗРАКОМ”

Элина Лисовская
Мария Роше

EverEnding Story

Элина Лисовская

Унесённые «Призраком»

«Автор»

2019

Лисовская Э.

Унесённые «Призраком» / Э. Лисовская — «Автор»,
2019 — (EverEnding Story)

Конец 18 века, Англия, Саутгемптон. Двадцатилетняя девушка, только что потерявшая отца, отправляется в свое первое морское путешествие. Она еще не знает, что корабль обречен... Юная шотландка убегает от навязанного ей брака и решается на отчаянный поступок... А где-то в Атлантическом океане по приказу молодого капитана расправляет белые паруса трехмачтовый «Призрак». Второй роман цикла «EverEnding Story». Можно читать отдельно.

© Лисовская Э., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	45
Глава девятая	54
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Элина Лисовская, Мария Роше Унесённые «Призраком»

Элина Лисовская, Мария Роше

УНЕСЁННЫЕ «ПРИЗРАКОМ»

*...Всё опять начнется с чистого листа:
Дым забвения твой образ заволок,
Но, наверное, на память неспроста
Аккуратно кем-то загнут уголок.
Я запомню глубину любимых глаз,
Ты найдешь мой след в неведомой дали,
И поверь, что б ни случилось, в этот раз
Мы вернемся, как из бездны корабли...*

Глава первая

Казалось, её, спящую, теплую, незащищенную, внезапно окатили холодной водой. Сердце отчаянно колотилось, кровь стучала в висках, глаза смотрели – и отказывались верить увиденному. В голове творилось невообразимое: мысли путались, мелькали странные картинки, звучали незнакомые голоса...

Сидящий напротив мужчина оглядел её, недовольно поджав губы:

– Ты похожа на вытасченную из воды рыбу, Кэтрин. Это всего лишь ветер.

Он протянул руку и захлопнул приоткрытое окно кареты, в которой они ехали вдвоем. Пригляделся к проплывающим мимо темным пятнам:

– Еще пара миль – и мы в Саутгемптоне.

Она медленно обвела взглядом скромное внутреннее убранство четырехместной кареты, у которой, судя по тряске и характерному скрипу, не было ни пружин, ни рессор. Удивительно, как в подобных условиях ей вообще удалось задремать.

Еще более удивительным был приснившийся сон.

Даже сном его трудно назвать. Как будто на какое-то время она полностью перенеслась в другой мир, в другое время и в совершенно другую жизнь. Еще пару мгновений назад она могла бы вспомнить подробности... но, как это часто бывает с неожиданно прерванными сновидениями, образы и события растаяли в памяти, оставив лишь послевкусие. Горькое – и волшебное, словно после первого поцелуя.

Она опустила глаза и уставилась на свое черное шелковое платье. Кашемировая шаль на её плечах тоже была черной.

– Когда моя милая сестра говорила, что после смерти отца ты ведешь себя странно, я не поверил, – пристально глядя на неё, проговорил мужчина. – Но теперь вижу, что так и есть. Ничего, это пройдет. Длительное морское путешествие и смена обстановки – лучшее средство от печали. Я уверен, что когда осенью ты вернешься домой...

– Осенью? – невольно вырвалось у нее. *Разве морские путешествия бывают такими долгими?*

– Кэтрин, мы же все обсудили, – дядя Грэм вздохнул и поправил воротничок. – До Багамских островов примерно полтора месяца пути, может, больше, но будем надеяться на лучшее. Пару месяцев мы пробудем на острове Абако, затем отправимся назад, морем до Саутгемптона и – домой, в Хартфордшир. Как раз незаметно пролетят те самые полгода, которые необходимо выждать до оглашения завещания полковника Маккейна, твоего отца.

– А если мы задержимся? – Она с трудом проглотила застрявший в горле комок. – Море... оно такое непредсказуемое. К тому же, я слышала, путь до британских колоний небезопасен.

– Душечка, – самодовольно усмехнулся дядя Грэм, – поверь, тебе совершенно не о чем волноваться.

«Марион!»

Она резко подняла голову и испуганно огляделась. Крошечное пламя свечи, стоящей рядом на табурете, от её дыхания метнулось в сторону. Надо же было промаяться полночи и заснуть, лежа на животе и уткнувшись лицом в подушку!

«Марион, ты слышишь меня?! Вставай, они пришли за тобой!..»

Звонкий мальчишеский голос до сих пор эхом звучал в ушах. Неделя прошла с того жуткого утра, когда ищейки, нанятые бароном Дугласом, напали на её след, но Мэри все еще умирала от страха, вспоминая подробности. Даже здесь, за сотню миль от Лондона, где преследователей видели в последний раз.

Когда труппа театра «Ройял» покинула Эдинбург и направилась в столицу Англии, Мэри испытала облегчение, наивно полагая, что теперь её будет труднее найти. Но люди барона, видимо, очень хотели получить награду за поимку беглянки, поэтому сразу же по приезду в Лондон наведались в помещение, снятое для проживания актеров. К счастью, Питер вовремя заметил их и помог девушке спрятаться. А на рассвете следующего дня этот пронырливый рыжий парнишка какими-то закоулками провел её к центральной почтовой станции и посадил на дилижанс до Саутгемптона.

С шести утра до пяти вечера Мэри тряслась в неудобной шестиместной карете в обществе незнакомых мужчин и женщин. Ночь они провели в Бейзингстоке, потом продолжили путь, и вот наконец вчера вечером дилижанс остановился возле портовой гостиницы, где приезжие коротали время в ожидании своего корабля.

Прогоревшая свеча мигнула в последний раз и погасла. В маленькой комнатке стало совсем темно. Мэри глубоко вздохнула, села на жесткой кровати и закуталась в одеяло.

Она не помнила, снилось ли ей что-нибудь. В душе царило опустошение, и девушка догадывалась, почему: очередная глава её жизни заканчивалась, и ей предстояло начать все заново, с чистого листа. Уже во второй раз. Как и год назад, было страшно до дрожи, но она справилась тогда, справится и теперь. А потом...

– Соберись, Мэри-Энн, – строгим шепотом приказала она себе, подражая голосу матери. – Думаю, уже утро, поэтому приведи себя в порядок и отправляйся в порт, чтобы узнать, когда отходит корабль.

Девушка решительно сбросила одеяло, обула туфли, встала и отряхнула помятое платье. За последнее время Мэри привыкла спать, не раздеваясь. Если преследователи появятся ночью и придется бежать, она должна быть готова.

Вода в кувшине была ледяная. Мэри намочила маленькое полотенце, тщательно обтерла лицо и шею, вымыла руки и напоследок прополоскала рот. Прическу пришлось делать в темноте и без зеркала, но она не переживала: шляпка прикроет любые изъяны. Когда Мэри закончила, за окном уже посветлело. Выглянуть на улицу она побоялась, но, судя по доносившимся снизу громким голосам, жители Саутгемптона возвращались к ежедневным делам и заботам.

Вещей у неё с собой было немного: все уместилось в простой дорожный мешок, с которым обычно путешествовали служанки. Порывшись в нем, Мэри вытащила завернутый в салфетку кусок хлеба с сыром – скудный завтрак, приготовленный ей в дорогу сестрой Питера, Дженни. *Ах, Дженни, как забавно ты пела арию дона Херонимо из «Дуэньи» – со смеху можно было лопнуть!*

«Что за проклятье – упрямая дочь:

Отцу, что ни день, огорченья и муки.

Поклонники, письма и прочие штуки,

А дельный жених изгоняется прочь.

Что за проклятье – упрямая дочь!»¹

Девушка стряхнула крошки с платья и вытерла руки салфеткой.

– Ничего не бойся, Мэри-Энн, – с улыбкой прошептала она, проверяя, на месте ли письмо и кошелек с деньгами. – Ты уже в паре шагов от своей мечты.

За окном медленно проплывали жилые дома: сперва деревянные, одноэтажные, затем – каменные, в два или три этажа. Мелькали фигуры людей – спешащих куда-то мужчин и женщин. Пару раз мимо проехали встречные кареты. Невыносимо хотелось приказать кучеру остановиться, выбраться наружу и пройти пешком, размять затекшую спину и ноги. Но нельзя:

¹ Ария из оперы «Дуэнья» Ричарда Бринсли Шеридана (1775 год)

тут же налетят проголодавшиеся за ночь уличные попрошайки, начнут теревить, умолять, жалобить...

Дядя Грэм, что-то напевая себе под нос и по очереди закидывая ногу на ногу, начищал дорогие бархатные туфли специальной щеточкой.

«Если бы я писала о себе книгу, я бы начала её так: меня зовут Кэтрин Роуз Маккейн, и недавно я потеряла отца. Нет, не только отца: добрейшего человека, мудрого наставника, лучшего друга... Единственного, кто любил меня такой, какая я есть, просто за то, что я была в его жизни».

Кейт отвернулась от окна и поспешно смахнула слезы.

Мать говорила, что любят всегда за что-то: за молодость и красоту, за хорошее приданое, за приятный нрав и доброе сердце. У Кейт всё это было, но особой любви к себе она никогда не ощущала. С шестнадцати лет её вывозили на званные обеды к соседям и светские собрания в столице, но у неё до сих пор не завелось ни одной подруги. Миссис Маккейн утверждала, что Кейт виновата в этом сама: в приличном обществе полагается вести себя подобающе полу и возрасту, а не умничать, не дерзить и не высказывать своё мнение, когда об этом не просят.

«Неужели здраво рассуждать о вопросах добродетели, долга и проблемах воспитания – значит умничать? Неужели требовать, чтобы тебя дослушали до конца, не перебивая смешками и глупыми шутками, – это дерзость?»

Карета остановилась. Дядя Грэм надел шляпу, взял свою трость и тяжело поднялся с протертого сиденья.

– Побудь здесь, Кэтрин, – сказал он. – Я загляну в контору, договорюсь с капитаном и оплачу наш с тобой проезд. А потом, надеюсь, мы сразу же отправимся на пристань, а наши вещи погрузят на корабль.

Мэри изрядно проплутала по городу, прежде чем кто-то из местных подсказал ей, где находится контора «Грейт Шип Компани», в которой можно купить билет. Антрепренер мистер Росс предупреждал, что проезд в каюте первого класса обойдется ей очень дорого: от двадцати пяти до тридцати фунтов в зависимости от дальности путешествия и новизны корабля. Почти целый год Мэри добросовестно помогала миссис Спрингс шить театральные костюмы, изготавливать шляпки и маски, переписывала для актрис их роли, подсказывала им слова на репетициях, убирала гримерные комнаты и подметала сцену после выступлений, поэтому теперь в спрятанном под одеждой кошельке у неё лежало почти сорок пять фунтов. Было больше, но дорога до Саутгемптона потребовала расходов; впрочем, по сравнению со стоимостью билета на корабль, совсем небольших.

Но самое ценное сокровище хранилось не в кошельке, а в висящем на шее мешочке, который Мэри ощущала при каждом вдохе, и часто, особенно в минуты тревог и сомнений, она вольно или невольно прикасалась к груди, чтобы убедиться, что он по-прежнему здесь. *«Милый Эдвард...»* – тотчас всплывало перед глазами, и на душе становилось радостно от осознания того, какое невероятное открытие ожидает её впереди...

– Мисс, – раздался совсем рядом тоненький, нежный голосок, и кто-то вежливо потянул Мэри за рукав платья. Она остановилась, обернулась и увидела прелестную, бедно одетую девочку лет семи или восьми. Кроткое и невинное выражение её голубых глаз настолько поразило Мэри, что девушка улыбнулась и наклонилась к маленькой попрошайке.

– Милое дитя, – проговорила она, – должно быть, ты голодна? Хочешь, пойдём в пекарню и я куплю тебе что-нибудь?

– Мисс очень добра, – пролепетала девочка, делая книксен, – и я с удовольствием согласилась бы, но моя мать прибьёт меня, если я наемся сама и не принесу ничего братьям и сестрам.

– Сколько же у тебя братьев и сестер? – спросила Мэри.

– Всего шестеро, мисс, – пересчитав по пальцам, ответила девочка, – и еще младенец, которого матушка кормит грудью. От голода у неё пропадает молоко, и приходится каждый раз платить полпенни соседке, чтобы она покормила его и он не умер. Поэтому, добрая мисс, если я не принесу хотя бы пенни, матушка приберет меня.

– Господь всемогущий, – покачала головой Мэри, видя, как ясные глаза девочки наполняются слезами. – Милое дитя, я дам тебе два пенни, только не плачь.

Она отвернулась, вытащила из-под шерстяной накидки туго набитый кошелек, привязанный шнурком к поясу и, покопавшись в нем, вынула две медные монетки:

– Вот, держи.

– Благодарю вас, щедрая мисс! – воскликнула попрошайка, однако монеты не взяла. В один миг глаза её сузились, лицо застыло, губы плотно сжались. Мэри не успела опомниться, как девчонка вцепилась в кошелек обеими руками и с недетской силой рванула его к себе. Мэри вскрикнула, выпавшие монеты разлетелись и, звеня, покатались по мостовой. Шнурок лопнул, и кошелек остался в руках маленькой негодяйки, которая в тот же миг метнулась прочь в самый узкий из переулков. Девушка заметалась, не зная, то ли догонять ее, то ли собирать раскатившиеся монеты. Какая-то женщина, проходившая мимо, бросила корзину с бельем и подняла несколько серебристых кружков; Мэри полагала, для того, чтобы вернуть хозяйке, но женщина грубо оттолкнула её протянутую руку, подняла корзину и пошла себе дальше. Мэри побежала в переулок за девчонкой, но той уже след простыл. А когда она, оглушенная происшедшим, вернулась, то увидела убегающую стайку мальчишек, завладевших последними из рассыпанных ею монет. Девушка остановилась, беспомощно глядя по сторонам. Кровь ударила в голову, щекам стало горячо, а где-то внутри – невыносимо холодно. В глазах потемнело, и если бы Мэри не прислонилась к стене дома, то упала бы в обморок прямо посреди улицы.

Мамочка... мамочка...

Горло сдавило, она едва смогла сделать вдох. Слезы душили ее, обжигали глаза, щипали горящие щеки. Как же так... Как такое возможно? Произошедшее не укладывалось у неё в голове. Она не хотела верить, что это случилось именно с ней и именно сейчас, когда до достижения цели оставалось всего несколько шагов...

Что же теперь делать?!

В вышитом мешочке, рядом с её сокровищем, лежало еще несколько шиллингов, отложенных «на всякий случай». Их хватит, чтобы вернуться в Лондон, если в гостиницах по дороге не брать ужин и отдельные комнаты... но возвращаться было нельзя. Если Джейкоб Дуглас найдет ее, ей конец.

А он непременно найдет...

Мэри подавила рвущиеся наружу рыдания, вытерла глаза и огляделась. На неё уже косо поглядывали: какие-то старухи, перешептываясь, показывали пальцем. И вдруг с противоположной стороны улицы прямо к ней решительно направился высокий мужчина в черном сюртуке.

Ищейка!

Мэри испуганной птицей сорвалась с места и бросилась в тот же переулок, куда чуть раньше убежала маленькая воровка. Свернула налево... потом направо... ноги сами несли её вперед, а она уже не разбирала дороги, просто бежала. Ей чудилось, что преследователь настигает ее, дышит над ухом... один раз, пересекая улицу, она чуть не угодила под дилижанс, и кучер, чертыхаясь, замахнулся на неё кнутом... Вот показалась знакомая вывеска «GREAT SHIP COMPANY, SOUTHAMPTON», и Мэри остановилась, переводя сбившееся дыхание. Теперь, когда у неё нет денег на билет, заходить сюда нет смысла. Что она им предложит? Мести палубу в качестве платы за проезд? Или готовить еду? Или...

Из соседнего переулка вышли уже двое мужчин в подозрительных черных сюртуках, и Мэри охватила настоящая паника. Она огляделась: неподалеку остановилась карета, запряжен-

ная парой лошадей, из неё вышел хорошо одетый джентльмен и сразу направился в контору «Грейт Шип Компани». Кучер слез с облучка и отошел на пару шагов, чтобы размяться. Мэри проводила его взглядом, а потом, повинувшись внезапному наитию – или порыву отчаяния – метнулась к оставшейся без присмотра карете, распахнула дверцу и запрыгнула внутрь.

Она полагала, что карета пуста, но ошиблась. Там сидела молодая белокурая леди в траурном платье, которая так выразительно оглядела ее, что Мэри заранее услышала гневный окрик «Пошла вон отсюда!» и испуганно забилась в угол. Но леди в черном кричать не стала. Только приподняла бровь и сухо поинтересовалась:

– Ты не ошиблась каретой, милочка?

Глава вторая

Когда мистер Спенсер закрыл за собой дверь и направился к ближайшему зданию с вывеской, Кейт задумчиво провела пальцем по деревянной оконной раме. Прохладная. Гладкая. Пыльная. Обивка сидений пахла старой кожей, шаль из тонкого кашемира – лавандой. Под платьем топорщились ненавистные фижмы, грудь сдавливал тесный корсет. Вроде бы все как всегда, ничего необычного, но ей по-прежнему казалось, что мир этот – не настоящий, фальшивый, кем-то придуманный. Странное ощущение после короткого, яркого сна, который она даже не помнила. В памяти осталось лишь смутное и до боли приятное чувство, как будто в том сне она была влюблена. Как будто в тот краткий миг перед пробуждением она была бесконечно счастлива.

Что, если дядя прав и я просто схожу с ума?

Кейт потеряла виски. *Никуда не годится, надо взять себя в руки. Перестать думать о всяких нелепостях и сосредоточиться на предстоящем...*

Дверь кареты резко открылась, и на то место, где еще пару минут назад сидел дядя Грэм, в изнеможении упала юная девушка, скромно, но опрятно одетая, прижимающая к себе дорожный мешок. Темные локоны выбились из-под шляпки, накидка съехала набок, светло-серые глаза взглянули с ужасом и мольбой.

...путешествии.

Вот так сюрприз... В первый миг Кейт потеряла дар речи, но потом решила уточнить, не ошиблась ли нежданная гостья каретой. Возможно, приехав сюда со своей хозяйкой, эта молоденькая служанка отлучилась куда-то с поручением и на обратном пути заблудилась. В незнакомом городе такое нередко случается.

Девушка посмотрела на неё взглядом затравленного зверька и вместо ответа разразилась рыданиями. Она пыталась сдержаться, прикрывала лицо ладонью, терла глаза, но случившееся с ней неведомое горе продолжало вырываться наружу, извергая целые потоки слез. Когда у неё потекло из носа, Кейт не выдержала и положила на колени девушке свой платок.

– Благодарю вас... миледи, – судорожно всхлипнула незнакомка.

– Я не леди, – сказала Кейт. – Можешь называть меня мисс Маккейн. А как твое имя?

– Простите, мисс, – она наконец овладела собой и принялась спешно вытирать покрасневшее лицо. – Меня зовут Марион Уоллес. Я искала контору, где можно купить билет на корабль, идущий в Сент-Джордж.

– Ты произносишь свое имя на французский манер, однако фамилия у тебя шотландская и говор уж точно не местный, – заметила Кейт. – Откуда ты приехала, Марион?

– Из Эдинбурга, – девушка опустила глаза.

– И что тебе понадобилось на Бермудских островах?

Юная шотландка ответила не сразу. Сперва испытующе посмотрела на Кейт, словно решая, можно ли ей доверять.

– Моя мать умерла больше года назад, – призналась она. – После её смерти я выяснила, что мой отец жив и находится в одной из английских колоний. Я собиралась поехать к нему, но...

– Но?

Губы девушки задрожали, а плечи поникли:

– Понимаете, мисс... по дороге сюда ко мне подошла девочка, хорошенькая, как ангел... Я хотела ей дать пару пенсов, но она выхватила у меня из рук кошелек и была такова. Все, что я копила почти целый год... все пропало! И я так расстроилась, мисс, так растерялась... просто не знала, как быть дальше.

Девушка вновь опустила глаза и покраснела. Кажется, она что-то недоговаривала и понимала, что это вряд ли останется незамеченным.

– Сожалею о твоей потере, Марион Уоллес, – холодно ответила Кэтрин, – но вынуждена огорчить: денег на дорогу я тебе одолжить не могу.

Мэри чувствовала себя просто ужасно. На мгновение она представила, как выглядит со стороны, и перед глазами тут же возник образ маленькой попрошайки, рассказывающей наивной и доверчивой девушке страшные сказки о своей жизни с единственной целью: завладеть её кошельком.

Вот только, в отличие от нее, белокурая мисс Маккейн наивной и доверчивой не была.

«Господь всемогущий, как низко я пала! – внутренне содрогнулась Мэри. – Незаконно-рожденная дочь, дерзкая беглянка, новоиспеченная нищенка... и, в довершение всего, в глазах этой леди – бессовестная мошенница и лгунья!»

– Прошу прощения, мисс, – Мэри аккуратно свернула платок и положила его рядом с собой на сиденье, – но я не просила у вас денег. Я не какая-нибудь побирушка, и те сорок фунтов, что лежали в моем в кошельке, я заработала честным трудом. Вот, взгляните, – она показала своей визави огрубевшие от работы ладони. – Пальцы исколоты... я помогала шить женские платья и мужские костюмы для труппы театра «Ройял». Научилась делать парики и шляпы с перьями, накладные усы и бороды. Что еще? Красила и пудрила актрис перед выходом на сцену, затягивала корсеты, подавала и убирала реквизит. Выучила почти все роли в пьесах, которые ставили в нашем театре, и часто на репетициях заменяла суфлера. Мне нелегко достался каждый пенни, поэтому я была просто не в себе, когда лишилась накопленного. Но единственное, о чем бы я осмелилась попросить незнакомого человека, это чтобы меня просто выслушали. И, может быть, дали добрый совет.

– Хорошо, – уже мягче проговорила мисс Маккейн. – Я готова тебя выслушать, только если ты больше не будешь рыдать. И, раз уж ты знаешь наизусть все пьесы театра «Ройял», будь добра, прочти какой-нибудь монолог. Любой, на твой выбор.

А мисс не глупа. Лучшие проверки и не придумаешь.

Мэри сложила руки на коленях, выпрямила спину, а потом с печальной улыбкой произнесла:

– «Нет, мистер Марло, я не буду, я не могу вас удерживать! Неужели вы полагаете, что я соглашусь на брак, в котором останется пусть даже маленький уголок для сожалений? Неужели вы полагаете, что я столь низким образом воспользуюсь преходящим увлечением, чтобы позднее отяготить вас стыдом? Неужели вы полагаете, что я смогу когда-либо насладиться счастьем, добытым за счет полноты вашего счастья?.. Сэр, умоляю вас, откажитесь от вашего решения. Как началось наше знакомство – с равнодушия, – так пусть оно и закончится. Неужели вы серьезно полагаете, мистер Марло, что я когда-нибудь соглашусь на союз, который был бы доказательством моего корыстолюбия и вашего неблагоразумия?»²

– Великолепно, – похвалила мисс Маккейн и впервые сдержанно улыбнулась. – Забавная пьеса, её ставили многие лондонские театры. И читаешь ты хорошо, с таким искренним чувством... Твоя покойная матушка, наверное, была актрисой?

– О нет, – покачала головой Мэри, – но она очень любила театр и учила меня декламировать. Хотите, я еще спою вам арию из «Дуэньи» или прочитаю что-нибудь из Шекспира?

– Благодарю, достаточно! – отмахнулась белокурая мисс. А потом задумчиво подперла кулаком подбородок и уставилась за окно: – Значит, ты хотела плыть на Бермудские острова к своему отцу. Неужели в Шотландии у тебя не осталось родственников?

² Отрывок из знаменитой комедии «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита, 1773 год

– Признаюсь, мисс, – медленно начала Мэри, – кое-кто остался... но я лучше брошусь с пристани и утоплюсь, чем вернусь в Эдинбург. Смотрите, – она вытащила расшитый бисером мешочек и высыпала на ладонь несколько серебряных монет. – Вот все, что у меня осталось, и этого хватило бы на обратную дорогу. Но я как раз сейчас подумала: что, если потерпеть еще немного? Через год или даже меньше у меня появятся деньги на билет. – Мэри вновь ощутила прилив надежды. – Мисс, вы не знаете, в Саутгемптоне есть театр? Я могла бы устроиться туда. Или пусть не в театр, можно и гувернанткой...

– Без рекомендательных писем в приличную семью гувернанткой тебя не возьмут, – охладила её радостный пыл мисс Маккейн. – А идти работать куда попало для молодой девушки крайне опасно. – Она снова задумалась, а потом вдруг спросила: – Скажи, Марион, а ты не хотела бы поступить на работу ко мне?

Кейт прекрасно осознавала, что собирается делать.

Убедившись, что девушка из Шотландии не мошенница и что, по крайней мере, большая часть того, что рассказывает Марион, является правдой, она решила, что сумеет помочь ей. Почему бы и нет? В конце концов, помощь не была безвозмездной: мисс Уоллес получит место на корабле и доберется до Бермудских островов, а Кейт на время плавания приобретет компаньонку, кроме всего прочего, умеющую декламировать и петь. Хоть какое-то развлечение в долгом и утомительном путешествии.

К тому же, хоть Кейт и не призналась бы в этом, её тронула история Марион. Она понимала, что сама пошла бы на что угодно, на любые лишения и жертвы, только бы вновь увидеть отца, услышать его голос. Увы, в её случае не преуспел бы ни один благодетель... Так почему бы не поддержать ту, для которой еще не все потеряно?

Оставалось убедить дядю Грэма не препятствовать ей.

– Послушай, Марион, – сказала она, – сейчас сюда вернется джентльмен, с которым я путешествую, – мистер Спенсер, мой дядя. Он отправился за билетами на корабль, и я буду настаивать, чтобы он еще раз сходил в «Грейт Шип Компани» и купил билет для тебя.

– О, благодарю вас, мисс! – воскликнула девушка, и глаза её вновь увлажнились. Ну вот, только этого не хватало!

– Не перебивай, – оборвала её Кейт и принялась поправлять ей накидку и шляпку. – Говорить буду я, а ты сиди и молчи, только отвечай на вопросы, если дядя тебе их задаст. И отвечай искренне, глядя прямо в глаза, чтобы у мистера Спенсера не возникло сомнений в том, что ты честная и добропорядочная девушка.

– Я поняла, мисс, – кивнула Марион.

– Вот и славно.

Нельзя сказать, что Кейт была полностью уверена в успехе своего предприятия: её дядя не имел склонности к расточительству и всегда был довольно скуп, как на деньги, так и на чувства. Тем более удивительным было его предложение взять племянницу с собой в путешествие на остров Абако, где у мистера Спенсера были дела, связанные с торговлей хлопком, которой он занимался в последнее время. Матушка сказала, что, по мнению её брата, пребывание в океане и на солнечном, цветущем острове положительно скажется на самочувствии Кейт и её настроении. Подобная забота со стороны дяди Грэма стала приятной неожиданностью и повлияла на решение девушки отправиться вместе с ним на Багамы, овеянные легендами о сокровищах и пиратах. Однако скупость мистера Спенсера начала проявляться уже по пути в Саутгемптон, когда они отказались от просторного, удобного дилижанса (*еще бы, ведь проезд в нем стоит целую гинейю!*) и взяли старую карету из имения в Хартфордшире, а на ночь останавливались в самых дешевых из приличных гостиниц и брали одну комнату на двоих. Интересно, что скажет дядя, когда узнает, что Кейт за время его отсутствия умудрилась нанять служанку и пообещала той место на корабле?

«Вряд ли он станет возражать, ведь матушка выделила достаточно денег на мое содержание. А если откажется наотрез... что ж, я заберу Марион и мы с ней вернемся обратно в Хартфордшир. В конце концов, это мое право, моя карета и мои лошади».

Но увидеть океан ей хотелось намного больше, поэтому, едва мистер Спенсер открыл дверь кареты и сунулся внутрь, Кейт стремительно бросилась в атаку.

– Дядя Грэм, позвольте вам представить Марион Уоллес, мою новую горничную, – заявила она тоном, не терпящим возражений. – Я успела с ней побеседовать, и она произвела на меня хорошее впечатление, поэтому я предложила ей работу. Поскольку средств, имеющихся у мисс Уоллес при себе, недостаточно для покупки билета, я прошу вас вернуться в контору и оплатить ей каюту в качестве аванса.

– Эээ... – протянул мистер Спенсер, недоуменно разглядывая незнакомую девушку. Но Кейт не дала ему и слова вставить:

– Вы, разумеется, скажете, что мне не нужна служанка на корабле, но это не так. Вряд ли вы сами станете чистить и проветривать мои платья, помогать мне раздеваться перед сном и затягивать корсет по утрам. Также не думаю, что вы умеете делать прически, а я даже вдали от английских берегов хотела бы выглядеть как истинная англичанка, то есть безупречно. Кроме всего прочего, мисс Уоллес умеет шить, и если что-то случится с вашей одеждой, она непременно её починит. Видите, я неплохо успела изучить её рекомендации, – при этих словах у Марион удивленно округлились глаза, – так что прошу, поспешите в контору и купите билет. Это вопрос решенный.

– Кэтрин, – после долгого молчания произнес ошеломленный мистер Спенсер, – порой вы меня изумляете. Я вас оставил одну в незнакомом городе буквально на полчаса – и вы успели обзавестись премиленькой служанкой, да еще и с рекомендациями. – Кейт заметила, как напряглась Марион, услышав от мужчины в свой адрес слово «премиленькая»; это и правда немного настораживало, хотя в данной ситуации могло сыграть им на руку. – Что же произойдет, если я оставлю вас на полдня? Вы выйдете замуж?

– Оставьте хоть на полгода, я замуж не выйду, – сухо ответила Кейт. – Не хочется из свободной женщины превратиться в зависимое и фактически бесправное существо, полностью подчиненное мужу. Не представляю, какими феерическими достоинствами должен обладать мужчина, которому я согласилась бы во всем подчиняться.

Судя по взгляду юной шотландки, та разделяла её мнение.

– Если вы откажетесь оплатить билет Марион, я немедленно отправлюсь домой, – бросила Кейт свой последний козырь. Только тогда дядя Грэм сдался: смерил племянницу укориженным взглядом и с тяжелым вздохом покинул карету, захлопнув дверь так, что оконное стекло звякнуло. Обе девушки почти одновременно с облегчением выдохнули – и улыбнулись друг другу.

Через четверть часа мистер Спенсер вернулся, молча забрался на свое место и велел кучеру ехать на пристань. Спустя некоторое время мисс Маккейн прервала затянувшееся молчание и поинтересовалась:

– Как называется наш корабль?

– «Валиант», – ответил мистер Спенсер, глядя в окно. – Двухмачтовый пакетбот с двенадцатью пушками, если вам интересно. Не самый новый, но заслуживший репутацию самого быстрого.

– Надеюсь, его пассажирские каюты окажутся более удобными, чем комнаты в дешевых гостиницах, где мы останавливались, – проговорила мисс Кейт. – А то путь на Багамы, знаете ли, неблизкий.

Багамы? Мэри встрепенулась и с немым отчаянием взглянула на девушку. Но та была совершенно спокойна.

– Мы ведь пройдем мимо Бермудских островов, верно, дядя Грэм? – уточнила она. И Мэри испытала невыразимое облегчение, услышав в ответ:

– Разумеется. Бермуды находятся на перекрестке морских путей и являются своеобразным форпостом, защищающим другие британские колонии от посягательств испанцев, французов и пиратов, а также местом, где можно пополнить запасы провизии и питьевой воды. Почти все корабли, идущие к островам Карибского моря или в Америку, делают там остановку.

«Валиант» отплывал из Саутгемптона в полдень.

Погрузка происходила в сплошной суматохе и суете. Кучер вытащил из кареты два громоздких дорожных сундука с вещами мисс Маккейн и мистера Спенсера, получил от последнего пару шиллингов и уехал, даже не оглянувшись. Некоторое время ушло на то, чтобы найти матросов, согласившихся за небольшую плату поднять сундуки на борт; мистер Спенсер и девушки последовали за ними. Судно напоминало растревоженный муравейник: всюду бегали люди, свистели дудки, команда с шумом и криками разворачивала свернутые паруса, откуда-то доносилась отборная брань... Мэри вертела головой по сторонам, из-за чего пару раз споткнулась о лежащие под ногами канаты и едва не упала. Мистер Спенсер подошел к неопрятному на вид человеку, показал купленные билеты, что-то спросил... тот неохотно ответил и махнул рукой в ту сторону, где находились места для пассажиров. Мэри хотела было остановиться у борта и в последний раз бросить взгляд на берег, как на воплощение прошлой жизни, навсегда остающейся позади, но мисс Маккейн взяла её за руку и решительно потянула за собой.

Пройдя через низкий дверной проем, Мэри очутилась в душном полумраке и невольно поморщилась: пахло здесь просто ужасно. Мисс Кейт и её дядя направились к открытым для проветривания каютам, Мэри хотела было последовать за ними, но тот самый неопрятный мужчина схватил её за локоть и, пробормотав «Тебе не туда», повел её вниз по лестнице. В лицо девушке ударил такой смрад, что она закашлялась. Ей казалось, что сейчас она очутится в загоне, где держат взятых в дорогу овец, коз и кур, но вместо этого в свете масляной лампы увидела тесное из-за погруженных вещей помещение трюма, холодное, темное и сырое, где на грубо сколоченных двухъярусных койках, порой не имеющих перегородок, сидели люди – мужчины, женщины, дети, одетые так же, как и она – просто и скромно. Небогатые путешественники, у которых не было денег на оплату каюты первого класса, переселенцы, слуги и служанки тех, кого разместили наверху. Её подвели к свободному месту с краю на нижней койке, рядом с худощавой женщиной в темном платке, и Мэри почти в полуобмороке опустилась на шербатую, изрезанную ножом доску. Положила на колени дорожный мешок, огляделась, пытаясь дышать неглубоко и как можно реже. Вздрогнула, когда неподалеку заплакал ребенок. Услышала громкий мужской смех с верхней полки и почувствовала, что ладони у неё стали холодными и влажными.

«Господь всемогущий, – прошептал внутренний голос, – кажется, я угодила в ад!»

Глава третья

Настоящий ад на «Валианте» начался ближе к вечеру, когда поднялся ветер.

Жуткая неразбериха, всегда осложнявшая начало плавания, усугубилась морской болезнью, сразившей добрую половину пассажиров и даже имеющих на борту животных. Как только корабль оказался в открытом море и качка усилилась, многие ощутили дурноту и головную боль: обитатели кают первого класса заперлись у себя и почти не вставали с коек, гоня туда-сюда слуг, лица которых отливали болезненной зеленью; те, кого поселили на нижней палубе, страдали сообща, но при этом старались хоть чем-то друг другу помочь. Мужчины пускали по кругу бутылки с элем, уверяя, что нет более верного средства от тошноты. Женщины по очереди укачивали беспрестанно орущих детей, пытались отвлечься разговорами, утешали неопытных путешественников обещаниями, что все это скоро закончится, просто нужно время, чтобы привыкнуть. Женщина в темном платке, сидевшая рядом с Мэри, которую не миновало недомогание, поделилась с девушкой маковой настойкой, и та смогла хоть немного поспать, невзирая на шум, духоту и вонь. Но, проснувшись, Мэри осознала две вещи: во-первых, полтора месяца здесь она просто не выдержит, а во-вторых, качка никуда не делась и к ней нужно как-то приспособиваться – впереди ждало долгое плавание и все это время лежать пластом никуда не годилось. Ведь, как-никак, её взяли на корабль в качестве служанки мисс Маккейн, а у служанок немало обязанностей, которые следует неукоснительно выполнять. Мэри сомневалась, что в противном случае её выбросят за борт, но совесть не позволяла ей обмануть ожидания и доверие своей благодетельницы.

Пока головокружение и слабость не позволяли ей встать, Мэри начала заводить знакомства с соседками и выяснила, что среди них было еще две женщины из числа прислуги. Они-то и объяснили девушке нехитрые правила: вставать нужно рано, за час до того, как встает хозяйка, и, поднявшись наверх, ждать, когда позовут; завтрак, обед и ужин подают в обеденном салоне, и там обязательно нужно прислуживать, а потом, если повезет, можно поесть и самой, потому что внизу воздух такой скверный, что кусок в горло нейдет. В хорошую погоду следует сопровождать хозяев на прогулке по палубе, в плохую, пока они не улеглись спать, нужно быть рядом и выполнять все их поручения. Кроме того, женщине на корабле вменялось в обязанность вести себя тихо, скромно и, по возможности, не привлекать внимание матросов – мужчин грубых и весьма опасных для молодых особ.

– Джентльмены тоже могут от скуки проявить к тебе интерес, – поучали служанки, – но ты не думай, будто это всерьез. Им нужно только то, что у тебя под юбкой, и быстрые удовольствия, способные скрасить однообразие будней. Если не проявить осторожность, к моменту прибытия от твоей добродетели не останется и следа.

Ближе к полудню Мэри отважилась встать и кое-как выбралась по трапу наверх. Свежий воздух взбодрил ее, солнце и ветер подняли настроение, оживили, придали сил. Девушка постояла немного возле фальшборта, полюбовалась плывущими над морем белыми облаками и вскоре почувствовала, как тошнота отступает, сменяясь голодом. На палубе было жарко, хотелось пить, и Мэри отправилась на полубак, к каютам первого класса, размышляя о том, почему мисс Маккейн до сих пор за ней не послала, ведь они уже целые сутки находились в пути.

Объяснение было простым: Кейт, как и Мэри, пала жертвой морской болезни и находилась в таком удручающем состоянии, что не могла даже встать с койки. Мэри удивилась, когда заметила на её бледном лице следы от недавних слез.

– Марион, я умираю, – еле слышно прошептала она.

– Не думаю, мисс Маккейн, что все настолько ужасно, – девушке пришлось постараться, чтобы выглядеть уверенной и жизнерадостной: в тесной каюте, несмотря на наличие некоторых удобств, было темно, влажно и душно. – Дурнотой на корабле сейчас страдают почти все, кроме

опытных путешественников и членов команды. Вы непременно поправитесь через день или два. Мне тоже сначала было так худо, что я не могла головы поднять, а теперь – видите? – стою на ногах и уже побывала на палубе, где дует прохладный ветер, а над головой простирается бескрайнее голубое небо...

Мэри говорила и говорила, и Кейт, державшая её за руку, постепенно успокоилась, а потом задремала. Девушка зажгла вторую свечу и стала разглядывать её спящую – в ночной рубашке, с разметавшимися по подушке волосами, с чуть приоткрытыми пересохшими губами. Удивительное чувство охватило ее: она знала белокурую мисс всего лишь второй день, а ей отчего-то вдруг показалось, что целую вечность.

«У неё такая тонкая кожа, что сквозь неё видны вены. Она производит впечатление слабой, незащитной и хрупкой...» – с неожиданной нежностью подумала Мэри и вздрогнула: по спине пробежал неприятный холодок.

...но впечатление это обманчиво, и многие, поверив ему, заплатились жизнью.

Мысли были чужие, пугающие. Они возникли из ниоткуда, словно из запредельных глубин памяти, но, как ни странно, еще больше уверили её в том, что она встретила кого-то давным-давно потерянного, но по-прежнему дорогого.

«Похоже на наваждение. Разве такое возможно?»

Мэри приложила ладонь ко лбу. Неужели, в довершение всех бед, у неё началась горячка? Нет, лоб холодный. Наверное, всему виной духота; нужно выйти наружу самой и проветрить каюту: чистый, прохладный воздух облегчит состояние мисс Маккейн и избавит от непонятных, тревожащих ощущений.

«А когда мисс проснется, я выведу её на палубу. Свежий ветер и чудесный морской пейзаж быстро приведут её в чувство».

Жажда вновь напомнила о себе, и, убедившись, что девушка спит, Мэри отправилась в салон за кружками, а потом – за питьевой водой. По дороге она старалась предугадать каждое движение корабля, довольно быстро приоровилась ходить, широко ставя ноги и придерживаясь за стены. Вернувшись назад, впустила немного свежего воздуха в каюту, с наслаждением выпила воды, поставила на откидной столик кружку для Кэтрин, а потом, убаюканная качкой, уснула с краю на узкой койке в ногах у белокурой мисс.

На выкупленное для неё место Мэри не вернулась: недомогание мисс Маккейн длилось целую неделю, и бедняжке было так тяжело и так одиноко, что она не желала отпускать от себя компаньонку ни днем, ни ночью. Правда, Мэри приходилось не только утешать её и развлекать, но и делать всю грязную работу, в том числе менять постельное белье и рубашки мисс, выносить за ней ведро, тщетно пытаться покормить ее, а потом держать перед ней таз, когда девушку в очередной раз тошнило. Но она благодарила бога за то, что потихоньку движется к своей цели и к тому же имеет возможность оказать ответную помощь страдающей Кейт.

– Я совсем тебя замучила, Марион, – грустно улыбалась она. – Прости, мне так неудобно, но я ничего не могу с собой поделать.

– Ну что вы, мисс Маккейн! – Мэри смущенно опускала глаза, а потом настойчиво придвигала ближе кружку с бульоном: – Вам нужно набраться сил, чтобы выйти на палубу и увидеть, как бесконечно красиво море в солнечную погоду. Давайте попробуем начать с одного глотка... а там, глядишь, получится выпить и все целиком.

А вот мистер Спенсер, имевший опыт морских путешествий, чувствовал себя превосходно, много времени проводил с другими джентльменами в салоне для пассажиров, где пил бренди, играл в карты и вел неторопливые беседы, и лишь изредка заглядывал в каюту к племяннице, чтобы выразить не столько сочувствие, сколько плохо скрываемое недовольство тем, что Кэтрин день ото дня становится слабее и, как он выразился, непривлекательнее. Ему также

не нравилось то, что Мэри постоянно крутится возле его подопечной, остается на ночь – «место прислуги на нижней палубе!» – и не может заставить мисс подняться с постели и вновь стать здоровой и цветущей. Он разговаривал с девушкой холодно и свысока, но при этом бросал жадные взгляды на её лицо и фигуру, думая, что она ничего не замечает. Это было неприятно, унижительно и – да, вызывало опасения, поэтому очень скоро Мэри начала его избегать.

Удавалось ей это не всегда. Однажды вечером она дождалась, когда мисс Кэтрин заснет, и решила выйти подышать на палубу, но, едва прикрыв за собой дверь каюты, услышала над ухом знакомое покашливание и вкрадчивый голос:

– Марион! Ну, надо же, а я уж было решил, что ты от меня прячешься.

Мэри обернулась. Мистер Спенсер, ухмыляясь, буквально нависал над ней, чуть покачиваясь в такт размеренным движениям корабля. Его белая рубашка была небрежно расстегнута. Потянув носом, девушка ощутила исходящий от мужчины запах спиртного и неловко попятилась.

– Как здоровье мисс Кейт? – поинтересовался мистер Спенсер. – Она не вставала?

– Ей намного лучше, – испуганно солгала Мэри, примериваясь, как бы половчее проскользнуть мимо мужчины на палубу. – Думаю, она скоро встанет, сэр. Я делаю для этого все возможное.

– Ты умница, Марион. – Он впервые похвалил ее. – Такая трудолюбивая и... талантливая. Я слышал, как ты читаешь племяннице Шекспира; быть может, прочитаешь пару сонетов и мне?

– Как вам угодно, сэр. – Мэри показала рукой в сторону салона: – Идемте, я с удовольствием...

– Нет-нет, к чему нам посторонние слушатели? – Мужчина покачал головой и придвинулся ближе. – Хочу быть единственным... только ты и я. Для этого лучше подойдет моя каюта, – он повернулся и приоткрыл дверь: – Прошу! Не бойся, Марион, проходи. Полагаю, мы проведем время весело и с пользой. Я обожаю сонеты и высоко ценю умение... декламировать.

– Мистер Спенсер... – Мэри отступила еще на шаг. Возможно, она была неопытной и наивной, но сейчас ясно видела, что в глазах мужчины плещется бренди, разбавленный похотью. – Благодарю за приглашение, но я... сэр...

– Можешь называть меня Грэм, – шепотом сообщил он и, внезапно приблизившись, накрыл её губы своими. Девушка ощутила, как его скользкий язык проталкивается ей в рот, заверещала и прикусила его, а потом толкнула мужчину в грудь. В следующий миг её оглушила звонкая и болезненная пощечина.

– Дрянь! – прошипел мистер Спенсер, вытирая губы ладонью. – Грязная потаскуха!

И тут дверь за спиной девушки распахнулась. На пороге своей каюты – о, чудо! – появилась мисс Маккейн, бледная, похожая на привидение в мятой ночной рубашке и со свечой в руках.

– Что здесь происходит? – спросила она, глядя то на разъяренного дядю, то на схватившуюся за щеку Мэри. Та уже открыла было рот, чтобы ответить, но мистер Спенсер её опередил:

– Ничего необычного, Кэтрин. Твоя служанка повела себя дерзко, а когда я сделал ей замечание, нагубила мне, и я был вынужден её наказать. Вот что значит принять на работу девицу сомнительного происхождения и не посоветовавшись со мной!

– Неправда! – воскликнула Мэри, чувствуя, как, с одной стороны, её охватывает возмущение, а с другой – жгучая обида и стыд, заставляющие краснеть. – Я не губила, вы сами... вы меня...

Она вспомнила его язык у себя во рту и скривилась от отвращения. Мисс Кейт внимательно посмотрела на нее, потом перевела взгляд на дядю. Между тем двери соседних кают

начали приоткрываться: шум в коридоре привлек внимание других пассажиров. «Господь милосердный, если пойдут пересуды...»

– Марион, немедленно ступай в каюту, – сдержанно велела Кэтрин. – А вы, дядя Грэм, идите к себе. Поговорим обо всем утром. Доброй ночи.

Она пропустила девушку внутрь и захлопнула дверь перед носом у мистера Спенсера, после чего села на свою постель, спешно поставила на колени таз и склонилась над ним. Мэри опустила на пол возле её ног и замерла. В мучительном ожидании текли минуты, но ничего не происходило. Наконец она осмелилась подать голос:

– Мисс Маккейн, я правда... я никогда не посмела бы... Мне стыдно в этом признаться, но ваш дядя...

– Знаю, – устало вздохнула Кейт. – Мой дядя пьян: от его запаха меня едва опять не стошнило. Слава богу, кажется, обошлось. – Она отодвинула таз и посмотрела на Мэри. – Завтра утром он наверняка и не вспомнит, как обошелся с тобой. Видишь ли, Марион, нередко вино и бренди даже благородных мужчин превращают в скотов, выпуская наружу то, что обычно скрыто под маской хорошего воспитания. Что делать в этом случае нам, женщинам? Господь завещал не держать на обидчиков зла, – Кэтрин произнесла это так, словно подвергала сомнению божественную заповедь. – Но, я думаю, прощать надо лишь тех, кто способен раскаяться.

Мэри медленно поднялась и села рядом на край постели.

– Он поцеловал меня, – с горечью прошептала она. – Никогда не думала, что мой первый поцелуй будет таким... таким омерзительным.

Кейт понимающе улыбнулась и взяла её за руку:

– Это не считается, Марион. Твой первый настоящий поцелуй, я уверена, будет прекрасен и полон взаимного чувства... Знаешь, что? Раз уж болезнь отпустила меня и я смогла встать, давай прогуляемся. Честное слово, я больше не в силах созерцать эти мрачные стены и потолок!

– С удовольствием, мисс! – Мэри тут же вскочила, приоткрыла дверь и выглянула наружу. Из каюты мистера Спенсера доносился негромкий храп.

– Путь свободен, мисс Кейт! – с улыбкой доложила она. – Подождите немного, я помогу вам одеться.

Спустя четверть часа они стояли на палубе под шелестящими парусами, смотрели на ночное море и в усыпанное звездами небо. Теплый ветер трепал их распущенные волосы, переплетал белокурые с темными, ласково гладил не тронутые загаром лица.

– Как красиво! – восторженно шептала Мэри. – Вон там, справа – облако, похожее на застывшего в прыжке зверя. А под ним – другое, похожее на летящего журавля.

– Здесь необычные звезды, – тихо проговорила Кэтрин, разглядывая в вышине крошечные блестящие точки. – Вроде бы те же созвездия, на том же месте, но что-то с ними не так... Не понимаю, что именно. Ты ничего не чувствуешь, Марион?

Мэри подняла голову и замерла на какое-то время. Потом пожала плечами:

– Не знаю, мисс. В море многое видится совершенно иначе. Я слышала, оно делает людей другими... поэтому, возможно, меняются не звезды, а те, кто смотрит на них.

– Тоже верно, – задумчиво отозвалась Кейт и поплотнее закуталась в шаль: – Становится свежо. Думаю, на сегодня достаточно, Марион. Будь так добра, дай мне руку, и пойдем спать.

Утром мистер Спенсер выглядел и вел себя так, словно накануне ничего не случилось. Мисс Кейт впервые вышла завтракать в салон, и это его несказанно обрадовало: сопровождавшая девушку Мэри с недоумением наблюдала за тем, как он весело балагурит, старается расшевелить племянницу и заводит пространные беседы с другими мужчинами. У Кэтрин еще не было аппетита, поэтому она довольно быстро покинула салон и увела с собой компаньонку, однако после завтрака мистер Спенсер сам подошел к ним и смиренно проговорил:

– Душечка Кэт, Марион, похоже, вчера я вел себя крайне предосудительно, и, хотя вспомнить что-либо сегодня, увы, не могу, прошу простить мою невоздержанность и скверное поведение. Развеять скуку на этой посудине помогает только хорошая компания, а в хорошей компании непременно угощают хорошими напитками. – Он широко улыбнулся, а потом опустил голову, всем своим видом показывая, что раскаивается, пусть и не виноват: виноваты, конечно же, скука и бренди. Но в глубине его прищуренных глаз было нечто, ясно говорившее: этот человек все прекрасно помнит и ничуть не сожалеет о случившемся.

– Извинения приняты, дядя Грэм, – ответила Кэтрин, – только впредь прошу вас знать меру и держать себя в руках. И еще – не обращаться ко мне, как к кошке³.

Мистер Спенсер жизнерадостно рассмеялся, поцеловал её в лоб и потрепал по щеке Мэри. Девушка вздрогнула от отвращения, но не подала виду, лишь улыбнулась:

– Сэр, не хотите составить компанию мисс и послушать сонеты Шекспира?

У мистера Спенсера невольно дернулся глаз, а выражение лица стало таким кислым, что Мэри не удержалась от смеха. Мужчина выпрямился, сдержанно пробормотал «Благодарю, в другой раз» и, поджав губы, откланялся.

– А ты, Марион, оказывается, та еще штучка! – Кейт с интересом взглянула на спутницу и тоже рассмеялась: – Впрочем, мой дядя это заслужил. В следующий раз подумает, прежде чем совершать что-то подобное.

Теперь, когда мисс Маккейн стало лучше, они почти все свободное время проводили на свежем воздухе: любовались морскими просторами, грелись на солнце, читали или негромко беседовали о разных вещах. Прочие пассажиры не проявляли к ним особого интереса: женщины держались своих мужчин, офицеры и капитан вообще старались не иметь никаких дел с пассажирами, воспринимая их как вечно путающийся под ногами и беспокойный балласт, одинокие джентльмены несколько раз подходили к девушкам с целью представиться и завязать разговор, но тут же появлялся бдительный дядя Грэм, отвлекал их внимание на себя и больше этих молодых людей Мэри и Кейт рядом с собой не видели. Корабельные матросы жили своей обособленной жизнью и, казалось, вообще не замечали их, однако спустя несколько дней Мэри случайно убедилась в обратном.

Вечером, когда стемнело, она вышла одна постоять у фальшборта: Кэтрин уже уснула, а Мэри отчего-то не спалось, и она надеялась, что шелест волн и прохладный ветер излечат её от бессонницы. В темноте закутанную в платок девушку, устроившуюся возле лестницы, ведущей на шканцы, легко было заметить, что и произошло с проходившими мимо двумя матросами. Поэтому Мэри стала невольной свидетельницей их разговора.

– Дурная примета. Знаю, о чем говорю, – сказал один. – Будь моя воля, я бы не взял её на борт за сотню гиней, и наш предыдущий капитан, да упокоит Господь его душу, поддержал бы меня. А нынешний думает только о выгоде. Накличет на всех нас беду, вот увидишь.

– Я думал, плохая примета – это убить альбатроса или выйти в плаванье в пятницу, – засомневался второй.

– Нет! – горячо возразил первый. – Еще мой дед говорил: женщина на корабле – само по себе скверно, а женщина в черном – вдвойне. Хуже только покойник, я знаю, о чем говорю.

Второй ненадолго задумался, потом хохотнул:

– Невелика беда! Надо просто избавиться от проклятого платья. Пройти мимо и, скажем, уронить на него горящий фитиль: ой, простите, мэм, я так неловок!.. Вот начнется потеха: подол сгорит, останутся только эти забавные штуки из китового уса да панталоны под ними. Воображаю, как юная вдовушка завизжит и бросится бежать!

³ Имя *Kathryn* (Кэтрин) имеет несколько уменьшительных вариантов, в том числе *Kate* (Кейт) и *Kat* (Кэт). Последний созвучен со словом *cat* (англ.) – кошка

Мужчины засмеялись и стали подниматься на шканцы. Выждав какое-то время, Мэри огляделась и тенью метнулась на полубак. Кейт сонно прищурилась и приподнялась на койке, когда девушка второпях зажгла обе свечи.

– Марион? – удивленно пробормотала она. – Что случилось?

– Простите, мисс, – Мэри присела рядом, переводя сбившееся дыхание и взволнованно глядя ей в глаза: – Мисс Маккейн... Кэтрин... милая Кейт, вам грозит опасность!

Глава четвертая

– Не беспокойся, Марион, – сказала Кейт, выслушав перепуганную девушку. – Они не посмеют. На корабле запрещен открытый огонь; даже наши свечи устроены так, что при падении сразу же гаснут. И офицеры во главе с капитаном не оставят без наказания подобную выходку...

– Да, мисс, – перебила её юная шотландка, – разумеется, они накажут виновных, но вам это уже не поможет. У нас в театре был случай: после спектакля молоденькая актриса не заметила свечу, забытую на краю стола, и неосторожно встала рядом. Сперва у её платья вспыхнула кружевная манжета, затем загорелся рукав и пламя перекинулось на пышный ворот. Другие актрисы бросились на помощь и быстро потушили огонь; костюм оказался несильно испорчен, и мы с миссис Спрингс за два дня его починили, но вот багровые пятна ожогов на плече и шее бедняжки не сходили несколько месяцев и оставили после себя безобразные шрамы. Только благодаря доброте мистера Росса девушка не потеряла работу и не оказалась на улице: он даже оплатил ей лечение. – Марион помолчала, а потом умоляюще взглянула на Кейт: – Прошу, подумайте о себе. Неужели какое-то платье стоит того, чтобы из-за него пострадать?!

Какое-то платье...

Женщины не облачаются в черное просто так, по своей прихоти. Все это время её компаньонка проявляла удивительную деликатность и ни разу не спросила, по кому молодая мисс носит траур. Сама Кейт говорить с кем-либо о потере и искать сочувствия не хотела, но сейчас вдруг осознала, что её тянет открыть свою душу Марион. Что это необходимый и правильный шаг на пути... к чему?

Кажется, она догадывалась.

– Чуть больше трех месяцев назад я потеряла единственного мужчину, которого беззаветно любила, – сделав над собой усилие, проговорила Кейт. – Его звали сэра Джеймс Гарольд Маккейн, он был полковником в отставке и моим отцом.

Кейт была пятой по счету и последней попыткой полковника Маккейна обзавестись наследником мужского пола. Когда она появилась на свет, сэру Джеймсу исполнилось сорок восемь, её матери было тридцать. Аманда Луиза Маккейн, в девичестве Спенсер, имея приданое в десять тысяч фунтов, вышла замуж за полковника в возрасте семнадцати лет; в восемнадцать родила дочь Анну, в двадцать – дочь Шарлотту, в двадцать два – еще одну дочь, Софию. На этом можно было бы остановиться, но сэра Джеймс Маккейн был оптимистом, поэтому в двадцать пять его жена родила четвертую дочь, Луизу, и заявила, что больше не намерена иметь детей. Несколько лет, при поддержке семейного врача, миссис Маккейн удавалось избежать неприятной обязанности, однако полковник, прекрасный стратег и тактик, стремясь достичь вожденной цели, применял не только словесные уговоры, но и телесную настойчивость; таким образом, осенью 1762 года в семье появилась пятая девочка, которую назвали Кэтрин Роуз. После этого миссис Маккейн, сославшись на подорванное родами здоровье, навсегда закрыла для мужа двери своей спальни. А младшую дочь отдала кормилице и не особенно интересовалась ею до тех пор, пока однажды к ней в гости не приехала её кузина из Лондона, миссис Пирс.

Надо отметить, что Кейт единственная из дочерей полковника не походила на мать – женщину высокую, статную и по характеру очень спокойную, даже флегматичную. Старшие дочери были точными копиями Аманды Маккейн в юности, Кэтрин же явно пошла в отцовскую породу, чем, видимо, и привлекла внимание сэра Джеймса. Не питавший особой привязанности к другим дочерям полковник неожиданно стал уделять почти все свободное время

младшей, которую называл Кит⁴ и заставлял одевать как мальчишку. И теперь по их дому в Хартфордшире носился босоногий маленький сорванец с коротко стриженными белоснежными кудрями, совершенно не понимавший, как и зачем играть в куклы, но зато знавший, как зовут каждую из двенадцати принадлежавших полковнику гончих, и более всего на свете любивший наблюдать, как сэр Джеймс разбирает и чистит какой-нибудь экземпляр из своей ружейной коллекции.

– Это кремниевый замок, – объяснял он любознательному ребенку. – Вот курок, он ударяет по стальному огниву. А называется вся эта штука Браун Бесс⁵.

Девочка по имени Кит внимательно слушала, глядя на отца не по-детски серьезными темно-голубыми глазами.

Так вот, когда вышеупомянутая миссис Пирс очутилась в поместье своей кузины и увидела, как по двору, размахивая хворостиной, носится неугомонное дитя непонятного пола, она решила внести свою лепту в воспитание будущей мисс Маккейн.

– Аманда, душечка, а сколько лет твоей самой младшей? – спросила она.

– Точно не помню, – рассеянно отозвалась женщина. – Должно быть, года четыре.

– Вижу, ты совсем не занимаешься ею, – строго сказала миссис Пирс. – Кэтрин не похожа на девочку, она выглядит как маленький разбойник, играет в какие-то дикие, шумные игры, бегают босиком и откликается на мужское имя. Полагаю, все это причуды твоего мужа, который никак не смирится с волей Всевышнего и пытается сделать из дочери сына. Но, дорогая Аманда, это невозможно! Девочка из хорошей семьи должна выглядеть и вести себя, как подобает девочке. Не хочу тебя пугать, но я знаю в Лондоне одно семейство... там девице уже скоро тридцать, а она до сих пор не замужем, коротко стрижет волосы, ездит в седле по-мужски и имеет довольно грубые манеры. Но самое ужасное то, что, по слухам, эта девица и её компаньонка... – миссис Пирс наклонилась к кухне и что-то прошептала ей на ухо, отчего лицо Аманды Маккейн покрылось пунцовыми пятнами. – Неужели ты хочешь, чтобы Кэтрин, став взрослой, тоже считала себя мужчиной? Милая моя, тебе давно пора взяться за дочь и сделать из неё истинно английскую леди. Пусть мы и джентри⁶, но наше поведение и манеры должны быть безупречными.

Слова старшей родственницы произвели впечатление на миссис Маккейн, и, хотя к тому времени уже подросла её первая дочь Анна и нужно было устраивать её судьбу, она, выражаясь дипломатическим языком, выслала мужу ноту протеста и немедленно взялась за превращение сорванца в настоящую мисс. Кит стала откликаться на Китти, затем на Кейт, в её гардеробе появились менее удобные, но зато красивые платья, чулки и шляпки, а главное – туфельки, ей отрастили волосы, приучили каждый день мыться, передвигаться не галопом, а неторопливой походкой, и говорить тихо, сдержанно, вежливо. Когда следующим летом миссис Пирс приехала на свадьбу Анны, она не узнала в послушном и милом ангелочке того вопящего и скачущего бесенка, которого встретила год назад, и выразила восхищение способностями кузины к перевоспитанию.

Пожилая миссис не знала одного: в глубине души Кэтрин Роуз осталась все тем же неистовым маленьким демоном, стремительным и непокорным. И только один человек на свете принимал и любил её именно такой...

– Воспитывая, мать поощряла в нас с сестрами только то, что считала правильным, остальное её раздражало. – Кейт обхватила руками колени. – Мы учились рисованию, пению, танцам, вышивали, играли на фортепиано. Она старалась привить нам свой собственный вкус в

⁴ Кит (*Keith*) – английское мужское имя.

⁵ Brown Bess – британский мушкет образца 1722 года.

⁶ Нетитулованное дворянство в Англии.

одежде, тщательно подбирала книги для чтения – чаще всего сентиментальные романы, одобряла взгляды и суждения, принятые в обществе, и радовалась, когда её дочери одна за другой удачно выходили замуж. Отец давал каждой по десять тысяч фунтов приданого, поэтому у моих сестер не было недостатка в женихах. – Она помолчала. – Для меня же его приданое было особенным. Деньги – само собой, но было и другое, не менее ценное...

Хорошее образование – вот что стремился дать ей отец. По его словам, вся разница в воспитании юных джентльменов и леди заключалась лишь в том, что первым было доступно больше знаний, свобод и прав. Благодаря полковнику Кейт в раннем детстве удалось вкусить полной свободы – и она навсегда запомнила этот пьянящий вкус. Но, даже отказавшись от нелепой затеи обращаться с дочерью как с сыном, сэр Джеймс решительно двинулся дальше и сосредоточился на всестороннем развитии Кэтрин, жалея лишь об одном: что не сможет дать ей те права и свободы, которые общество предоставляет джентльмену.

За свою долгую жизнь он собрал прекрасную библиотеку, дополнив ту, что досталась в наследство ему самому. В ней каждый вечер и проходили занятия, больше похожие на занимательные беседы. Сэр Джеймс любил рассказывать, а Кейт – слушать, и порой они до глубокой ночи изучали географию по старым потертым картам и воспоминаниям полковника о войне с французами в Индии, заодно повторяя неприятельскую грамматику и ведя арифметический подсчет потерям с той и с другой стороны, а за дверью переминалась несчастная гувернантка, не смеявшая войти и прервать урок, но при этом боявшаяся, что миссис Маккейн отругает ее, если Кэтрин опять не ляжет спать вовремя... Часто отец читал дочери книги, позже она начала читать сама и на занятиях они обсуждали прочитанное. Полковник стремился не столько загрузить её голову разнообразными знаниями или чужими мнениями, сколько развить в ней острый, пылкий ум, способный делать выводы и создавать собственные суждения. Он не ограничивал образовательные возможности Кейт рамками предрассудков: именно поэтому в возрасте пятнадцати лет она прочла несколько книг Мэри Эстелл⁷ и леди Уортли-Монтегю⁸ – смелые идеи первой и сильный характер второй произвели на девушку неизгладимое впечатление, а книги стали предметом долгих дискуссий не только с отцом, но и с другими джентльменами на светских приемах, куда Кэтрин вскоре начали вывозить. Она пыталась обсуждать правильное отношение к браку и с юными мисс, но те сочли её слова слишком сложными для понимания и негласно, между собой объявили младшую мисс Маккейн сумасбродкой...

– Не вижу ничего плохого в женском образовании, – пожала плечами Марион. – Нигде в Библии не сказано, что Господь создал мужчин умными, а женщин – глупыми. К примеру, то, что задумали те два матроса, можно назвать непростительной глупостью. А вы, мисс, я верю, проявите благоразумие и...

– Перестану появляться на людях в траурном платье? – грустно улыбнулась Кейт. И вздохнула: – Увы, это изменит меня только внешне. О болезни отца стало известно два года назад; как истинный солдат, он сражался до последнего, но... все это время я жила, как в кошмарном сне, предчувствуя неизбежную разлуку. Я еще не носила черное, но в душе уже было черным-черно. – Она задумалась. – Правда, когда это наконец произошло, мне было проще: я успела смириться с потерей. Гораздо страшнее, когда любимые люди уходят внезапно и ты не успеваешь даже проститься.

– Наверное, мисс, – отозвалась Марион. – Я не знаю... моя матушка тоже болела несколько месяцев.

⁷ Писательница, защитница образовательных прав для женщин, заслужившая звание «первой английской феминистки».

⁸ Английская писательница, путешественница. Известна своими «Турецкими письмами» – первым произведением светской женщины о мусульманском Востоке.

Они помолчали. Кейт протянула руку, нашла пальцы Марион, переплела их со своими. После откровенного разговора ей и правда стало намного легче, словно на сдавившем ее, не дающем дышать корсете вдруг распустили туго затянутые шнуры.

– Послушайте меня, мисс Кэтрин, – проговорила Марион. – Вряд ли ваш отец хотел, чтобы вы вечно по нему тосковали. Вряд ли он мечтал, чтобы ваше будущее было безрадостным. Судя по всему, он желал видеть вас необыкновенно счастливой... поэтому, я считаю, пришло время перестать хоронить себя в черной тоске и жить дальше.

Кейт задумалась.

– Ты права: я отправилась в путешествие, чтобы развеяться, но мой аскетичный и скорбный вид не позволяет забыть об утрате. Как-то это неправильно, согласишься? – Она снова улыбнулась, но уже без прежней грусти. – Вот только знаешь что, Марион?

– Что, мисс?

– Когда мы садились на корабль, все наши вещи отправили в трюм, им не место в каютах. Бог знает, где сейчас наши сундуки, поэтому вряд ли в ближайшие дни я доберусь до других платьев.

Юная шотландка расстелила свой платок у неё в ногах и задула свечи.

– Говорят, лучшие мысли приходят в свежую голову, – сказала она, устраиваясь поудобнее. – Давайте подумаем об этом утром, мисс Кейт.

Самым простым решением – и они обе с этим согласились – было обратиться за помощью к мистеру Спенсеру. Каково же было их изумление, когда дядя Грэм ответил вежливым, но решительным отказом.

– Душечка Кэтрин, все это глупости. Матросы просто болтали чепуху: да, они суеверны, но не настолько, чтобы причинять вред пассажирам. Однако, на всякий случай, я поговорю с офицерами, поэтому можешь не волноваться.

– Но я не желаю носить это платье, – нахмурилась Кейт. – Со дня смерти отца прошло уже больше трех месяцев, глубокий траур закончился. Теперь я имею право надевать скромные наряды другого цвета и даже некоторые украшения. К моменту нашего возвращения я уже смогу одеваться как прежде и выходить в свет...

– Кэтрин, хорошо воспитанные дети, горячо любившие покойных родителей, ходят в черном по полгода, а то и год, – перебил её мистер Спенсер. – Поэтому я настаиваю, чтобы ты продолжала следовать традиции хотя бы на корабле; ко всему прочему, это уберезет тебя от излишнего мужского внимания, которое, по твоим же словам, раздражает.

– Я не говорила ничего подобного! – возразила Кейт, но дядя Грэм непреклонно качнул головой:

– Нет, Кэтрин. Это все ради твоего же блага.

– Платье испачкалось, сэр, в нем уже неприлично выходить в люди, – подала голос Мэри. Мистер Спенсер смерил её прищуренным взглядом и с холодной усмешкой проговорил:

– Ну, так почисти его и приведи в порядок. Это, между прочим, твоя обязанность.

Когда он ушел, Кейт еще долго стояла в дверях своей каюты, глядя ему вслед и кусая губы.

– Должно быть, ваша матушка велела ему следить, чтобы вы ничем себя не скомпрометировали, – предположила Мэри. – Либо по какой-то причине он сам решил оберегать вашу репутацию, невзирая на то, чем это может обернуться для вас.

– Не важно, что там решили другие, – Кейт вздернула подбородок с видом человека, принявшего вызов. – Я не отступлю и добьюсь своего. Любым способом.

Внезапно в голову Мэри пришла потрясающая по своей простоте и дерзости идея.

– Мисс Кэтрин, – загадочно улыбнулась она, – а что если мы, напротив, поступим именно так, как велел ваш дядя?

Мэри вышла на залитую солнцем верхнюю палубу, прижимая к себе охапку черного шелка и кружев, и с трудом подавила рвущийся наружу смех.

«Это будет забавно, – сказала ей мисс Кейт. – Жаль, я не смогу увидеть все своими глазами».

Людей здесь в это время было немного: кто-то прогуливался вдоль борта, несколько офицеров стояли на шканцах, двое матросов возились у шлюпок. Сперва Мэри, изображая усердную служанку, расправила платье и стала его осматривать. Потом сделала вид, будто пытается оттереть обнаруженное ею пятно. Притворившись, что затея безуспешна, девушка разжала кулак и обильно посыпала мнимое пятно прихваченной по дороге солью. Подождала немного – и направилась к открытому проему фальшборта. Сердце её испуганно колотилось: *что если не получится так, как задумано?*

В лицо ей ударил сильный порыв ветра. Мэри судорожно выдохнула, развернула скомканное платье, затрепетавшее в потоках воздуха, несколько раз встряхнула его, а потом зажмурилась и... разжала пальцы.

Громко хлопавший черный шелк и кружева тут же куда-то упорхнули. Мэри открыла глаза, глянула вниз – ничего, посмотрела по сторонам – нигде не видно. Девушка стиснула руки, боясь обернуться и не зная, что делать дальше. Как бы повела себя на её месте служанка, по-настоящему упустившая за борт красивое и дорогое платье хозяйки? Мэри не знала. Возможно, ей следует ахнуть и заметаться по палубе... а может, пока никто не видит, мышью юркнуть на полубак и затаиться там.

За её спиной раздалися шаги, и красивый мужской голос произнес:

– Какая неприятность! Я надеялся, что оно зацепится за рею и матросы снимут его, но увы...

Девушка вздрогнула и обернулась: перед ней стоял симпатичный джентльмен – стройная фигура, коротко стриженные рыжеватые волосы, светло-серые глаза, изящно очерченный рот. Молодой человек вежливо поклонился ей и представился:

– Чарлз Пламмер к вашим услугам, мисс. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Мэри с трудом разлепила губы, чтобы ответить.

– Марион Уоллес, сэр. Служанка мисс Маккейн, – пробормотала она, пряча взгляд и краснея. Выходит, у её преступления есть свидетель. Он наверняка заметил, что Мэри сделала все нарочно, и расскажет об этом мистеру Спенсеру. Какую меру наказания тот для неё изберет? Снова даст пощечину? Оставит без еды? Запретит приближаться к мисс Кейт и вынудит жить в трюме?

– Я... пыталась вывести пятно, мистер Пламмер. Мне сказали, что лучше использовать соль... но я побоялась вытряхнуть её на палубу.

– Соль хорошо справляется с пятнами от вина, – кивнул молодой мужчина. – Но разве на черной ткани они видны?

Мэри не ответила. Её щеки пылали.

– Вы хотели досадить своей хозяйке? – тихо и участливо поинтересовался он. – Она дурно обращается с вами?

Девушка мгновенно вскинула голову:

– Что вы, нет! Мисс Кэтрин – само воплощение доброты! Просто... – Мэри замялась, не зная, как объяснить свое поведение. – Понимаете, я...

– Не продолжайте, – прервал её муки мистер Пламмер. – Не смею влезать в ваши тайны, Марион, но если вам понадобится мое вмешательство или заступничество, я буду рядом. Можете на меня рассчитывать. – Он вновь поклонился и добавил вполголоса: – Не бойтесь, я никому не расскажу о том, что здесь произошло. Доброго дня, мисс Уоллес.

Он ушел, а девушка, дрожа от волнения, скользнула в полумрак коридора, ведущего к каютам. Сердце её трепетало, но уже по другой причине: Мэри была искренне рада, что на корабле у неё появился еще один друг.

Глава пятая

Разумеется, мистер Спенсер не поверил, что черное платье совершенно случайно отправилось в самостоятельное путешествие по океанским просторам, и ужасно рассердился. Он так отчетливо заскрипел зубами и так крепко сжал кулаки, что Мэри испуганно попятилась, опасаясь получить от него удар тростью. Но мисс Кэтрин решительно сдвинула её себе за спину и подчеркнуто вежливо попросила дядю послать матроса за багажом. Мистер Спенсер ответил было отказом, намереваясь проучить их обеих и заставить безвылазно сидеть в каюте, но когда племянница заявила, что не потерпит притеснений с его стороны и сию же минуту отправится завтракать в одной нижней рубашке, он сдался. Через полчаса в каюту мисс Кэтрин доставили сундук с её платьями.

Правда, к некоторому разочарованию Мэри, собственно платьев там оказалось всего три или четыре, и мисс выбрала из них самое скромное: серо-синее, с неглубоким вырезом, отделанным узкой белой тесьмой. Неудобный корсет и фижмы были без всякой жалости отправлены в сундук; похоже, притеснений с их стороны Кэтрин тоже больше чувствовать не желала. Мэри не посмела рыться в хозяйских вещах, но успела заметить, что значительную часть багажа девушки занимают не наряды, а книги, и подумала, что, в любом случае, остаток плавания должен пройти нескудно.

– В новом платье, мисс Кейт, – сказала она во время дневной прогулки по палубе, – вы стали выглядеть еще привлекательнее. Его цвет подчеркивает глубину ваших глаз и очень идет вам. Джентльмены забывают, о чем говорили, когда мы проходим мимо.

– Ты льстишь мне, Марион. – Белокурая мисс смущенно опустила ресницы, впрочем, явно довольная похвалой. – Если бы это было правдой, кто-нибудь непременно составил бы нам компанию. Когда мужчина находит женщину привлекательной, он всячески старается приблизиться к ней, заинтересовать – словом, распускает перья, как павлин в королевском саду. Здесь же, не знаю, почему, все мужчины ведут себя слишком холодно. Быть может, корабельный «Устав для пассажиров» запрещает романтические отношения и флирт?

– Вряд ли, мисс, – отозвалась Мэри. – Да если бы и запрещал, что толку? Распитие крепких напитков на борту по «Уставу» непозволительно, однако пьют все: и пассажиры, и офицеры, и даже сам капитан. А флирт... Скажу больше: третьего дня я видела, как рано утром из каюты одного холостяка выскользнула полуодетая женщина. Которая, между прочим, путешествует с другим, пожилым джентльменом и называет себя его женой.

– Какая мерзость! – поморщилась Кэтрин и предпочла сменить тему разговора.

Потянулись однообразные дни, которых в морских путешествиях бывает довольно много. Несколько раз погода портилась, к счастью, ненадолго; сильный ветер и дождь не располагали к прогулкам и любованию морем, зато заставляли искать иные развлечения. В пассажирском салоне, где по вечерам устраивали азартные игры и вели неторопливые, скучные беседы, мисс Кэтрин однажды предложила читать вслух и принесла одну из своих книг – сборник пьес Ричарда Бринсли Шеридана, которого Мэри просто обожала. Они читали по очереди: у Кейт был приятный, хорошо поставленный голос, но она не обладала той выразительностью и страстью, с которой произносила реплики её компаньонка. Когда Мэри брала в руки книгу, она словно начинала жить другой жизнью, передавая всю гамму чувств и внутренних ощущений героев. Её глаза начинали сиять, и каждый жест или поворот головы были наполнены смыслом. Вокруг них быстро собралась группа почитателей, причем не только путешествующих первым классом: подходили и служанки, робко присаживались где-нибудь с краю, а если не хватало места – слушали стоя. Когда закончились пьесы Шеридана, явились «Удивительные приключения Робинзона Крузо», и они имели еще больший успех, вызвав интерес даже у моряков.

– Марион, почему ты не стала актрисой? – как-то спросила мисс Кэтрин. – Ведь у тебя несомненный талант!

Мэри опустила глаза и промолчала.

Одним из самых преданных поклонников её таланта стал мистер Пламмер. Он всегда старался быть как можно ближе и не упускал случая выразить свое восхищение вслух, несмотря на то, что в приличном обществе было не принято восторгаться способностями прислуги. Да и во время прогулок Чарлз не считал зазорным подойти к Мэри и обменяться с ней парой фраз. С мисс Кейт, которая чаще всего была рядом, он тоже был мил и обходителен, но Мэри прекрасно видела, что все его внимание отдано только ей.

– Приятный молодой человек, – сказала о нем Кэтрин. И ревниво добавила: – Надеюсь, его интерес к тебе искренний, не продиктованный скукой или желанием завладеть легкой добычей.

Ее саму мужчины по-прежнему обходили стороной, и Кейт не могла понять, почему. Ведь она больше не носила траур, не умничала и не заводила разговоров на нелюбимые мужчинами темы вроде женского равноправия. Кроме того, она была привлекательной – даже Марион подтвердила это. Но никто не пытался с ней флиртовать и не делал попыток ухаживать. Что-то явно было не так.

«Возможно, это влияние мистера Спенсера», – думала Мэри, видя, как расстроена мисс. Но сказать о своих предположениях Кэтрин, зная её характер, она не решалась. Мисс наверняка тут же отправится к дяде, потребует объяснений, поссорится с ним, и у них обеих будут неприятности. Нет уж, пусть плавание и дальше проходит тихо и мирно. Хотя бы еще пару недель – до прибытия на Бермудские острова.

Какое-то время Господь прислушивался к её просьбам, и «Валиант» благополучно летел по волнам, подгоняемый сильным восточным ветром. Усилились жара и влажность – корабль вошел в тропические широты, поэтому находиться на палубе стало возможно лишь после захода солнца, а все остальное время пришлось проводить в каюте или в пассажирском салоне. Радовало только одно: у мисс Кэтрин было еще достаточно книг, чтобы от скуки не впасть в уныние и апатию.

Но однажды ночью они проснулись от страшной качки и доносящихся снаружи криков «Спустить паруса! Круче к ветру!» Казалось, пакетбот подпрыгивает над волнами, словно летучая рыба, а потом как попало валится вниз. Спустив ноги на пол, Мэри обнаружила, что он мокрый: вода просочилась из коридора в каюту. Приоткрыв дверь, девушка увидела офицеров в дождевиках, успокаивающих встревоженных пассажиров и вежливо настаивающих, чтобы до окончания шторма все оставались на своих местах.

– Вздумаете сунуться на палубу – вас смоеет! – предупреждали они. – Там сейчас такое творится! К счастью, наш капитан имеет немалый опыт и с честью выбирался еще не из таких передраг, так что бояться нечего.

Мэри закрыла дверь и вернулась на койку. За деревянными стенами что-то грохотало, скрипело, стонало, и ей казалось, что она слышит удары грома и свист ветра. Кэтрин не могла даже головы поднять: нескончаемые взлеты и падения в бездну, а также страх вновь вызвали у неё недомогание. Мэри легла рядом, прижалась к ней – вдвоем было не так жутко, закрыла глаза и шепотом стала читать молитвы.

Они не спали больше суток, все время, пока продолжался шторм, и испуганно вскрикнули, когда внезапно откуда-то снизу, из самых недр корабля, донесся гулкий удар, а затем череда толчков и леденящий душу скрежет. «Валиант» накренился, но перестал так сильно раскачиваться и подпрыгивать. В томительном ожидании прошла пара часов, но криков «Тонем!» и паники не было слышно, только где-то за стенами раздавались топот, громкие голоса офицеров и сердитая ругань капитана. Измученные, испуганные, обессиленные девушки сами не заметили, как провалились в сон, убаюканные этими беспокойными звуками.

Проснувшись, они выяснили, что, судя по всему, шторм прекратился – вокруг стояла благословенная тишина, но судно по-прежнему сильно кренилось и, что самое странное, кажется, не двигалось. Быстро одевшись, Мэри и Кейт пробрались по мокрому, скользкому коридору в салон и там узнали от офицеров, что во время бури «Валиант» сбился с курса и сел на риф.

– Однако вам не о чем волноваться, – заверили пассажиров. – Пробоины нет, и сейчас матросы делают все возможное, чтобы корабль отправился дальше. Это займет полдня или день, не больше. В любом случае, запасов пресной воды нам хватит еще на неделю, поэтому небольшая задержка никак не отразится на вашем самочувствии.

Примерно эти же слова офицеры были вынуждены повторять в течение последующих пяти дней, и с каждым разом уверенности в их голосах становилось все меньше, а тревоги в глазах – все больше. Пассажиры уже откровенно роптали, но сделать ничего не могли: раздосадованный невозможностью освободить судно капитан ни с кем не желал разговаривать и осыпал бранью всякого, кто осмеливался приблизиться к нему.

– Поговаривают, в этих водах полно пиратов, – как-то сказал Мэри мистер Пламмер во время вечерней прогулки по палубе. – К тому же недалеко Бермудские острова, а там все еще можно встретить испанцев. Застрявший на мели пакетбот – легкая добыча. Разумеется, у нас есть пушки, но зато маневренности никакой, и капитан это понимает. Остается только молиться, чтобы нас миновала участь «Като» или «Стирлинг Касла»⁹.

– Если мы просидим под палящим тропическим солнцем еще неделю, то сдадимся пиратам добровольно, за бочонок питьевой воды, – хмуро ответила девушка. Её вновь начало терзать ощущение, что высшие силы нарочно препятствуют достижению её цели и воссоединению с отцом. Быть может, она делает что-то не так? Или ей изначально следовало выбрать другой путь?

Что если корабль погибнет только потому, что Господь решил наказать ее?

Мысли об этом угнетали сильнее, чем жара, духота и жажда. Мэри упала духом, и это сразу заметила Кэтрин.

– Что с тобой, Марион? – спросила она, когда мистер Пламмер ушел и девушки остались вдвоем. – Ты выглядишь грустной и подавленной. Тебя кто-то обидел?

– Нет, – Мэри покачала головой, глядя на затянутое облаками небо. А потом тихо спросила: – Скажите, мисс, если один человек совершил ошибку, может ли Господь покарать его, не пощадив при этом других людей?

– Это было бы в высшей степени несправедливо, – ответила Кейт. – Но почему тебя волнуют такие странные вопросы?

Девушка долго молчала. А потом, сделав над собой усилие, проговорила:

– Мисс Кэтрин, пожалуйста, пойдите в каюту. Я должна вам кое в чем признаться.

Она зажгла свечу, поставила её на столик. Совесть не позволила ей сесть рядом с мисс, и девушка, постелив платок, опустилась на пол у её ног.

– Что же такого ты натворила, Марион? – не на шутку встревожилась Кейт.

Мэри некоторое время разглядывала свои руки, не смея начать разговор. Затем, наконец, решилась:

– Простите, что не сказала вам сразу всей правды. Надеюсь, вы поймете, почему я так сделала. Меня зовут не Марион Уоллес, мое настоящее имя – Мэри-Энн Дуглас. Я родилась в семье шотландского барона Джейкоба Дугласа и Эйлин Дуглас, урожденной Уоллес. Из-за некоторых обстоятельств мне пришлось немного изменить имя и взять девичью фамилию матери.

Она робко взглянула на Кейт и заметила, что та выглядит не особенно удивленной.

⁹ Британские корабли, погибшие или пропавшие без вести в Атлантическом океане в 1780-82 гг.

– Я подозревала что-то в этом роде, – пробормотала белокурая мисс. – Твои манеры, твоя начитанность и, что больше всего меня поразило, – знание французского. Признаюсь, однажды я нарочно сказала за обедом: «*Marion à de la boue sur le bout du nez*»¹⁰ – и ты тут же принялась вытираться салфеткой. Но расспрашивать я не стала, полагая, что если ты решишь довериться мне, то сделаешь это, когда сочтешь нужным.

Мэри смущенно кивнула.

– Дочь шотландского барона... – Кейт вздохнула. – Как же получилось, что девушка, которая выше меня по положению, оказалась моей служанкой?

– Позвольте, мисс, я расскажу по порядку. Семья Джейкоба Дугласа была весьма состоятельной, и, как это часто делается в Шотландии, титул барона он не получил по наследству, а просто купил. Я родилась в Эдинбурге и детство свое могла бы назвать счастливым: меня все любили, баловали, не скупилась ни на наряды, ни на хороших учителей. Матушка обожала театр, часто брала меня с собой, и я навсегда влюбилась в эту таинственную, волшебную атмосферу декораций, нарядов и множества жизней, проживаемых одним человеком. Барон не разделял нашего увлечения, но относился к нему снисходительно: лишь бы в доме не было «этих лицедеев», как он выражался, и за столом не звучали цитаты из пьес. Втайне от него матушка делала щедрые пожертвования антрепренерам, особенно мистеру Дэвиду Россу, бывшему актеру и основателю театра «Ройял». В будущем, когда у меня случились неприятности, мне это очень помогло.

Мэри помолчала и вздохнула:

– Со стороны мистер и миссис Дуглас выглядели идеальной супружеской парой, но... Знаете, мисс, многие думают, что дети слепы, глухи и глупы, но это не так. Дети не всегда могут мыслить, как взрослые, но многое чувствуют, видят и понимают. Да, сэр Джейкоб часто делал матушке подарки, в свете о нем говорили, как о прекрасном отце и муже, а её называли образцовой женой и матерью. Мужчины завидовали немолодому барону – он был старше жены на одиннадцать лет, а я понимала, что завидовать, по правде говоря, нечему: в этой семье каждый лишь исполнял назначенный долг, не более... и мне со временем предстояло выполнить свой. Барон не раз говорил о том, что, имея такую красивую и образованную дочь, можно породниться со знатной и родовитой семьей. Он был полон амбиций и старался заводить дружбу только с шотландскими пэрами, хотя, как мне казалось, они всегда смотрели на него свысока.

Матушка никогда не говорила со мной о своих чувствах к мужу, но я ясно видела, что она несчастлива в браке. Лишь однажды, в минуту откровенности, она обмолвилась, что в юные годы страстно любила другого человека, но им не позволили пожениться и её заставили выйти замуж за барона. Видимо, Господу не был угоден подобный брак, потому что довольно долго детей у неё не было. Лишь спустя восемь лет супружества родилась я... но, как выяснилось позже, моим отцом был вовсе не сэр Джейкоб.

Года полтора назад матушка заболела, начала быстро угасать. Последние дни я не отходила от нее. Перед смертью она пыталась что-то сказать мне, но не успела, у неё не хватило сил. Потом были пышные похороны, дом погрузился в траур... но однажды вечером я услышала звон стекла и вопли сэра Джейкоба, доносящиеся из матушкиной комнаты. Я поспешила туда и увидела, как он, красный от злости, швыряет об пол красивые вазы и фарфоровые статуэтки, которые матушка собирала всю жизнь. Я остановилась в дверях, пораженная этим зрелищем, и тут он поднял на меня взгляд, полный такой сокрушительной ненависти, что я отшатнулась. Барон грязно выругался сквозь зубы, а потом, уже громче, велел мне убираться в свою комнату... что я и сделала, поскольку была напугана и не понимала, что происходит.

С того дня его отношение ко мне изменилось. Сэр Джейкоб стал запирает меня в комнате за любую провинность, даже самую пустяковую. Требовал полного и беспрекословного подчи-

¹⁰ У Марион грязь на кончике носа (фр.)

нения. Указывал, кому на приемах я обязана улыбаться и чье расположение должна завоевать. Я ощущала себя вещью, с которой он может сделать все что угодно. Я пыталась поговорить с ним, узнать, отчего он вдруг так переменялся, но барон не желал ни слушать меня, ни видеть в своем кабинете. Более того, он запретил мне ходить в театр. Лишил меня единственной отдушины.

Я все равно ходила туда тайком от него. Но однажды он узнал. В тот день сэра Джейкоб, которого я считала отцом, любила и уважала, впервые поднял на меня руку. – Глаза Мэри наполнились слезами. – Он надавал мне пощечин и запер в комнате на несколько дней без еды и воды. Я плакала, умоляла... а он, едва выпустив меня из заточения, холодно сообщил, что договорился о моем браке с сыном и наследником шотландского графа, его нового друга. И что до свадьбы я должна вести себя безупречно, дабы не сорвать эту выгодную сделку. А дальше мной будет распоряжаться муж, который, к слову, оказался старше меня на одиннадцать лет... Понимаете, Кейт? Он продал меня незнакомому мужчине, скорее всего, обладающему сомнительными достоинствами. Такому же, как он сам... И я не выдержала. Бог знает, откуда во мне появилась смелость, но я решила сбежать. Договорилась с мистером Россом – этот святой человек, увидев мои разбитые губы и покрасневшие от слез глаза, пошел на огромный риск: в память о матушке, которая не раз помогала ему деньгами и связями, он предложил мне свое покровительство и работу в театре. «Ройял» как раз отправлялся на летний сезон в Лондон... Я дождалась, когда барон уедет из дома, быстро собрала самые необходимые вещи и проникла в кабинет сэра Джейкоба, чтобы, да простит меня Господь, взять немного денег на первое время. Деньги в ящиках его стола я не обнаружила, зато нашла вот это. – Мэри вытащила из-под платья уже знакомый Кейт бисерный мешочек и аккуратно вынула из него сложенный вчетверо лист бумаги. – Письмо матушки, написанное ею незадолго до смерти и адресованное моему настоящему отцу. Она признавалась, что все еще любит его и всегда будет любить, сообщала, что у него есть дочь, и просила, чтобы в память об их любви он позаботился обо мне. И тогда я поняла, отчего так злился в тот вечер сэра Джейкоб и почему он стал грубо обращаться со мной.

Девушка всхлипнула и некоторое время молча вертела в руках злополучное письмо. Кейт не стала ничего уточнять, просто тихонько сползла с койки и уселась на пол рядом с ней.

– Пожалуйста, продолжай, – шепотом попросила она.

– Не знаю, почему сэра Джейкоб не порвал и не выбросил доказательство моего незаконного происхождения, а решил сохранить его. Ведь ему было больно узнать об измене жены и о том, что он вырастил чужую дочь, как свою. Представляю, как это терзало его. Я все понимала и даже сочувствовала ему, но ни на минуту не усомнилась в правильности принятого мною решения. Остаться с этим человеком и повторять судьбу матушки я не хотела, поэтому забрала письмо, свои вещи и ушла. Не скажу, что мне было легко, но знаете, мисс Кейт, мне понравилась моя новая жизнь. Театр стал мне домом, а актерская труппа – семьей. Сначала я работала за еду и кров, потом освоила искусство грима и причесок, научилась шить, трудилась не покладая рук, и у меня начали появляться деньги, которые я откладывала на дорогу. В письме матушки было указано, что мой настоящий отец проживает в британской колонии на Бермудских островах, в городе Сент-Джордж, и я собиралась отправиться туда, собрав нужную сумму. Но неожиданно возникли проблемы.

Разумеется, барон искал меня: нанял людей, объявил о награде. Когда осенью театр «Ройял» вернулся в Эдинбург, я не выходила из костюмерной, боясь, что кто-нибудь узнает меня и сообщит сэру Джейкобу. По той же причине я не могла играть на сцене, хотя очень этого желала. Нынешней весной барон удвоил вознаграждение, и, видимо, кто-то из труппы не удержался... К счастью, театр как раз вновь отправился на гастроли, но ищейки следовали за нами по пятам до самого Лондона. Друзья помогли мне бежать. Ну, а дальше вы знаете: в Саутгемптоне я потеряла почти все деньги, и судьба привела меня к вам. – Мэри взглянула на Кейт и тепло улыбнулась. – Благодаря этому у меня вновь появилась надежда на встречу с отцом. –

И тут же улыбка её померкла: – Но сейчас, когда мы застряли на этом рифе в нескольких днях пути от желанной цели, я вдруг подумала: что если Господь в очередной раз дает мне понять, что я поступила неправильно? Может, следовало смириться и принять уготованную мне долю? Ведь я даже не уверена, захочет ли мой настоящий отец видеть меня. Я вообще ничего не знаю о нем, кроме того, что он был возлюбленным моей матери! А вдруг он окажется еще хуже, чем сэр Джейкоб? Вдруг он подался в пираты и грабит английские корабли?

– Мэри, – мягко улыбнулась Кейт, – какие пираты в британской колонии? Ты совсем запугала себя, а ведь на самом деле ты очень храбрая. Не знаю, хватило бы у меня духу сбежать из дома в столь юном возрасте... вряд ли. Ты удивительная девушка, Мэри-Энн, поэтому не сомневайся: все будет хорошо. Вот увидишь, завтра наши бравые матросы совершат невозможное, вытащат «Валиант» с рифа и мы поплывем дальше. А когда высадимся на Бермудах, вместе пойдем искать твоего отца, и, я уверена, он будет рад встрече с тобой.

Мэри только вздохнула и склонила голову на плечо новообретенной подруги.

Утром и днем ничего не изменилось. Пассажиров по-прежнему донимали жуткая жара, влажность и полная неподвижность судна, целую неделю торчащего посреди океана с обвисшими парусами. Даже капитан уже не ругался – на корабле царила удручающая тишина.

Однако, когда пассажиры первого класса собрались на обед, за стенами салона возникло оживление, послышались возбужденные голоса и какой-то шум. Мужчины и женщины оторвались от своих тарелок и обменялись взглядами, в которых появилась утраченная было надежда.

– С вашего позволения, я отправлюсь на палубу и узнаю, что происходит, – сидевший рядом с девушками мистер Пламмер поднялся и покинул салон. Мэри и Кейт замерли в ожидании, прислушиваясь к малейшим колебаниям корпуса корабля. Неужели матросы придумали, как освободить «Валиант» из плена? Тогда, возможно, уже ближе к вечеру они смогут продолжить путь.

Чарлз Пламмер вернулся довольно быстро. Его лицо было растерянным и бледным.

– Леди и джентльмены, – объявил он, с трепетом заглядывая в глаза каждому из собравшихся, – к нам приближается корабль. Насколько сумели разглядеть капитан и офицеры, это военный фрегат, и... и, судя по всему, испанский.¹¹

¹¹ До заключения Версальского мирного договора между испанцами и англичанами в этих водах велись военные действия.

Глава шестая

– Вон там, взгляните. Белые паруса.

Над океаном плавало легкое морево, обещавшее к вечеру превратиться в туман. Мэри и Кейт поднялись на носочки и вытянули шеи, чтобы получше разглядеть возникший на горизонте неясный, призрачный силуэт. Прочие пассажиры столпились возле правого фальшборта, робко поглядывая в сторону шканцев, на которых неподвижно стоял капитан.

– У кораблей флота Его Величества паруса имеют желтовато-серый оттенок, – сказал мистер Пламмер. – Пиратские чаще темные или черные. Судно трехмачтовое, а значит, на нем не менее пятидесяти пушек. Пятьдесят – против наших двенадцати! Боже милостивый!

– Неужели они станут стрелять по застрывшему на мели беззащитному пакетботу? – потрясенно воскликнула Кейт. – В чем радость от победы над тем, кто не может дать достойный отпор?

– Испанцев только что выбили с Багамских островов, которые они удерживали два года, – пояснил один из офицеров, – и теперь *en revanche*¹² их флот пытается доказать свое превосходство в океане. «Валиант» принадлежит Британии, а значит, мы для испанцев враги и с нами обойдутся, как с врагами. Так или иначе, капитан распорядился, чтобы женщины и дети спустились на нижнюю палубу и оставались там, пока не поступит иной приказ. Позвольте, я провожу вас.

Кейт повернулась к Мэри и поразились бледности её лица и отрешенности взгляда. Взяла компаньонку за руку – и почувствовала, что её пальцы дрожат.

– Что с тобой, Марион? – тихо спросила она. И тут же исправилась: – Ой, прости... Мэри. Я еще не привыкла.

– И не нужно пока привыкать. – Девушка подняла на неё ясные серые глаза. – Прошу, мисс Кейт, пусть все, что я рассказала вам, останется нашей тайной – по крайней мере, до прибытия на Бермуды. Видите, несчастья, преследующие меня, не прекращаются... и если испанцы узнают, что к ним попала дочь богатого барона, они потребуют у сэра Джейкоба выкуп, а для меня это хуже смерти. Я готова вынести что угодно, только бы меня не продали ему, как рабыню, и не вернули домой.

Кейт сомневалась в том, что на вражеском корабле с ней обошлись бы лучше, чем дома в Шотландии, но ничего не стала говорить и просто кивнула. Офицер вновь выразил желание сопроводить их; Мэри ответила, что знает дорогу, и поспешила увести Кэтрин. Вместе с другими женщинами они начали спускаться по узкому трапу в темную, зловонную утробу корабля, и это вызвало у Мэри не самые приятные воспоминания о первом дне, проведенном на судне. Сейчас внизу было еще более душно, жарко и шумно: плакали дети, кудахтали куры, слышались ругань и вой, поэтому на середине пути Кейт остановилась, шумно выдохнула и повернула обратно.

– Пусть лучше наверху меня застрелят испанцы, – пробормотала она, – но находиться здесь, да еще в полной неизвестности – это выше моих сил!

– Мисс Кэтрин, там опасно! – Мэри попробовала удержать ее, но не успела: белокурая мисс буквально взлетела наверх по лестнице, расталкивая перепуганных пассажиров. Пришлось, то и дело извиняясь и выслушивая возмущенные реплики в свой адрес, последовать за ней.

Выбравшись на верхнюю палубу, Кейт отдышалась и осторожно – судно по-прежнему сильно кренилось на левый борт – направилась к оставшимся здесь джентльменам. Мэри шла за ней, с ужасом думая о том, что в любую минуту со стороны приближающегося испанского

¹² В качестве реванша (фр.)

корабля могут полететь смертоносные ядра. Интересно, что произойдет, если они пробьют корпус «Валианта»? Может ли затонуть крепко сидящий на мели пакетбот?

– Все шесть пушечных люков по правому борту открыты! – крикнул кто-то из офицеров. – Порох засыпан, канониры готовы дать первый залп!

– Господи, спаси и помилуй! – прошептал стоящий рядом мужчина. Неожиданно он обернулся и, заметив девушек, едва не сорвался на крик: – Что за вопиющая беспечность?! Сейчас же ступайте вниз, вам здесь не место!

Мэри оглянулась: мистер Спенсер уже пробирался к ним, вероятно, чтобы силой увести племянницу с палубы. Но в этот момент сверху послышался грозный рык капитана:

– А ну, тихо! Отставить!

И хотя приказ никоим образом не относился к пассажирам, джентльмены тут же замолчали и застыли на месте. Среди офицеров же, напротив, поднялась суета, и, если верить их радостным восклицаниям, новости были хорошие.

– Корабль не испанский! – объявил со шканцев молодой лейтенант. – Судя по опознавательным сигналам, это фрегат Его Величества «Призрак» под командованием капитана Айвора, идущий с Бермудских островов!

Как он сказал? Капитан Айвор?

Мэри вздрогнула и, забыв обо всем, бросилась к фальшборту. Никто её не остановил: мужчины, облегченно посмеиваясь, поздравляли друг друга и делали вид, будто ничего страшного не произошло – так, забавное недоразумение. О женщинах, сидящих в темном и душном трюме, они даже не вспомнили – по крайней мере, до тех пор, пока Кэтрин прямо, без обиняков, не попросила их извлечь своих спутниц из ада на свет божий. А потом довольная собой мисс подошла к Мэри и вместе с ней стала смотреть на приближающийся фрегат.

Он был гораздо больше «Валианта», при этом моложе и маневреннее старого заслуженного пакетбота. Выбеленные паруса делали его внешне легким и каким-то воздушным, похожим на плывущее по волнам облако, вполне безобидное, на первый взгляд; однако за всей этой легкостью и безмятежностью скрывалась грозная сила линейного корабля, на каждом борту которого можно было насчитать не менее тридцати орудийных люков. «Призрак» был прекрасен и казался непобедимым – как благородство и преданность, как истинная любовь...

«Слишком поэтичное сравнение для первого встреченного в море военного судна, – тут же одернула себя Кейт. – Любопытно, что сказало бы мое воображение, окажись этот фрегат испанским?»

Капитан «Валианта» что-то кричал в рупор о невозможности сближения и коварстве здешнего рифа. С «Призрака» долго не отвечали, пока не обошли застрявший корабль по дуге, затем над морем прозвучал глубокий и сильный голос, который не портил даже хрипящий рупор, и на остановившемся неподалеку фрегате стали спускать шлюпку. Мэри не сводила с неё глаз.

Капитан Айвор.

«Мильи Эдвард...»

Неужели Господь совершил чудо и она вот-вот встретится со своим отцом?

Если он командует подобным судном, то, несомненно, является выдающимся офицером и джентльменом. Скорее всего, у него на Бермудах есть собственный дом, и в нем – Мэри на это надеялась – найдется скромный уголок и для нее. В память о несчастной Эйлин Уоллес. Во имя любви, которую они когда-то друг к другу испытывали.

С пакетбота спустили трап, но офицеры и матросы с «Призрака» не спешили подниматься на борт: их вниманием завладел риф и положение на нем «Валианта». Утомившись ждать на солнцепеке, большая часть пассажиров разошлась по каютам; дядя Грэм посоветовал девушкам последовать их примеру, но Мэри и Кейт остались, только выбрали место под тентом, где было прохладнее. Чуть позже компанию им составил мистер Пламмер.

– Оказывается, здешние мореплаватели хорошо знают это место, оно у них даже отмечено на картах, – сообщил молодой человек. – Я слышал, как капитан фрегата высказал недоумение по поводу того, каким ветром нас сюда занесло... но, судя по его же словам, ситуация поправима и уже завтра наша посудина сможет продолжить путь.

– Прекрасная новость! – обрадовалась Кейт. – И каким же образом всемогущий капитан «Призрака» намерен вызволить пакетбот из плена?

– Это мне не известно, – ответил мистер Пламмер. И, оглянувшись, добавил: – Но, если вы наберетесь смелости, можете спросить его самого.

Мэри похолодела. Вот оно, мгновение, которого она так долго ждала.

Девушка обернулась, жадно взглянула... и разочарованно выдохнула: приближавшийся к ним мужчина в капитанской форме был слишком молод, чтобы оказаться её отцом. На вид ему было не больше двадцати пяти лет, и, вероятно, он просто являлся однофамильцем интересующего её мистера Айвора.

Невыразимая грусть охватила девушку, но Мэри заставила себя улыбнуться, вышла вперед и сделала книксен.

– Капитан уже здесь? – удивилась Кэтрин. И шагнула из тени ему навстречу.

Солнце ослепило ее, она часто заморгала, а когда вновь обрела ясность зрения, то увидела перед собой удивительного мужчину, который сразу же показался ей смутно знакомым, как будто она даже знала его имя, но сейчас не могла вспомнить. Длинные темные волосы, правильные черты лица, внимательный взгляд необычайно красивых глаз глубокого синего цвета... Да, она определенно встречала его раньше, но где и когда? Быть может, в Лондоне? Нет, о таком она вряд ли смогла бы забыть.

– Боже правый, здесь дамы! – Он широко улыбнулся и тут же учтиво склонил голову: – Позвольте представиться: Роберт Айвор, командующий флотом Бермудских островов и капитан его флагманского корабля.

– Очень приятно. Чарлз Пламмер, к вашим услугам. – Кейт заметила, что их спутник нарочно выступил так, чтобы загородить собой девушек, но капитана это не смутило: он вежливо кивнул и аккуратно его обошел, оказавшись рядом с заинтересовавшими его особами. Бедному Чарлзу ничего не оставалось, как неловко развернуться и завершить представление: – А это мисс Маккейн и её компаньонка мисс Уоллес.

– Не ожидал оказаться в столь восхитительном обществе. – Роберт вновь поклонился, а когда выпрямился и посмотрел на Кейт, ей показалось, будто и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на узнавание. Она глубоко вдохнула и почувствовала исходящий от него теплый и пряный запах, чуть сладковатый, с нотами бергамота и амбры, и чем-то еще, неуловимым, но завораживающим – корица? ваниль? Пока Кэтрин терялась в догадках, молодой капитан не сводил с неё глаз, а Мэри неотрывно смотрела на них обоих. Странное ощущение возникло у нее, и вряд ли его можно было описать словами. Щемящая нежность, уверенность и спокойствие, как будто она затерялась в глубине темного, безмолвного леса и вдруг заметила вспыхнувший впереди золотистый мерцающий огонек.

Они встретились. Они снова вместе. И у нас появилась надежда...

– Вы очень любезны, капитан Айвор, – улыбнулась Кейт, тщетно пытаясь скрыть нахлынувшее волнение. – А мы как раз говорили о вас. Мне было любопытно, как вы намереваетесь помочь «Валианту» всего за один день, в то время как наши матросы искали решение целую неделю и, увы, не преуспели.

– Все очень просто, мисс: без участия второго корабля ваше освобождение невозможно. – Роберт жестом пригласил девушек и их спутника подойти к левому борту, с которого лучше всего был виден фрегат. – «Валиант» крепко засел оттого, что сильно загружен, а избавиться от груза и пассажиров в открытом океане можно только одним способом, который, боюсь, никого не устроит. – Мэри и Кейт рассмеялись, Чарлз Пламмер тоже растянул губы в улыбке. – Но

теперь у вас есть «Призрак», и уже завтра на рассвете все пассажиры, а также часть груза будут переправлены на него. К сожалению, из-за рифа фрегат не сумеет подойти так близко, чтобы можно было перекинуть мостки, поэтому перевозить вас мы будем на шлюпках. Вы когда-нибудь плавали по океану на шлюпке, мисс Маккейн?

– О боже, нет! – Кейт широко раскрыла глаза, и Мэри с изумлением отметила, что она беззастенчиво флиртует. – Наверное, это опасно и... очень страшно.

– Для опасений нет повода, – заверил молодой капитан. – Во время плавания рядом будут опытные матросы и, если пожелаете, ваш покорный слуга. А вы, – он повернулся к мистеру Пламмеру, – полагаю, с удовольствием позаботитесь о мисс Уоллес, не так ли?

Смущенный его предложением Чарлз кивнул и отвесил поклон.

– Когда «Валиант» будет разгружен, мы еще раз осмотрим риф и, думаю, без особых трудностей снимем с него пакетбот, – продолжил Роберт. – А когда убедимся, что корабль в безопасности, вновь переправим на него пассажиров, после чего отправимся на Бермуды, до которых не больше двух дней пути. Здесь, в этих водах, уже спокойно: ни пиратов, ни испанцев. Нас может встретить лишь «Морриган» – еще один военный фрегат, с которым мы вместе вышли в дозор. Он немного отстал, сопровождая почтовый бриг, уходящий в Дувр.

– Приятно осознавать, что мы в надежных руках! – послышался голос мистера Спенсера, и Кейт увидела дядю, спешащего к ним в компании еще двух джентльменов. – Вы не представляете, капитан, как мы рады вашему появлению! Разрешите представиться: Грэм Спенсер, близкий родственник и опекун мисс Маккейн. – Он снял шляпу, джентльмены последовали его примеру и также представились. – Я хотел кое-что уточнить, если позволите. Ранее мы слышали от наших офицеров, что «Валиант» все же получил повреждения... Душечка Кэтрин, – дядя Грэм повернулся к племяннице, – я настоятельно рекомендую вам с Марион отправиться в каюту, собрать все необходимое и хорошенько отдохнуть перед завтрашними событиями. Позвольте мужчинам поговорить о важных, но не столь интересных для женщин делах.

– Да, разумеется, – Кейт рассеянно улыбнулась и сделала на прощание книксен: – Всего доброго, джентльмены. Рада была познакомиться, капитан Айвор.

– До встречи, мисс Маккейн... мисс Уоллес, – склонил голову темноволосый красавец. И еще долго смотрел уходящим девушкам вслед, не замечая, с какой неприязнью косится на него любезно улыбающийся мистер Спенсер.

– Капитан, – проговорил он, – я хотел бы знать, что будет в случае, если «Валиант» не сможет продолжить плавание. Ведь наша конечная цель – не Бермудские острова, а Багамы, до которых еще, как минимум, неделя пути.

– Багамы? – тоже немного рассеянно переспросил Роберт. – Что ж, надеюсь на лучшее, но, при любом раскладе, в Сент-Джордже ваш капитан сможет поставить пакетбот в доки на осмотр и ремонт. Полагаю, это не задержит вас надолго и не нарушит ничьи планы.

– Ну, это как посмотреть! – усмехнулся мистер Спенсер и шагнул ближе, делая обстановку для разговора более интимной. – Дело в том, что мисс Кэтрин помолвлена и плывет, чтобы стать женой человека, который давно уже любит её и к которому она питает самые нежные чувства. Недавно она потеряла отца и теперь всем сердцем стремится обрести покой и долгожданное счастье рядом с достойнейшим из мужчин. Поэтому мне хочется, чтобы влюбленные поскорее встретились и соединились, ибо, поверьте, этот союз совершенно точно был заключен на небесах.

Взгляд капитана застыл. Лицо, еще минуту назад сиявшее внутренним светом, изменилось, стало холодным. Он посмотрел на Чарлза Пламмера, и тот кивнул, подтверждая слова мистера Спенсера.

– Я прекрасно вас понял, – сухо ответил Роберт. – Вашему капитану предоставят возможность зафрахтовать любое подходящее свободное судно, чтобы добраться до Багамских островов, пока пакетбот будет стоять на ремонте. А теперь, с вашего позволения, я поговорю с офи-

церами «Валианта». Нам предстоит осмотреть багаж, чтобы понять, какая его часть годится для перевозки.

Кейт пропустила Мэри вперед, зашла в каюту, прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Её ноздри все еще ощущали будоражащий кровь аромат восточных пряностей. *Мускус? Пачули? Может быть, ладан?*

– Мэри-Энн, – закрыв глаза, прошептала она. – Мэри-Энн, скажи мне, что я не сплю...

– Я никогда не верила, что такое возможно. – Мэри с улыбкой смотрела на нее. – Думала, так бывает только в романах. Но, Кэтрин, вы просто светились от счастья... вы оба. Господь всемогущий, не удивлюсь, если капитан сделает вам предложение, едва мы окажемся на Бермудах. И, честное слово, я сама засияю от радости, когда вы ответите ему «да»!

– Да... – тихо произнесла Кейт и смущенно фыркнула, вытирая мгновенно увлажнившиеся глаза. – У меня голова кружится, Мэри... Да, да, тысячу раз «да»!

До заката они собрали личные вещи в сундук и вышли в салон поужинать. Привыкшие к ежевечерним собраниям дамы спрашивали, будут ли сегодня читать, но у Кейт не было ни сил, ни желания погружаться в книгу: все её мысли были заняты Робертом. Позже в каюте Мэри едва уговорила её лечь спать, ссылаясь на то, что подъем будет ранним; но, даже раздевшись и забравшись под простыни, Кейт не могла заснуть, находясь в каком-то странном перевозбужденном состоянии. Раз за разом она прокручивала в голове их разговор с капитаном, вспоминала его улыбку, его взгляд, и воображение начинало рисовать романтические картины их счастливого будущего. Неудивительно, что девушка вся извертелась и успокоилась лишь за несколько часов до рассвета.

Сон, который приснился ей, тоже был очень странным.

...Жизнь покидала ее. Каждый шаг мужчины, который нес её на руках, отдавался в груди нестерпимой болью. Вот он поднялся по ступеням крыльца: две... пять... еще три... и, распахнув ногой дверь, протиснулся в холл. Откуда-то появилась Мэри... нет, похожая на неё темноволосая девушка с удивительно красивыми глазами жемчужно-серого цвета. Она тихо ахнула, и тут же за её спиной тенью возник высокий мужчина. Звеня и шелестя, упали на ковер сброшенные со стола бокалы, столовые приборы, рукописи...

– Клади её сюда.

Жесткая, холодная поверхность. Сил уже не осталось, осталась только боль.

Роберт... да, кажется, Роберт и девушка, похожая на Мэри, склонились над ней. Чьи-то пальцы осторожно приподняли обрывок рубашки.

– Это огонь? Ребра почернели и торчат наружу.

Высокий мужчина подошел ближе, но остался в тени и она не смогла увидеть его лицо.

– Вот же мразь! – Голос темноволосой девушки был полон ярости. – Клянусь, она за это поплатится!

– А я ведь предупреждал: не стоит доверять старой ведьме! – донесся из тени негромкий вздох. – Нельзя все время думать только о других. Нельзя рисковать единственной оставшейся жизнью... или как там это у них называется?

– Рэй! – оборвала его девушка. И посмотрела на Роберта: – Чем я могу помочь?

Он поднял голову, и в его глазах засиял первозданный свет. Синий – цвет надежды, верности и бессмертия.

– Нам нужна отдельная комната и немного времени.

Он снова бережно поднял её на руки. Окутал поистине бесценным живительным теплом, и она почувствовала, как боль отступает.

– Ты не устал бесконечно её спасать? – бросил ему вслед высокий мужчина.

Никто ему не ответил...

Глава седьмая

Из офицерского салона доносились громкие голоса и смех. Роберт толкнул дверь, неторопливо прошел внутрь и, сняв китель на белой подкладке, бросил его на скамью. В помещении тут же воцарилась тишина.

– Капитан? – подал голос штурман, ирландец Эйдан О’Нил. Роберт сделал неопределенное движение рукой, которое можно было истолковать как просьбу оставить его в покое, а потом оглядел своих офицеров:

– Наши предположения подтвердились: «Валиант» придется избавить от груза. Хастли, – он протянул боцману лист бумаги, – здесь примерно указано, сколько места понадобится. Займись этим немедленно.

Дин Хастли кивнул и молча удалился. Он вообще не любил попусту тратить слова – как утверждал О’Нил, только потому, что для разговора пришлось бы вынуть изо рта любимую трубку, с которой боцман, по слухам, не расставался даже во сне. Роберт проводил его взглядом и повернулся к лейтенанту Апдайку:

– Генри, узнайте у мастера Корби, сколько кают мы сможем выделить для пассажиров, если пакетбот вдруг не сможет плыть в загруженном состоянии. И учтите, что на «Валианте» есть дамы. Им придется создать подходящие условия.

– Слушаюсь, сэр.

Лейтенант поднялся и вышел. В салоне остались только Роберт и Эйдан. Они были ровесниками, вместе начинали службу и потому давно стали друзьями.

– Капитан, – ирландец пересел ближе, – скажите прямо: у нас возникли какие-то трудности?

– Нет, – Роберт устало потер лоб. – С чего ты взял?

– С того, что вы уходили с корабля в добром настроении, а вернулись как будто не в себе. И я подумал: наверное, судно получило пробоину и нам придется оставить его здесь. Но это не страшно, – О’Нил улыбнулся. – На «Призраке» хватит места для всех.

Роберт посмотрел на него долгим взглядом, потом усмехнулся:

– Принеси-ка вина, пропустим по стаканчику. Давно не было повода посидеть вместе.

– Это можно, – отозвался штурман, понимая, что лучше прекратить расспросы и подождать, пока вино не развяжет капитану язык. Впрочем, иллюзий О’Нил не питал: Роберт пил редко и знал, когда следует остановиться, поэтому напоить его до потери самообладания не представлялось возможным. И если он не пожелает делиться своими переживаниями, его не заставят никто и ничто.

Ирландец сходил за бутылкой и, вернувшись, налил вина сперва капитану, потом себе. Роберт двумя глотками осушил больше половины стакана. Слегка поморщился и попросил, чтобы Эйдан налил еще.

– На пакетботе я встретил девушку, – наконец проговорил он, когда бутылка почти опустела. – Едва заглянув ей в глаза, я понял, что всю жизнь искал именно ее. И... надо же было такому случиться, О’Нил: молодая мисс оказалась помолвлена. Она плывет на Багамы, чтобы стать женой другого мужчины. Собственно, вот и все.

Штурман понимающе кивнул и разлил остатки вина по стаканам. Потом вздохнул:

– Да, это скверно... но, поверьте, могло быть гораздо хуже.

– Думаешь? – приподнял бровь захмелевший Роберт. – По мне так хуже уже некуда.

– Было бы намного печальнее, если бы мисс не имела никаких обязательств и ответила вам взаимностью. – Эйдан поставил пустую бутылку под стол и укоризненно посмотрел на Роберта: – Потому что, смею напомнить, вы тоже помолвлены, капитан.

Его друг помрачнел и невидящим взглядом уставился за окно. А потом резко подвинул к себе стакан и потребовал:

– Принеси еще.

Через час О'Нил спустился на третью палубу, в кубрик, и постучал в одну из кают. Дверь приоткрылась. Пахнуло сандаловым дымом.

– Доктор Мин, – прошептал Эйдан, – простите, что беспокою, но... там капитан Роберт. Он нуждается в вашей помощи.

Обитатель каюты принял и так же тихо спросил:

– Вино?

Штурман опустил глаза.

В глубине каюты скрипнули дверцы шкафа, послышался шорох и звяканье склянок.

– Сейсас поднимусь.

Несмотря на бессонную ночь, Кэтрин проснулась легко и сразу начала прихорашиваться, даже попросила Мэри, чтобы та сделала ей не повседневную, а изящную и красивую причёску. Она предвкушала новую встречу с молодым капитаном и путешествие с ним на шлюпке, поэтому известие о том, что Роберт не прибыл утром на «Валиант», а остался на «Призраке», весьма огорчило девушку.

– Он же обещал, – с легким упреком проговорила она. – Или я неправильно поняла то, что он сказал?

– Капитан Айвор командует военным фрегатом, и у него немало обязанностей. Если бы он мог, то непременно был бы здесь, – успокоила её рассудительная Мэри. – Не переживайте, вы еще встретитесь с ним на «Призраке».

– Ты права, – согласилась Кейт. – Хоть это и трудно, нужно взять себя в руки, чтобы не натворить глупостей. Идем, Марион, шлюпки уже подошли.

Кого отсутствие капитана совсем не расстроило, так это Чарлза Пламмера, который встретил девушек возле трапа в прекрасном настроении и учтиво раскланялся.

– Конец нашим злоключениям! – объявил он. – Доброе утро, милые дамы! Мисс Маккейн, ваш дядя просил передать, чтобы вы дождались его, он будет здесь с минуты на минуту. Мисс Уоллес, позвольте вашу руку, я помогу вам забраться в шлюпку.

– Благодарю, мистер Пламмер, – отозвалась девушка, – но я должна сопровождать мисс Кэтрин и не могу уплыть без нее.

Они отошли в сторону и встали неподалеку от трапа, возле которого уже собрались пассажиры. Над ними возвышался худощавый офицер в синем кителе с латунными пуговицами.

– Лейтенант Апдайк, – представился он. – Я требую, чтобы во время посадки не было никакой суеты. Прошу прощения, джентльмены, но в первую очередь мы будем перевозить дам.

– Это недопустимо! – громко возразил кто-то из мужчин. И тут же осекся под суровым взглядом лейтенанта.

– Сэр, – проговорил Апдайк, – «Призрак» – военный корабль флота Его Величества, а не пиратский шлюп, поэтому за свою честь женщинам можно не опасаться.

– Черт знает что такое! – сквозь зубы произнес только что появившийся мистер Спенсер и повернулся к племяннице: – Душечка Кэтрин, будьте осторожны. Мне известно, какое впечатление производят на молодых девушек мужчины в военной форме: кители с галунами, треуголки с позолоченным кантом – сплошная мишура! Помните, что под красивыми мундирами скрываются обычные мужчины, чаще всего имеющие недостойные намерения...

– Иногда точно так же под нарядным жилетом прилично одетого джентльмена бьется сердце, охваченное самой низменной похотью, – оборвала его излишняя Кейт и взяла Мэри за

руку: – Идем, дорогая. Пора узнать, как это – прокатиться по бескрайнему океану на маленькой шлюпке.

Капитан не солгал: путешествие было коротким и вовсе не страшным. Спустя всего четверть часа они поднялись по трапу и оказались на палубе «Призрака».

Военный корабль отличался от пассажирского судна: высокие фальшборты, просторный шкафут, три огромные мачты с вантами и реями, несущими паруса, и множество спящих туда-сюда матросов. Некоторое время Мэри и Кейт стояли, растерянно озираясь и не зная, что делать дальше. Шлюпки, которыми командовал лейтенант Апдайк, отправились назад к пакетботу за остальными пассажирами – следовательно, у них оставалось совсем немного времени для того, чтобы отыскать Роберта и удостовериться, что капитан рад их видеть.

– Неужели он не заметил наше прибытие? – забеспокоилась Кейт. Они с Мэри нарочно встали отдельно от прочих женщин, чтобы не потеряться в толпе, но никто к ним не подошел. На них вообще не обращали внимания.

– Мисс, капитан на своем корабле – самодержец и бог, а часто ли боги и короли являются нам, простым смертным? – попыталась пошутить Мэри. – На «Валианте» он был в качестве гостя и позволил себе непринужденное общение; сегодня же вновь вознесся на трон, и мы скромно стоим у его подножия. Здесь везде его подчиненные, и Роберт при них не может вести себя так, как вчера, и оказывать вам знаки внимания. Потерпите немного: когда мы вернемся на свой корабль, он найдет повод встретиться с вами.

Кейт кивнула, но взгляд её продолжал с надеждой блуждать по сторонам. Неожиданно она подняла голову, изменилась в лице и воскликнула:

– Вот он!

На шканцах появился Роберт – статный, подтянутый, недостижимый. Легкий ветер играл его длинными темными волосами. Молодой капитан окинул бесстрастным взглядом верхнюю палубу и стоящих на ней женщин, а потом так же невозмутимо развернулся и ушел куда-то на полуют.

У Мэри болезненно сжалось сердце, но она нашла в себе силы улыбнуться:

– Его Величество капитан Айвор изволит делать вид, будто не узнает вас. Не верьте ему, Кэтрин, он просто выполняет свои обязанности и ведет себя в соответствии с корабельным Уставом.

Природный актерский талант вновь пришел ей на выручку: зародившиеся сомнения никак не отразились на лице и голосе девушки, она по-прежнему выглядела веселой и беззаботной. Но Кейт тоже начала что-то чувствовать, и внутренний свет, появившийся в ней со вчерашнего вечера, заметно померк.

– Я должна поговорить с ним! – Она растерянно посмотрела на компаньонку: – Не понимаю... Может, я что-то сделала или сказала не так?

– Устав запрещает пассажирам подниматься на шканцы, – напомнила Мэри. – Погодите, мисс, я постараюсь что-нибудь придумать.

Кейт глянула через орудийный порт в сторону пакетбота: шлюпки с пассажирами уже направлялись к фрегату.

– Только прошу, побыстрее! – взмолилась она. – Еще немного – и мой дядя окажется здесь.

– Сейчас, – Мэри наморщила лоб, наблюдая за проходящими мимо офицерами. Один из них, с задорными серыми глазами, привлек её внимание, и девушка осмелилась к нему обратиться:

– Прошу прощения, сэр...

– Штурман О'Нил к вашим услугам, – учтиво кивнул он, оглядывая Мэри и Кейт. Будучи человеком проницательным и хорошо зная своего друга, Эйдан сразу же понял, кто перед ним,

и догадался, о чем может пойти речь. Но он хорошо помнил состояние Роберта накануне, поэтому решил сделать все, чтобы подобное не повторилось.

– Скажите, пожалуйста, мистер О’Нил, могу я увидеть капитана Айвора? – с надеждой спросила Кейт.

– Вы уже имели честь видеть капитана, – пожал плечами молодой офицер. – Он только что выходил на шканцы.

– Да, но... – белокурая мисс ужасно смутилась. – Я хотела бы с ним поговорить.

Штурман усмехнулся. Роберт не изменял своим вкусам: ему всегда нравились светловолосые девушки. Действительно, жаль, что у этой оказался жених, ведь она необыкновенно красива. И компаньонка её хороша собой, притом, ни с кем не помолвлена.

– Сожалею, мисс, но капитан сейчас занят, – ответил он. – Как только перевезут всех пассажиров, «Призрак» возьмет «Валиант» на буксир и попробует аккуратно стянуть его с рифа. Ответственность за успех этого рискованного предприятия целиком лежит на капитане, поэтому ему нужно время, чтобы все тщательно подготовить. И отвлекать его разговорами ни в коем случае нельзя.

– Разумеется, мистер О’Нил, – подала голос темноволосая девушка. – Просто мы взволнованы происходящим, крайне напуганы и... боюсь, если не сумеем чем-то занять себя, то вряд ли выдержим все до конца. – Она вздохнула, одарив его быстрым взглядом из-под ресниц, от которого в груди Эйдана что-то едва уловимо дрогнуло, а потом осторожно спросила: – Скажите, сэр, а не будет ли капитан против, если вы проведете нас с мисс Маккейн по кораблю? Вчера мы имели возможность рассмотреть ваш великолепный фрегат с палубы «Валианта» и были восхищены его мощью и... и...

– Грацией, – подсказала Кейт, тут же подхватывая идею. – Было бы чудесно, если бы вы показали нам, как устроен военный корабль изнутри. Мы раньше не видели ничего подобного и вряд ли еще увидим.

– Хорошо, мисс, – в замешательстве проговорил штурман. – Но я должен спросить разрешения у капитана, и если вы подождете...

Девушки переглянулись и в один голос заверили его, что, разумеется, подождут.

«Прав был Уильям Шекспир¹³, – подумала Мэри, когда молодой офицер отправился на шканцы. – В последнее время я постоянно ощущаю себя стоящей на театральных подмостках».

Эйдан нашел капитана в его каюте: Роберт что-то записывал в судовой журнал. Потрепанное гусяное перо в его руке мерно поскрипывало.

– Что случилось, О’Нил? – не поднимая головы, спросил он.

Ирландец постарался изложить просьбу девушек как можно более сдержанно, на всякий случай поглядывая на качающийся кончик пера. Но оно даже не дрогнуло и не сбилось с ритма.

– Указанный груз и пассажиры с «Валианта» доставлены на борт? – будничным тоном осведомился Роберт, не прекращая своего занятия.

– Да, капитан. Последние четыре шлюпки на подходе, сэр.

– Прекрасно. – Перо легло рядом с журналом, и капитан наконец-то взглянул на Эйдана. – Сейчас уже девять утра, пора начинать, не то попадем в самое пекло. Как только поднимут последнюю шлюпку и уберут трап, немедленно снимаемся. Команда пакетбота готова?

– Да, сэр. Ждут не дождутся.

– Рад это слышать, – Роберт поднялся. – Что-то еще, штурман?

– Эээ... да, капитан, – ирландец неловко переступил с ноги на ногу. – А как же просьба этих двух мисс?

¹³ Имеется в виду знаменитый монолог из комедии «Как вам это понравится»: «Весь мир – театр; в нем женщины, мужчины – все актеры...»

– Верно, я и забыл, – Роберт захлопнул журнал и убрал письменные принадлежности в ящик стола. – Если девушкам и правда интересен корабль, почему бы не утолить их любопытство? Дай им в сопровождающие какого-нибудь мичмана... хотя нет, манеры этих парней оставляют желать лучшего, да и рассказчики из них никакие. Займись ими сам, дружище. Тебе я полностью доверяю.

Капитан направился к двери, и, поравнявшись с Эйданом, негромко добавил:

– Только, прошу, сделай так, чтобы наши пути не пересеклись.

Штурман О'Нил оказался приятным молодым человеком.

Во-первых, он помог девушкам исчезнуть буквально из-под носа у мистера Спенсера, едва тот отвернулся. Кейт представила, как негодует потерявший её дядя, осыпая проклятиями «завернутых в мундиры сластолюбцев», как он мечется по незнакомой палубе, пытаясь при этом сохранять достоинство и невозмутимый вид, и ей стало смешно. Во-вторых, ирландец оказался выдающимся рассказчиком, который умел сложные вещи объяснить так просто, что они тут же становились понятными даже несведущему. В-третьих, он знал о корабле абсолютно все: как называется та или иная мачта, для чего служит тот или иной канат и чем кабестан отличается от кубрика. В-четвертых, здесь его уважали как простые матросы, так и офицеры, и было за что: О'Нил вел себя со всеми любезно, всем улыбался, а если шутил, то по-доброму. И, наконец, у него были удивительные глаза с множеством лучистых морщинок у внешнего края, что делало его по-мальчишески обаятельным. С ним было легко и спокойно, поэтому увлеченные прогулкой по фрегату Мэри и Кейт понемногу забыли о своей главной цели.

За это время «Призрак» успел сняться с якоря, плавно обогнуть накренившийся пакетбот и встать в указанном капитаном месте, после чего матросы приступили к креплению буксирного троса, соединившего фок-мачту «Валианта» и корму «Призрака». Когда все было готово, на фрегате подняли паруса.

Мэри, Кейт и молодой штурман осматривали кубрик, где приятно пахло восточными благовониями, когда корабль ощутимо дрогнул – раз, другой, а потом качнулся и пошел плавно, словно избавившись от тяжелого груза. Тут же снаружи донеслись крики и оглушительный свист.

– Что происходит, мистер О'Нил? – забеспокоилась Кейт. – Почему так громко кричат?

– Судя по тому, что матросы не чертыхаются, а воздают хвалу капитану, «Валиант» получил долгожданную свободу, – широко улыбнулся ирландец. – И теперь мы можем отправиться в Сент-Джордж.

– Ура капитану Айвору! – радостно воскликнула Мэри, захлопала в ладоши и закружилась по кубрику в танце. Замершие у трапа матросы восхищенно главели на нее. Обернувшись, Кейт заметила, как дверь одной из кают приоткрылась и оттуда на девушек взглянули внимательные глаза шуплого человека со смуглой кожей, длинной редкой бородкой и головой, обмотанной светло-серым платком.

– По этому случаю нужно устроить праздник! – Мэри остановилась и дала волю воображению: – Только представьте: два корабля стоят рядом в бархате южной ночи. Небо усыпано звездами, а корабли – огоньками. Играет веселая музыка, всюду слышатся песни и смех...

– Мисс Уоллес, – покачал головой штурман, с трудом сдерживая улыбку, – все это прекрасно, но вы забываете, что «Призрак» – не пассажирское судно, а военный фрегат, и мы находимся здесь не для увеселений, а для того, чтобы защищать колонии от посягательств извне.

– Неужели военным морякам чужды простые радости? – лукаво спросила девушка. – К тому же ваш капитан вчера сказал, что в этих водах теперь безопасно. В самом деле, почему бы не отпраздновать счастливое избавление и возвращение домой?

– Моряки – люди суеверные, мисс, – усмехнулся ирландец, – поэтому никогда не празднуют победу над стихией или врагом до тех пор, пока не ступят на твердую землю. Пока мы в

океане, наши тела и души в его руках. – Он помолчал, а потом сделал приглашающий жест в сторону трапа: – Прошу за мной, дамы, я покажу вам верхние палубы и полуют.

– Ну, что там, Апдайк?

Долговязый лейтенант, наблюдавший за затихающей суетой на палубе «Валианта», повернулся к Роберту:

– Похоже, все обошлось, сэр. Милостью божьей плывет. Была бы течь, плотник уже доложил бы капитану и тот попросил помощи. А капитан, насколько я вижу, курит трубку и любит летящими за бортом волнами.

– Превосходно. – Роберт скользнул взглядом по палубе: – Хастли! – Боцман поднял голову и вопросительно изогнул бровь. – Пока море спокойное, пришвартуйтесь бортами, положите мостки и верните на пакетбот груз, а затем – пассажиров. И поживее, а то на шкафуте ступить некуда.

В ответ раздалось пронзительное пение боцманской дудки, вызывающей команду наверх для выполнения приказа. Некоторое время капитан следил за тем, как матросы таскают канаты и готовятся налаживать переправу, затем оставил это занятие Апдайку, поднялся на полуют и встал с наветренной стороны. Отсюда хорошо было видно палубу и толпящихся на ней пассажиров, но Роберт старался туда не смотреть. Ему очень хотелось увидеть, как среди однообразно-серого людского моря пенной шапкой мелькнут белокурые локоны... но он опасался, что по его выдержке будет нанесен очередной удар, после которого на душе вновь будет тоскливо и горько. Нет уж, достаточно. Хвала Господу, Багамские острова находятся достаточно далеко от Бермудских.

Матросы уже сновали с борта на борт, переносили тяжелые ящики и возвращаясь за новыми, когда на полуюте появился один из офицеров.

– Корабль, сэр, – доложил он. – Трехмачтовый, прямо по курсу.

– Должно быть, «Морриган», – Роберт, щурясь от солнца, посмотрел в указанную сторону, но сумел разглядеть лишь крошечное пятно у самого горизонта. Он хотел уже отпустить офицера, но опыт и внутреннее чутье подсказали, что стоит проявить бдительность. – Пошлите юнгу в «воронье гнездо», пусть проверит.

– Да, сэр. Отправлю Смита, он самый зоркий.

Маленький тощий парнишка в белых штанах и раздувающейся на ветру блузе с ловкостью обезьяны вскарабкался по фок-мачте на марсовую площадку, а потом полез еще выше. Вгляделся, всем телом вытянувшись вперед, а потом замахал руками и что-то крикнул. Снизу ответили, но Роберт не расслышал, что именно: здесь все звуки сносило в сторону.

– Капитан! – раздался со шканцев голос Апдайка. – Это не «Морриган», сэр! Смит говорит, это два военных фрегата и на мачтах у них белый штандарт с красно-желтым гербом!¹⁴

¹⁴ До 1785 года морской флаг Испании был белого цвета с гербом дома Бурбонов в центре.

Глава восьмая

– А за этой дверью, милые дамы, находится капитанская каюта.

О’Нил заглянул внутрь, убедился, что там никого нет, и только после этого позволил девушкам войти, внимательно следя за тем, чтобы они ничего не трогали.

Каюта простиралась во всю ширину корабля и являла собой просторный кабинет с двумя окнами в задней кормовой переборке, отдельной гардеробной и спальным местом, скрытым в нише за темно-синими атласными шторами. Посреди кабинета стоял громоздкий рабочий стол из темного дерева, вдоль стен располагались книжные шкафы и подставки для разных морских диковин, коих тут было множество: раскрашенный вручную глобус, высушенные рыбы, похожие на колючие шары, старинные компасы, огромные витые и зубчатые раковины, обломки кораллов, каменные идолы из неизвестных земель. Все это манило, вызывая желание прикоснуться, но, видя, как благоговейно ведет себя в капитанских владениях штурман, Мэри и Кейт проявили сдержанность и неторопливо обошли помещение, аккуратно ступая по мягким коврам и рассматривая всевозможные диковины. Ирландец тем временем, бросив взгляд на настенные часы, решил, что пора завершать затянувшуюся прогулку, и уже хотел было предложить девушкам отправиться обратно на шкафут, как вдруг услышал доносящиеся снаружи громкие голоса и тревожные сигналы боцманской дудки.

– Опять кричат, мистер О’Нил, – заметила Кейт, разглядывая миниатюру, изображавшую морскую баталию. – Что там на этот раз?

Эйдан прислушался. Ему хватило мгновения, чтобы понять всю серьезность происходящего.

– Дамы, – решительно объявил он, – я вынужден ненадолго покинуть вас. Оставайтесь здесь, никуда не уходите, только, прошу, ничего не трогайте. Я скоро вернусь.

Когда штурман исчез за дверью, Мэри и Кейт переглянулись. В первые мгновения, оставшись без присмотра, они боялись даже пошевелиться.

– Думаешь, что-то случилось с «Валиантом»? – шепотом спросила Мэри. – Он тонет?

– Господь всемогущий, надеюсь, нет, – Кейт на цыпочках подошла к окну. – Отсюда его не видно. Но фрегат стал похож на потревоженный улей... Слышишь этот грохот внизу? Даже сквозь ковер я чувствую, как дрожит пол... Мэри, быть может, нам лучше уйти из каюты и спуститься на палубу?

– Нет, – покачала головой девушка. – Мистер О’Нил велел оставаться здесь, и это правильно: по крайней мере, что бы ни произошло, тут мы в безопасности.

Испанцы...

Разозленные последними неудачами, особенно – потерей захваченных два года назад Багамских островов. Жестокие и беспощадные в бою. Но при этом – часто недовооруженные, страдающие нехваткой дисциплины на борту и не умеющие маневрировать. Этим стоило воспользоваться.

– Сэр, – рядом возник вездесущий Апдайк, – прикажете остановить погрузку и перевести гражданских на пакетбот?

Роберт посмотрел на небо. С виду капитан казался спокойным, но в голове у него с лихорадочной скоростью мелькали мысли, помогая принять единственно правильное решение.

– Нет, – ответил он, – отправьте их всех на нижнюю палубу. Продолжайте переносить ящики, причем так, чтобы испанцам удалось это разглядеть. И вызовите сюда пару офицеров с «Валианта».

Лейтенант кивнул и тут же исчез. В это время на полукот поднялись главный комендор, боцман и немного запыхавшийся О’Нил.

– Командирам оружейных четверок приготовиться. – Роберт взглянул вверх, на машущего руками юного Смита: – Что он говорит?

– Испанцы подняли паруса и открыли орудийные люки, сэр.

– Корабли удалось опознать?

– Первым идет «Санта Круз», линейный фрегат второго ранга, около восьмидесяти пушек, сэр. Название второго пока не разглядеть, предположительно судно третьего ранга, так как пушек поменьше.

– Шестьдесят две, если точно. – Роберт прищурился. – Хвала Господу, это не «Сантисима Тринидад»¹⁵. Излюбленная боевая тактика испанцев – меткими залпами снести мачты вражеских кораблей и, взяв подбитое судно на abordаж, разграбить его. Что ж, подготовим им сюрприз... Хастли, немедленно Хупера ко мне.

– Да, сэр.

Боцман и комендор покинули полуют, чтобы выполнить полученные приказы. Штурман замешкался: ему показалось, что капитан хочет спросить его о чем-то, и, кажется, он догадывался, о чем. Можно было бы опередить вопрос и сообщить, что белокурая мисс и её спутница укрыты в одном из самых надежных мест на корабле, но... Эйдан отчего-то не рискнул первым заговорить об этом. Поэтому они просто обменялись взглядами и вернулись к своим обязанностям.

Находиться в капитанской каюте и ни к чему не прикасаться было невыносимо: от волнения хотелось не только переставлять предметы, но и передвигать мебель.

Мэри села на стоящий в углу сундук и сцепила руки на коленях, Кейт ходила туда-сюда по кабинету, глядя куда-то перед собой. Наконец, утомившись, она остановилась, посмотрела по сторонам и увидела лежащий на столе судовой журнал. Поколебавшись всего пару мгновений, девушка подошла, открыла его и принялась листать.

– Кейт! – испуганно окликнула её Мэри. – Мистер О’Нил запретил нам здесь что-либо трогать!

– Мне скучно, – рассеянно отозвалась Кэтрин, пробегая глазами записи. – К тому же это не личное, всего лишь корабельный дневник. День такой-то, широта, долгота... ветер, скорость столько-то узлов... фамилии вахтенных офицеров, доклад обо всех происшествиях на борту. Ничего интересного... – Она слегка запнулась, увидев сделанную накануне запись. В самом низу страницы, под обычными для журнала сведениями о погоде и курсе, а также кратким докладом об обнаружении застрявшего на мели пакетбота, рукой капитана было написано:

«Сегодня произошла встреча, которую я хотел бы как можно скорее забыть»

В затылок словно плеснуло крутым кипятком. Кейт перечитала эту строчку несколько раз, пока она намертво не впечаталась в память. Потом зажмурилась: буквы продолжали белеть перед её внутренним взором.захотелось схватить дневник, швырнуть его на пол. А потом оттолкнуть стул, опрокинуть тяжелый стол и разнести в этой каюте все – кораллы, ракушки, дурацких сушеных рыб...

– Да, – сквозь зубы проговорила она, медленно закрывая журнал. – Абсолютно ничего интересного.

Роберт пристально наблюдал за тем, как один из его матросов, протолкавшись сквозь толпу перепуганных пассажиров, поднимается на шканцы.

¹⁵ Трехпалубный линейный корабль 1 класса «Сантисима Тринидад» («Пресвятая Троица»), построенный в 1769 году, был самым большим военным кораблем не только в Испании, но и во всем мире. Был оснащен 140 орудиями, имел толщину обшивки 60 см, за низкую маневренность был прозван «Тяжеловесом».

Любой, впервые увидевший Бена Хупера, непременно задался бы вопросом, что этот разбойник делает на военном корабле флота Его Величества. В самом деле: низкий лоб, массивная челюсть, свирепый взгляд небольших прозрачно-голубых глаз, вечно глумливая ухмылка, широкие плечи и крепкие руки, в которых угадывалась недюжинная сила, скорее, подошли бы пирату. Коим, собственно, Бен Хупер по прозвищу Красавчик и являлся два года назад. Его небольшая флотилия несколько лет досаждала поселенцам, пока однажды судьба не свела капитана Хупера с фрегатом «Морриган» и молодым тогда еще лейтенантом Робертом Айвором.

После этой встречи лейтенант был произведен в капитаны и получил собственный, только что спущенный на воду корабль, а Красавчик и выжившие члены его команды угодили в тюрьму и стали ждать неминуемой виселицы. Бен не сомневался, что их вздернут без долгого суда и следствия, но, к его немалому удивлению, молодой капитан предложил им отсрочку казни – в обмен на службу простыми матросами на его корабле. До первого серьезного проступка, после которого приговор будет немедленно приведен в исполнение.

Для пиратского главаря стать рядовым матросом на судне, принадлежащем злейшему врагу, было хуже позорной смерти. Но Бен согласился – ради своих парней. И ради того, чтобы однажды, как он поначалу думал, утопить посмевшегося командовать им неопытного щенка и вырваться на свободу...

– Матрос Хупер по вашему приказу прибыл.

Капитан Айвор молчал, выжидая, глядя на него.

– ...сэр, – после долгой паузы нехотя добавил бывший пират. В глазах Роберта мелькнула едва заметная лукавая искра.

– К нам приближаются два испанских военных корабля, Бен. Фрегаты второго и третьего ранга. – Он заложил руки за спину и вновь посмотрел на матроса. – Будет бой.

– Ясное дело, не свадьба собачья, – ухмыльнулся Хупер и почесал в затылке: – Будем надеяться, нам повезет... сэр.

– Не стоит рассчитывать на везение, – серьезно проговорил Роберт. – У нас на борту полсотни гражданских, а у «Валианта» всего лишь двенадцать пушек. Хорошо бы, как в прежние времена, проявить ловкость ума, Хупер. Кстати, как там дела у твоих парней? Насколько я помню, за последний год никого из них не повесили.

– К чему вы клоните... сэр? – насторожился бывший пират.

– Мне нужна опытная абордажная команда, Бен. Не хочешь тряхнуть стариной и захватить испанца? – Роберт прищурился, заметив, как заблестели глаза у матроса. – Собери своих людей, и я дам под твое командование еще нескольких отчаянных ребят.

Красавчик оскалится, показав крупные желтые зубы:

– Хотите, чтобы мои парни погибли ради спасения тех, кто по-прежнему готов их вздернуть? И посылаете уговаривать их бывшего капитана?

– Не перебивай! – голос Роберта полоснул сталью. – Капитаны не бывают бывшими, Хупер, и тебе это прекрасно известно.

Видимо, Бен что-то уловил в его тоне, потому что перестал ухмыляться и опустил глаза.

– В бою один корсар стоит нескольких опытных бойцов. Тем, кто будут доблестно сражаться и выживут, обещаю полное помилование. Кроме того, каждый из абордажной команды получит денежное вознаграждение и трехнедельный отпуск. А ты, Красавчик... – капитан нарочно сделал паузу, чтобы Хупер поднял голову и взглянул на него, – пожалуй, достаточно насиделся в простых матросах.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Хорошо, – наконец проговорил Бен и, подумав, добавил: – ...сэр. Что вы хотите, чтобы мы сделали?

Повинуясь сигналам боцманской дудки, матросы натягивали над палубами сети для защиты от обломков мачт, канониры открывали пушечные порты, готовили снаряды и воду для охлаждения стволов, оружейники раздавали мушкеты – словом, шла обычная подготовка к бою. Собравшиеся на шканцах офицеры слушали Роберта, который подробно излагал им свой план.

– При всем уважении, сэр, это большой риск, – лейтенант Апдайк с сомнением покачал головой. – К тому же доверять бывшему пирату...

– Я хочу дать ему шанс, Генри, – молодой капитан взглянул на стоящую у полубака группу матросов, которым Красавчик, яростно жестикулируя, пытался что-то втолковать. – Уверен, что Хупер не подведет.

Лейтенант покосился на «Валиант», где под прикрытием фальшбортов развернулась бурная деятельность, и вздохнул:

– Дай-то бог.

Испанские фрегаты спешили к ним на всех парусах, и Роберт убедился, что его изначальный расчет был верным: противник заметил переносимые сундуки и заглох наживку. Теперь можно было приступать к следующему акту разыгрываемой пьесы. Роберт отдал приказ, мостки убрали, и «Валиант» отцепили от «Призрака». Пакетбот тут же укрылся за военным фрегатом.

«Призрак» слегка изменил курс и направился навстречу испанцам, явно стараясь отвлечь внимание на себя. Роберт внимательно следил за противником и, увидев, что корабли готовятся к перестроению, отдал команду, которую тут же передали на «Валиант». Пакетбот вынырнул из-под прикрытия и, насколько позволял ветер, принялся уходить в сторону. Роберт услышал, как хмыкнул Апдайк: противник убедился, что маленькое судно загружено чем-то чрезвычайно ценным, и испанский флагман начал разворачиваться, чтобы перехватить его. «Призрак» вновь изменил курс, намереваясь атаковать второй корабль под названием «Святая Анна». Его капитан, в свою очередь, тоже приказал развернуться и свел на нет замысел «Призрака», но тот явно не собирался отказываться от своего плана и изменил курс в третий раз. Прозвучал первый пушечный выстрел, ядро угодило в воду недалеко от фрегата, подняв тучу брызг. «Призрак» не ответил, обходя «Святую Анну», словно намеревался идти на помощь пакетботу. Следующие ядра, выпущенные испанцами, упали гораздо ближе.

– Комендор Андерсон, поучите их, как надо целиться! – усмехнулся Роберт, и носовые пушки «Призрака» ударили при очередном развороте. Одно из ядер прошло возле борта «Святой Анны», а два других, хоть и не нанесли серьезного урона, но повредили обшивку корабля.

– Господь всемогущий! – Мэри вскочила с сундука и бросилась к окну. – Кэтрин, ты только взгляни туда!

– Вижу, – побледневшая Кейт отступила назад, в глубину каюты. – Мэри, они стреляют по «Призраку». Они стреляют по нам!

Пол у них под ногами дрогнул, гулкий звук выстрела волной отозвался в груди.

– Мы тоже стреляем, – тихо сказала Мэри. И, опустившись на колени, шепотом стала читать молитву.

– Капитан, мы не сможем долго кружить перед ними! – доложил встревоженный Апдайк. – Да и волна поднимается, сэр.

– Знаю. – Роберт в очередной раз взглянул на небо, уже начавшее темнеть, и снова отдал приказ развернуться. Корабли вновь описали почти полный круг и обменялись выстрелами из пушек, практически не повредив друг друга. Как и следовало ожидать, подобный расклад начал выводить из себя нетерпеливых испанцев, тем более что их вожаки добыча – малень-

кий пакетбот – успешно ускользала. Видимо, злость помогла испанским канонирам целиться лучше, потому что выстрел с «Санта Круз» повредил борт «Валианта» и переломил одну из мачт, уменьшив возможность маневрирования. «Призрак» изменил курс и выпустил несколько ядер, вновь отвлекая внимание на себя. Испанские корабли тут же начали перестраиваться, стремясь занять более выгодную, как им казалось, позицию.

Роберт потянул ноздрями внезапно увлажнившийся воздух и скомандовал:

- Поставить все паруса! О’Нил, по моей команде – поворот зюйд-вест!
- Да, капитан!
- Держись ближе к «Святой Анне». Угол пятьдесят градусов... Давай!
- Слушаюсь, сэр!

Корабль повернулся, а в следующий миг окрепший и сменивший направление ветер с силой наполнил паруса и «Призрак» рванул вперед с огромной скоростью. Лейтенант Апдайк вытер вспотевший лоб, в очередной раз убедившись, что капитан обладает воистину звериным чутьем на смену погоды, поблагодарил бога за то, что выдержали паруса и крепления, и крикнул вниз:

– Канонирам готовсь!

Когда испанцы поняли, что произошло, было уже поздно. Резкая смена ветра, давшая преимущество «Призраку», и поднимающийся шторм создали им изрядные проблемы. На кораблях поднялась суматоха, по фрегату открыли стрельбу, но большая часть ядер не достигла цели. «Призрак» не отвечал до тех пор, пока не оказался между двумя кораблями, и только тогда Роберт громко скомандовал:

– Огонь!!!

Девушкам, сидящим в капитанской каюте, почудилось, что небеса разверзлись, когда оба борта «Призрака» одновременно ответили залпами из всех пушек. Грохот и треск ломающегося дерева слились в невыносимый, ужасающий шум. Корабль мотнуло так, что вскочившая на ноги Мэри упала и опрокинула на себя стул. Кейт тоже не удержалась и оказалась лежащей на ковре. Со всех сторон посыпались осколки стекла, выпавшие с полок книги и все, что было плохо закреплено; пришлось ползком пробираться к письменному столу и искать спасения под ним. Перепуганные девушки прижались друг к другу, а потом обнялись; обе дрожали так, что было слышно, как стучат зубы. Кейт показалось, что Мэри всхлипывает, но, заглянув ей в лицо, она поняла, что компаньонка не плачет, а смеется.

– Что с тобой? – еще больше испугалась Кейт. – Все хорошо, не бойся... Скоро все закончится.

– Н-надеюсь, к-капитан Айвор... н-не решит, что это м-мы... разнесли его к-каюту, – заикаясь, выдавила Мэри.

Кейт вновь прижала её к себе и принялась гладить по голове, как ребенка.

В ходе своего отчаянного маневра «Призрак» получил повреждения, но, к счастью, ни одно из них не помешало ему продолжить бой. Пока матросы сражались с парусами, чтобы фрегат мог развернуться, канониры дали еще несколько залпов из кормовых пушек и перезарядили бортовые.

На флагмане, левый борт которого английские ядра буквально изрешетили, начался пожар. «Святой Анне» досталось не меньше, к тому же удачным выстрелом ей перебило грот-мачту, и капитан корабля счел, что бегство далеко не всегда бывает позорным. Отстреливаясь больше для того, чтобы хоть как-то сохранить достоинство, испанский фрегат стал покидать поле боя.

– Прекрасно! – воскликнул Роберт. – Теперь пусть на флагмане подумают, что мы намерены преследовать и добить беглеца.

– Сэр, – подал голос О’Нил, – а что если «Санта Круз» придет ему на помощь?

Молодой капитан усмехнулся в ответ:

– Если я что-либо понимаю в человеческой жадности, он не придет.

Роберт опять оказался прав: испанцы побоялись, что при надвигающемся шторме подстреленный пакетбот может затонуть со всем своим ценным грузом. Дымовая завеса мешала разглядеть происходящее, грохот пушек «Призрака» и удаляющейся «Святой Анны» создавал иллюзию боя между двумя кораблями, и уверенный в собственной безопасности капитан флагмана приказал догнать «Валиант». Лишенный маневренности и скорости пакетбот казался испанцам легкой добычей, которую можно захватить, пока где-то в стороне «Святая Анна» расправляется с дерзким англичанином.

– Поворот оверштаг!¹⁶ – скомандовал Роберт. – А теперь смотрите: сейчас начнется самое интересное...

Когда «Санта Круз» приблизился к пакетботу, с палубы последнего начали стрелять картечью. На флагмане раздались крики, перемежаемые проклятиями; несколько ответных залпов едва не потопили судно раньше времени, и испанцы поспешили закинуть абордажные крючья. Борт с силой ударил о борт, вторая мачта «Валианта», тоже поврежденная, не выдержала столкновения и рухнула прямо на флагманский корабль, запутавшись в снастях. В тот же миг со стороны пакетбота тоже полетели крючья, а следом раздался хорошо знакомый многим пиратский клич и на «Санта Круз» хлынула разномастная команда, возглавляемая Беном Хупером. Про Красавчика не зря говорили, что он одним своим видом способен обратить противника в бегство. Около дюжины бывших пиратов сражались бок о бок с моряками английского флота, и эта неожиданная атака ввергла испанцев в ступор. Впрочем, они быстро пришли в себя, особенно когда увидели, что нападавших намного меньше, чем им показалось вначале.

Абордажная команда Хупера дралась с отчаянной храбростью, но им бы пришел конец, если бы внезапно воздух не содрогнулся от грохота пушек. «Санта Круз» покачнулся от сильного удара в борт: «Призрак», оправдывая свое название, бесшумно вынырнул из дымовой завесы и намертво сцепился с испанцем с другого борта. Англичане бросились на абордаж. Яростные вопли и проклятия на английском, испанском и еще черт знает на каких языках перемешались со звоном стали, ружейными выстрелами и стонами раненых. Скользящая от крови палуба была усыпана телами, обломками дерева, оружием, выпавшим из мертвых рук. В воздухе висела копоть, тошнотворно пахло порохом, гарью, раскаленным металлом и смертью.

Испанцы сражались достойно, но это им не помогло. Оставшихся в живых загнали на шканцы, где они, в конце концов, сложили оружие.

– *Temeridad y coraje – una mezcla peligrosa, Capitan. Si no hubiera intentado atacar, usted y su gente habrían regresado sanos y salvos a su tierra natal*¹⁷, – сказал Роберт капитану захваченного фрегата. И добавил уже на родном языке: – Пленных связать и запереть в трюме. Общайте корабль. И выясните, что с пакетботом: мне показалось, он едва держится на плаву.

Мичманы и матросы бросились выполнять его распоряжение. А Роберт спустился на шкафут испанского флагмана и отыскал там Хупера, вокруг которого собрались оставшиеся в живых пираты. Теперь их было почти вдвое меньше.

– А вы не торопились, – протянул Красавчик, впрочем, прекрасно понимая, что «Призрак» подошел так быстро, как только смог, лавируя против встречного шквального ветра. Поэтому с добродушной усмешкой добавил: – Сэр.

¹⁶ Поворот парусного судна или шлюпки против ветра.

¹⁷ Безрассудство и отвага – опасное сочетание, капитан. Если бы вы не пытались напасть, вы и ваши люди вернулись бы на родину в целости и сохранности (исп.)

– Не хотел портить вам веселье, – ухмыльнулся в ответ Роберт. – Рад, что ты жив. Повторю для твоих парней: все обвинения с вас сняты, приговор отменен, и, более того, каждого ожидает достойная награда.

Хупер вытер грязной ладонью не менее грязную физиономию, бросил взгляд на лохмотья, свисающие с плеча, и хрипло рассмеялся:

– Надеюсь, её хватит на новую рубаху и пару продажных женщин.

– И вот еще что, Хупер, – тон капитана стал официальным. – Осмотрите захваченный корабль, доложите о повреждениях и о возможности судна самостоятельно продолжить путь до Бермудских островов. Поторопитесь, поскольку шторм усиливается. Если фрегат плыть не сможет, придется забрать все ценное на «Призрак» и затопить «Санта Круз».

Бен задумчиво поскреб в затылке:

– А если все не так плохо?

– Тогда трофей пойдет на Бермуды под вашим командованием, Хупер.

Красавчик замер с открытым ртом. Его приятели недоверчиво поглядывали то на него, то на капитана.

– Будь я проклят, но шутить такими вещами... – начал было один из них.

– Я не шучу, – оборвал его Роберт. – Хупер, вы готовы принять временное командование, или мне назначить другого призового капитана¹⁸?

Бенджамин Хупер мгновенно поменялся в лице и выпрямился:

– Нет, сэр. Есть принять командование, сэр!

– Вот и славно. Приступайте к своим обязанностям. Я пришлю вам еще матросов. – Роберт едва заметно подмигнул бывшему пирату и отправился навстречу офицерам с «Валианта». Следовавший за ним тенью Апдайк выглядел раздосадованным.

– Прошу прощения, сэр, но я с этой ролью справился бы гораздо лучше! – не удержался он. – А вы, при всем уважении, сэр, назначили призовым капитаном какого-то головореза!

– Апдайк, – спокойно ответил Роберт, – когда придет время, я, как командующий флотом Бермудских островов, с радостью произведу тебя в капитаны военного фрегата. Но сейчас мне нужен опытный человек, побывавший не в одной переделке и способный в условиях шторма доставить эту разбитую посудину в Сент-Джордж. Подобное под силу только Красавчику Хуперу, поэтому я выбрал его. Еще вопросы, лейтенант?

Апдайк помолчал, потом склонил голову:

– Никак нет, сэр.

Время тянулось невыносимо медленно, особенно когда выстрелы прекратились и наступила тишина, порождавшая немало вопросов. Чем закончился бой? Кто победил и хозяйничает сейчас на фрегате? Где «Валиант», что произошло с остальными его пассажирами? И куда подевался мистер О'Нил, обещавший скоро вернуться? Что если он уже мертв?

Штурман освободился только спустя пару часов. До его прихода ожидание в неизвестности превратилось для девушек в настоящий кошмар.

– Мисс... – открыв дверь, Эйдан растерянно оглядел разгромленную и, как ему показалось, пустую каюту. Но вот послышался шорох и из-под письменного стола робко показалась белокурая головка. Хвала Господу, его подопечные оказались послушными и никуда не бежали. Возможно, это спасло им жизнь.

– Дамы... мисс Маккейн, мисс Уоллес! – растроганно проговорил он, помогая девушкам выбраться из укрытия. – Все закончилось, больше не нужно прятаться. Надеюсь, вы не ушиблись?.. Идемте, я провожу вас в свободную каюту, приготовленную для пассажиров, там вы

¹⁸ Призовой капитан, а также призовая команда – специально выделенные из состава экипажа моряки, которые направлялись на захваченный в бою корабль, чтобы обеспечить управление им.

сможете отдохнуть. А сюда, – добавил штурман себе под нос, – нужно вызвать мальчишку, чтоб хорошенько прибрался.

По пути на нижнюю палубу он коротко рассказал Мэри и Кейт о сражении и заметил, как юные мисс приободрились, как у них заблестели глаза, когда они услышали о победе и захваченном в плен испанском фрегате. Но вот чего он не ожидал, так это того, что девушки пожелают немедленно увидеть трофей и начнут умолять отвести их на шкафут.

– Пожалуйста, мистер О'Нил! – упрашивали они, хлопая ресницами и делая жалобные лица. Эйдан понял, что в отношении просьб слабого пола он безоговорочно слаб, и в конце концов уступил, за что был вознагражден нежным взглядом мисс Уоллес. Втроем они вышли на верхнюю палубу и – надо же, какая неприятность! – сразу наткнулись на капитана.

– О'Нил? – сдвинул брови Роберт, не рассчитывавший на подобную встречу. А дальше произошло то, что весьма озадачило Эйдана. Мисс Уоллес тепло улыбнулась, сделала книксен и вежливо поздоровалась с капитаном. А мисс Маккейн вздернула подбородок и, даже не взглянув на Роберта, прошла мимо в сторону фальшборта. Сбитый с толку волной её равнодушия капитан даже не нашел что сказать, только еще больше нахмурился и повернулся к штурману. О'Нил, видя, что над его головой сгущаются тучи в прямом и переносном смысле, стал объяснять, что хотел проводить пассажиров в каюту, пообещал, что немедленно уведет их с заваленной обломками палубы и что подобное больше не повторится... но тут, на его удачу, Роберта очень вовремя отвлекли. Подбежал запыхавшийся помощник судового врача и доложил:

– Капитан Айвор, сэр... еще трое раненых с «Валианта»! Один совсем плох, сэр. Доктор Мин не успевает заняться всеми, а на пакетботе, как выяснилось, не было штатного хирурга.

– Что я могу сделать? – сердито оборвал его Роберт. – Где я вам посреди океана найду второго доктора Мина? Что ж, если раненый умрет, значит, такова божья воля и его судьба.

– Я могу помочь.

Тихий голос раздался со стороны трапа, ведущего на шканцы. Обернувшись, Эйдан, Мэри и Роберт увидели человека, сидящего под лестницей на забытом в суматохе ящике с пакетбота. Его длинные, когда-то светлые волосы потемнели от грязи и спутались, одежда давно не знала стирки, сапоги протерлись до дыр и, что самое странное, руки его были скованы длинной цепью, как у невольника. Мужчина поднял голову, посмотрел на капитана, и стоящая рядом с ним Мэри вздрогнула, заметив, что взгляд незнакомца пустой и безжизненный, а глаза потускнели и словно утратили цвет. Но она видела, что они удивительно красивые. Только печальные.

И еще отчего-то очень знакомые.

Я знаю этого человека. Я всегда любила его улыбку, я помню его смех.

Вот только никак не могу вспомнить его имя...

– Его нашли в трюме испанского корабля, – подсказал капитану помощник доктора Мина. – Там были и другие пленники, но этого держали отдельно.

– Прошу прощения, – Роберт шагнул ближе, внимательно разглядывая незнакомца, – могу я узнать ваше имя?

– Меня зовут Стейн, – ответил мужчина. И закашлялся, словно у него пересохло в горле.

– Просто Стейн?

– Стейн Норвуд, – не слишком охотно добавил он.

– За вас назначен выкуп?

– За меня? – впервые в глазах незнакомца мелькнуло что-то похожее на удивление. –

Нет, сэр.

– Странно... Что же тогда вынудило испанцев оставить вас в живых, если не деньги? – усмехнулся капитан. – Быть может, поделитесь секретом?

– Никакого секрета нет, – ответил ему бывший пленник. – Дело в том, что я корабельный врач.

Глава девятая

За свою жизнь Мэри-Энн Дуглас встречала немало привлекательных мужчин. На приемы, куда её вывозили, съезжались симпатичные, хорошо воспитанные, одетые по последней моде джентльмены, которые прекрасно танцевали и легко поддерживали беседу. В труппе театра «Ройял», куда она позже попала, служили красивые и талантливые актеры, на которых Мэри взирала с восхищением – и некоторой опаской, но, к счастью для нее, слово мистера Росса и неусыпный присмотр миссис Спрингс ограждали девушку от попыток сблизиться с ней. Даже на корабле она обрела друга – милого и галантного Чарлза Пламмера, а сегодня сумела очаровать молодого штурмана, чья обаятельная улыбка радовала её глаза. Да и капитан Айвор, несмотря на странности поведения, вызывал у Мэри самую искреннюю симпатию. На фоне этих великолепных мужчин Стейн Норвуд выглядел непривлекательно, даже отталкивающе, но Мэри не ощущала ни брезгливости, ни сочувствия – напротив, её непонятным образом влекло к этому человеку, тянуло заговорить с ним, хотелось поймать его взгляд и – невероятно, но это так! – взять его за руку. В глубине души она разделяла его печаль, усталость и даже сильную жажду, но все, что могла сейчас сделать, это повернуться к капитану и попросить:

– Пожалуйста, сэр, дайте ему воды! Разве вы не видите, как ему плохо?!

Мэри надеялась, что, услышав её голос, мистер Норвуд посмотрит на нее, они встретятся взглядами, и тогда, быть может, произойдет что-то еще, невероятно важное... Но он не посмотрел.

– Джонс, – велел Роберт помощнику судового врача, – передай Хастли, чтобы прислал сюда плотника: нужно снять цепь. И принеси мистеру Норвуду воду и чистое полотенце. – Он еще раз внимательно оглядел бывшего пленника и вполголоса уточнил: – Стейн, вы уверены, что сможете заниматься ранеными? Мне кажется, вам самому необходимо отдохнуть.

– Отдых подождет, – без всякого выражения ответил мужчина, – а ваши люди – нет. Не беспокойтесь, сэр: уже то, что я нахожусь на фрегате Его Величества, придает мне сил. Я справлюсь.

Роберт коротко кивнул. Очередь дошла до штурмана, но, прежде чем что-либо ему приказать, капитан развернулся и направился к фальшборту.

Несмотря на усилившуюся качку, Кейт успела дойти до ближайшего проема и теперь с любопытством разглядывала трофейный корабль и суесящихся на нем матросов. Роберт подошел к ней, ни слова не говоря, схватил её за руку чуть выше локтя и потащил за собой назад.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась девушка, безуспешно пытаясь сопротивляться. – Отпустите, вы делаете мне больно!

– Не лгите, – усмехнулся он, даже не думая сбавлять шаг. – Я вас едва касаюсь.

– Вы не смеете так со мной обращаться! – выкрикнула она.

– Смею, – бросил через плечо капитан. – Это мой корабль, и здесь команду я. О’Нил, – громко обратился он к штурману и подтолкнул к нему Кейт, – отведите обеих мисс в их каюту и, если они попытаются выйти, запирайте на ключ. А потом займитесь остальными пассажирами «Валианта». Пока не начался настоящий шторм, нужно покинуть это место и двигаться в сторону Бермудских островов.

Эйдан посмотрел на разъяренную мисс Маккейн, на её поникшую компаньонку, еле слышно вздохнул и ответил, как полагалось:

– Слушаюсь, сэр.

Кейт переполняли негодование и обида. Спускаясь по трапу, она споткнулась, едва не упала, и это только добавило ей злости. Но когда она взглянула на подругу, её возмущение мгновенно исчезло, сменившись нарастающим беспокойством. Мэри была на грани истерики.

Она держалась ровно до тех пор, пока О'Нил не привел их в маленькую каюту, еще менее удобную, чем на пакетботе. Увидев низкий потолок, две узкие койки и парусиновый умывальник, девушка опустилась на пол и разрыдалась.

– Марион! – Кейт бросилась её поднимать. – Что с тобой?!

Озадаченный штурман топтался в дверях: он понятия не имел, что могло так расстроить еще недавно спокойную юную мисс.

– Все хорошо, милые дамы, – бормотал он. – Все хорошо...

Мэри удалось усадить на койку, но она тут же упала лицом в подушку и зарыдала еще горше. Кэтрин растерянно взглянула на Эйдана.

– Могу я чем-то помочь? – тут же спросил он.

– Мистер О'Нил, думаю, это последствия сильного испуга, – сказала Кейт. – Во время боя, когда отовсюду стреляли, нам было очень страшно. Марион едва могла говорить, а сейчас напряжение отпустило ее. Прошу прощения за то, что вам приходится все это наблюдать, но...

– Что вы, – возразил он, – не извиняйтесь! Могу представить, какое испытание выпало на вашу долю. Бывает, даже у крепких мужчин не выдерживают нервы. – О'Нил задумался, а потом предложил: – Мисс Маккейн, есть одно проверенное средство, которое быстро успокоит мисс Уоллес. Если позволите, я принесу.

– Несите, – не колеблясь, согласилась Кейт.

«Проверенным средством» оказался неразбавленный бренди, от одного запаха которого начинало щипать в носу. Крошечный глоток заставил Мэри раскашляться и тут же забыть про слезы, но для верности штурман заставил её отхлебнуть еще.

– Вот увидите, мисс, вам сразу же станет легче! – уговаривал он, и Мэри, в конце концов, подчинилась. Отвратительный вкус быстро исчез, по горлу вниз покатилося приятное, расслабляющее тепло; через пару минут дрожь стихла и холодные руки девушки начали согреваться. Кейт обняла ее, стала утешать, симпатичный ирландец тоже что-то говорил – Мэри не понимала, что именно, а потом неожиданно провалилась в какое-то странное забытие, как две капли воды похожее на реальность.

...Она стояла посреди огромного зала с колоннами, украшенными золотыми капителями и искусной резьбой, на натертом до блеска паркете, в котором отражались блики свечей. Оркестр играл чудесную мелодию, невыносимо хотелось танцевать, но, посмотрев по сторонам, Мэри с изумлением поняла, что в этом зале она находится совершенно одна.

Девушка растерялась... и вдруг услышала шаги за спиной. Музыка изменилась, голоса скрипок и флейт стали волнующими, тревожными, и сердце Мэри забило чаще в каком-то странном предчувствии. Она обернулась – и увидела высокого светловолосого мужчину, который неотрывно смотрел на нее. Их взгляды встретились, и в пронзительной зелени его глаз она разглядела свое отражение. Это было так знакомо, как будто случилось множество раз, только в другом мире, в другой жизни.

– Потанцуйте со мной, – попросила она и протянула ему руку. Но незнакомец не принял ее.

– Кто вы? – спросила Мэри. – Мне кажется, я вас знаю.

Он покачал головой. Мелодия оборвалась, одна за другой свечи в зале начали гаснуть. Со всех сторон, из всех углов к ним потянулись тени.

– Прошу, назови свое имя! – взмолилась девушка, понимая, что их вот-вот окутает непроглядная тьма.

– Ветер, который раздует пламя, – услышала она в ответ. – Будущее, утраченное в прошлом. Тайна, которую предстоит разгадать...

– Благодарю вас, мистер О’Нил, – шепотом сказала Кейт, поправляя подушку под головой Мэри. – Кажется, она спит. Я посижу рядом на всякий случай, а вы идите. – Она слабо улыбнулась: – У вас и без того хватает забот.

Когда молодой штурман откланялся, Кейт закрыла за ним дверь, сняла с Мэри туфли и укрыла девушку своей шалью. Корабль раскачивался, но не сильно; больше, чем качка, держаться на ногах не позволяли усталость и какая-то опустошенность. Кейт распустила прическу, сняла верхнюю одежду и забралась под тонкое, колючее одеяло. Где-то снаружи вздымались и опадали волны, мерно вздыхал потревоженный океан. Она вспомнила о дяде, который наверняка переживал за нее, о матери, которую еще не скоро увидит, потом об отце, которого не увидит уже никогда, а следом почему-то о Роберте, в котором так сильно ошиблась... и подумала, что лучше всего для неё будет просто пережить этот день, отдохнуть, дождаться рассвета и, оставив все неприятности в прошлом, на борту «Призрака», вернуться в прежнюю спокойную жизнь – на «Валиант».

– «Валиант» тонет, сэр, – уверенно доложил Хастли. – Столкновение с рифом все же не обошлось без последствий: во время боя в грузовом трюме открылась течь. Плотники говорят, что заделать её не удастся, нужно спасать груз и выводить людей. Меньше чем через час, сэр, корабль погибнет.

Роберт хмуро оглядел со шканцев торчащие останки мачт пакетбота. «Валиант», в самом деле, заметно просел в воде, и поднявшиеся волны то и дело захлестывали палубу.

– Переносите, что успеете, – велел он. – Приготовьте в кубрике места для команды и отдельную каюту для капитана. Что происходит на трофейном фрегате?

Боцман задумчиво постучал пальцем по трубке и выпустил в сторону облако дыма:

– Верно говорят, сэр: бывших пиратов не бывает, они быстро навели там свои порядки. Но и бывших капитанов тоже: Хупер держит всю эту банду железной хваткой. Кому-то уже самолично начистил рыло – если не ошибаюсь, за мародерство.

– Вот и славно, – отозвался Роберт. – Присматривай за ним, Хастли. И доложи, когда закончите с «Валиантом».

После того, как боцман ушел, он еще некоторое время оставался на шканцах, с наслаждением подставляя лицо сильным порывам ветра. Жизнь, как и ветер, испытывала его на прочность, нанося удар за ударом, но он всегда ощущал себя способным выдержать все что угодно и встретить любые невзгоды с высоко поднятой головой. В этом был весь Роберт Айвор – невозмутимый, отважный и решительный, и океан еще не рождал такой бури, которая могла бы его сокрушить... Впрочем, память с усмешкой подсказала, как накануне он, чувствуя себя шхуной с сорванными парусами, топил печаль в стакане с вином, а после, будучи отвратительно нетрезвым, писал всякие глупости в судовой журнал. Хвала Господу, вовремя подоспел доктор Мин со своим чудодейственным зельем и заметно ослабил ущерб, нанесенный его душе ураганом по имени Кэтрин...

Вспомнив о докторе, капитан спустился на нижнюю палубу, где развернули лазарет и куда перенесли всех пострадавших, нуждавшихся в срочной помощи. Подходить близко к завешенному кусками парусины столу Роберт не рискнул и остановился у первых же коек, вытасненных из баталерки и временно вытеснивших сундуки моряков. Те из раненых, кто был в сознании, поприветствовали его; услышав их хриплые голоса, доктор Мин вышел навстречу капитану, вытирая измазанные в крови ладони о фартук.

– Много мешков придется сшить?¹⁹ – спросил Роберт, глядя на него сверху вниз: как и многие выходцы из Восточной Азии, судовой врач был невысок. Доктор Мин ответил не сразу, словно вынырнув из глубокой задумчивости:

¹⁹ Умерших во время плавания зашивали в парусиновый мешок и бросали в море.

– Тем, кто побывал у меня на столе, – ни одного, кэптэн. Благодарение небесам, здесь никто не умер.

– Хвала Господу и вашим умениям, Мин Чен. Как там новый помощник, мистер Норвуд? Справляется?

Взгляд пожилого азиата стал серьезным.

– Хоросий доктор, – сдержанно похвалил он. – Чуткие руки, доброе сердце, благородная кровь. Даже мне есть чему у него поучиться.

– Вот как? Любопытно, – Роберт прищурился, помолчал, а потом попросил: – Доктор Мин, когда закончите с ранеными, проводите мистера Норвуда ко мне на шканцы. Я хочу с ним поговорить.

В дверь постучали. Кейт подняла голову и с удивлением выяснила, что, оказывается, её размышления плавно перетекли в сон. Девушка села, сунула ноги в туфли. Стук повторился, и на соседней койке заворочалась разбуженная Мэри.

– Кэтрин, дорогая! – услышала Кейт встревоженный голос дяди. – Душечка моя, ты здесь?

Она подошла и щелкнула задвижкой. Мистер Спенсер сунул нос в каюту, обвел её подзрительным взглядом, словно ожидал увидеть нечто непристойное, но, разглядев лишь заспанную Мэри, широко улыбнулся:

– Милая моя, я так переживал за вас, просто места себе не находил! Вы поступили неразумно, отправившись на прогулку по кораблю без моего разрешения. Впрочем, все обошлось и я уже не сержусь, поскольку вы обе живы и даже успели отдохнуть. – Неожиданно его тон изменился: – Вообразите, нас разместили в каких-то каморках, где вынуждены ютиться сразу несколько человек! – возмущенно воскликнул он. – С нами обращаются хуже, чем со скотом! И наши вещи... этот нахальный рыжий офицеришка заявил, что не дает никаких гарантий! Разумеется, им дела нет до нашего багажа, как и до нас самих! Неужели так трудно выслать еще матросов на тонущий корабль?!

– Подождите, дядя Грэм, – Кейт чувствовала, что спросонья плохо понимает, о чем идет речь. – Какие вещи? Чей корабль тонет?

– «Валиант» скоро уйдет на дно вместе с нашими сундуками! – сердито ответил мистер Спенсер. – Видите ли, спасти его невозможно, как и перенести на фрегат весь груз, потому что штормит и времени мало. И это говорят офицеры флота Его Величества! Стыд и позор! Я всегда знал, что в колониях нет джентльменов, а в команду набирают всякий сброд. Ходят слухи, что здесь полно бывших пиратов, а вы с мисс Уоллес были настолько беспечны, что...

– Дядя Грэм, нам с Марион нужно одеться и привести себя в порядок, – бесцеремонно оборвала его Кейт. – Идите в свою новую каюту и постарайтесь отдохнуть. Увидимся позже. – И, захлопнув дверь перед носом у мистера Спенсера, закрыла её на задвижку. – Терпеть не могу, когда он ведет себя так, – прошептала она. – Эти люди сегодня спасли нас всех, в том числе и его.

– «Валиант» тонет? – Мэри не могла поверить услышанному. – Господи, как же это? В самом деле, мисс Кейт, там же ваши вещи, книги... Нужно найти мистера О'Нила и спросить у него! – Девушка вскочила с койки, начала отряхиваться... и вдруг застыла. Потом спешно ошупала ткань на груди, полезла за ворот, вытащила обрывок шнура – и глаза её округлились от ужаса. Дрожащими руками Мэри принялась стаскивать с себя платье.

– Что такое? – нахмурилась Кейт. – Ты...

– Я потеряла его! – всхлипнула девушка. – Мешочек, расшитый бисером... помните, он всегда висел у меня на шее? Его нет! В нем было письмо моей матери. – Она тщательно вытрясла платье, следом – нижнюю рубашку, и совершенно без сил опустилась на койку. – Мисс Маккейн... Кейт... я не знаю, что теперь делать. Я могла потерять его где угодно... мы

сегодня обошли почти весь корабль. Господи, сжался надо мной! Ведь если письма не будет, отец ни за что не поверит, что я его дочь!

Кейт вынула шнурок из её ослабевшей руки и осмотрела его.

– Узел развязался, – сказала она. – Мэри, твой бисерный мешочек был достаточно тяжелым – ведь, кроме письма, ты еще хранила в нем несколько монет. Да, мы много где побывали сегодня, но если бы пропажа случилась во время прогулки, ты бы сразу услышала, как он шлепнулся на дощатый пол. – Кейт задумалась. – Единственное место, где полы были покрыты коврами, это...

– Капитанская каюта! – Мэри посмотрела на неё широко раскрытыми глазами. – Точно! Когда я упала, мне показалось, что шнурок резко натянулся, но не обратила на это внимания и полезла под стол... а потом я уже ничего не соображала от страха. Возможно, мешочек все еще там. Если кто-нибудь найдет его и прочитает письмо или, хуже того, выбросит...

Она вскочила и стала поспешно одеваться.

– Что ты задумала, Мэри? – насторожилась Кейт.

– Мне нужно пробраться в каюту капитана, – решительно ответила девушка. – Вы со мной?

Все внимание матросов и офицеров «Призрака» было приковано к погибающему «Валианту», поэтому девушкам удалось беспрепятственно пробраться на верхнюю палубу. Солнце садилось, из-за низко висящих туч на шкафуте было темно, к тому же многолюдно: все суетились, и никто не обратил внимания на две неприметные фигурки, тенью проскользнувшие к полуюту. Мэри была уверена, что в такую минуту капитан Айвор не сидит у себя в каюте, и благодарила бога за то, что штурман успел познакомить их с внутренним устройством корабля.

– Что мы творим? Это же настоящее безумие! – хихикнула Кейт, поражаясь их отчаянной смелости. – Если кто-нибудь нас увидит...

– Тише! – Мэри приложила палец к губам. – Если нас заметят, придется во всем признаться, а мне бы этого не хотелось. Давайте быстро осмотрим каюту и незаметно уйдем.

– Быстро и незаметно, увы, не получится, – вздохнула Кейт. – В каюте уже темно, придется зажечь свечу.

– О Господи...

Они обе оказались правы: капитанская каюта была пуста, и в ней царил густой полумрак, в котором разглядеть что-либо на полу не представлялось возможным. Но Мэри это не испугало: она бросилась к письменному столу, опустилась на четвереньки и стала шарить ладонями по коврику. Кейт на цыпочках прошла следом и осмотрела пол возле окна.

– Здесь уже прибирались, – заметила она. – Возможно, тот, кто наводил порядок, нашел твой мешочек и отдал его капитану или унес с собой.

Мэри ничего не ответила, только вздохнула и просунула руку глубже под стол. Несколько мгновений ничего не происходило, потом раздался шорох и радостный возглас:

– Нашла! Хвала Господу... И письмо на месте!

Девушка выпрямилась и показала Кейт обнаруженную пропажу. Трудно передать, какое облегчение они обе испытали в этот момент.

– Нужно уходить, Мэри, – сказала Кейт. – Капитан может вернуться в любую минуту. А я... – Она вспомнила их последнюю встречу на палубе, взгляд Роберта, его пальцы, железным кольцом сомкнувшиеся на руке, и её передернуло: – Я больше не желаю его видеть.

– Идем, – отозвалась Мэри и прижала драгоценный мешочек к груди: – Какое счастье, что все обошлось!

Ей много раз говорили, что слишком рано радоваться удаче не стоит, это дает повод судьбе послать новое испытание. Именно так и случилось: едва она произнесла эту фразу, как в коридоре послышались шаги и звон посуды. Кто-то направлялся в каюту капитана.

– Господь милосердный... – одними губами прошептала Кейт.

Нежданный визитер замешкался перед дверью, но девушки, в отличие от него, мешкать не стали: не сговариваясь, обе метнулись к единственному месту в каюте, где можно было спрятаться. Темно-синие атласные занавеси, хоть и не очень плотные, надежно укрыли их, с ногами забравшихся на капитанскую кровать. Повезло, что она оказалась прочной и почти не скрипела.

«Какая, однако, ирония судьбы! – усмехнулась про себя Кейт, стараясь успокоить громко стучащее сердце. – Разочароваться в мужчине – и тут же запрыгнуть к нему в постель... Остаётся лишь уповать на то, чтобы выйти из этой ситуации с честью».

Дверь наконец открылась, послышались мягкие шаги по ковру, и через минуту в каюте зажглись свечи. Сквозь занавесочную ткань девушки разглядели юнгу, который принес еще одно кресло, а потом убрал все со стола, поставил на него жестяной поднос и стал расставлять посуду. Судя по аппетитному запаху, наполнившему помещение, это был капитанский ужин.

«Господи, пусть он накроет на стол и уйдет! – мысленно взмолилась Мэри. – Дай нам минуту... или хотя бы пару мгновений!»

– Прошу вас, – услышала она голос Роберта и поняла, что на этот раз Господь явно не на их стороне: капитан уже здесь, более того, он собирается ужинать не в одиночестве. – Спасибо, Уилл, можешь идти. А вы проходите сюда.

Высокий силуэт качнулся у двери. Шаги его гостя звучали немного странно... возможно, их так приглушал ковер.

Роберт подошел к столу, отодвинул кресло, снял китель. Переставил свечи и стал разливать по стаканам какую-то жидкость – вино или эль.

– Садитесь. Вам удобно?

– Да, благодарю вас, – отозвался знакомый голос, и Мэри на миг перестала дышать. Мужчины сели за стол. Звякнула посуда, зазвенели столовые приборы.

– Обычно капитаны приглашают членов своей команды разделить с ними трапезу в знак особого расположения, в качестве поощрения или награды. Но вы не мой подчиненный, а лучшей наградой для вас, насколько я понимаю, являются спасенные жизни, – проговорил Роберт. – И все же вы здесь, потому что, признаюсь, заинтересовали меня, а также впечатлили моего судового врача, скромная похвала из уст которого еще больше усилила мой интерес и желание узнать о вас как можно больше. Прошу, не стесняйтесь, я знаю, вы очень голодны... а я столь же любопытен, поэтому хочу, чтобы сегодня вечером мы оба насытились в полной мере. Как вам мое предложение, мистер Норвуд?

Глава десятая

– Я не люблю рассказывать о себе, – после долгого молчания ответил Стейн, – и если вы, капитан, пригласили меня только для этого...

– Роберт. Зовите меня по имени, поскольку мы не на шканцах, а вы, повторюсь, не мой подчиненный. И, ради бога, поешьте, наконец. Все остальное подождет.

Некоторое время в каюте был слышен только тихий стук вилок и ножей о фарфоровые тарелки. Затем Роберт положил салфетку и откинулся в кресле:

– Что ж, мистер Норвуд, вы имеете полное право не желать говорить о себе с малознакомым человеком; тогда, позвольте, я поделюсь тем, что успел заметить, а вы поправите, если я в чем-то ошибся... Судя по акценту, вы не англичанин, а шотландец, но произношение у вас необычное, как будто вы довольно долго жили в другой стране и разговаривали преимущественно на чужом языке. У вас рост и телосложение воина, но при этом изящные кисти рук, тонкие, длинные пальцы и благородные, я бы даже сказал, породистые черты лица. И ваши манеры... простите великодушно, но вы не можете быть простолюдином, как большинство корабельных хирургов. Вы явно джентльмен, из знатной семьи, судя по отзывам доктора Мина, человек образованный, и для меня остается загадкой, почему вы назвались простым судовым врачом. Вы чего-то боитесь, Стейн? Судя по всему, испанцы дурно обращались с вами; чего они хотели? Узнать, кто ваши родные, и потребовать у них выкуп?

– Нет, – усмехнулся мистер Норвуд. – Испанцы не были столь проникательны, как вы, капитан. Они лишь хотели, чтобы образованный доктор пытал захваченных в плен англичан и лечил офицеров от гонореи. Ни тем, ни другим заниматься я не хотел, поэтому оказался в цепях и в трюме.

– Как вы вообще попали к испанцам? – Роберт налил ему еще вина или эля.

– Долгая история, капитан, – Стейн вновь замолчал, видимо, размышляя, стоит ли довериться Роберту или оставить свои злоключения при себе. Потом наконец решился: – Собственно, в плену я находился больше года. Побывал у пиратов – в сущности, они неплохие ребята, я плавал с ними несколько месяцев в качестве судового хирурга, пока их не разгромили испанцы. Таким образом я и попал на «Санта Круз»... А началось все весной прошлого года, когда мы с женой решили отплыть из Нанта²⁰ в Северную Америку, в Монреаль. По пути наш корабль окружили берберы²¹. Начался бой. Моя жена ждала ребенка, – голос мужчины дрогнул. – Я был с ней в каюте, когда пушечное ядро разнесло её в щепки. Каким-то чудом меня отбросило в сторону, а мою жену... Она погибла на месте. – На некоторое время за столом воцарилась тишина. Затем Стейн глубоко вздохнул и продолжил: – Я попал в плен... оглушенный, израненный, со сломанной в трех местах ногой. Меня бросили в трюм, без еды и воды... я буквально собирал свою ногу по частям, отгоняя от неё полчища голодных корабельных крыс и, клянусь, впервые жалел о том, что остался жив. Впереди меня ждала либо мучительная смерть, либо участь раба где-нибудь в Алжире... но, на мое счастье, через несколько дней корабль берберов был захвачен пиратами. Узнав, что я врач, они сохранили мне жизнь, подлечили и, в общем, обращались со мной вполне сносно. Поверьте, капитан, мне есть с чем сравнивать.

– Верю, – Роберт наполнил свой опустевший стакан. – И искреннее соболезнование вашей утрате. Но все еще не понимаю, что вы, шотландец, со своей беременной супругой делали во Франции?

²⁰ Один из крупнейших портовых городов Франции.

²¹ Берберийские (мусульманские) пираты в конце 18 века грабили суда, идущие в Америку и обратно. Их действия даже стали причиной двух войн, которые в начале 19 века вынуждены были вести Соединенные Штаты.

– Я не столь наблюдателен, как вы, капитан, и знаю вас всего несколько часов, но... – Стейн помедлил, прежде чем закончить фразу, – вы кажетесь мне человеком благородным и достойным доверия. Официальная медицина считает физиогномику псевдонаукой, однако я склонен думать, что её выводы не всегда ошибочны, и в глубине ваших глаз вижу подтверждение своим мыслям. Вы довольно молоды, но ваш взгляд говорит о долгом пути и немалом жизненном опыте. Да простят меня богословы, я называю таких людей «древние души»: те, кто вновь и вновь приходят на Землю, дабы искупить свои грехи или предотвратить чужие. Должно быть, поэтому вы симпатичны мне, и я могу рассказать вам то, что не открыл бы даже под пытками.

– Ваше мнение делает мне честь, доктор, – склонил голову Роберт. – В качестве ответного жеста даю слово офицера, что подробности этой беседы останутся между нами, о них не узнает ни одна живая душа. Итак, я весь внимание.

В полумраке за занавесью Мэри и Кейт обменялись тревожными взглядами. Дерзкое и, в некотором роде, пикантное приключение неожиданно приняло серьёзный оборот.

– Вы правы насчет моего происхождения, – Стейн задумчиво водил пальцем по краю нетронутого стакана. – Мои родители, люди весьма состоятельные и высокородные, видели во мне будущего государственного деятеля, поэтому дали хорошее образование: сперва на родине, в Шотландии, а затем, в возрасте семнадцати лет, отправили меня в Сорбонну – изучать философию, право и иностранные языки. Но на философском факультете я проучился всего несколько месяцев. Ужасно скучная наука – философия, и совершенно бесполезная. – Мужчина усмехнулся. – Право заинтересовало меня немного больше, и я занимался им еще год, но все равно в конце концов понял, что хочу посвятить жизнь совершенно иному занятию. Я последовал зову сердца и стал изучать медицину, к которой меня влекло. Оставил Сорбонну, Париж и поступил в университет Монпелье, выпускавший личных врачей короля Франции. Пришлось переехать от родственников матери, у которых я жил, и снимать жилье самостоятельно – иначе мои планы оказались бы под угрозой вмешательства со стороны родителей. стыдно признать, но за шесть лет учебы я не осмелился написать им правду и вынужденно лгал в своих письмах, чтобы не лишиться финансовой поддержки. В Монпелье я познакомился с Анаис Меньер, моей будущей женой. Она была дочерью одного из профессоров и училась там же на акушерку. Я влюбился без памяти, и через три месяца самых нежных ухаживаний она приняла мое предложение и мы обвенчались. – Его голос заметно потеплел, и Мэри, не имевшая возможности видеть лицо мужчины, была уверена, что он улыбается. – По окончании университета мы еще год провели в Нанте – практиковали и брали дополнительные уроки у лучших профессоров хирургии. Это было очень счастливое время... но времена, как известно, имеют свойство меняться. – Стейн вновь глубоко вздохнул. – Во Франции нарастали революционные настроения, становилось беспокойно. Голодные бунты, городские восстания, частые аресты, особенно в университетских кругах, где собирались просвещенные люди, не боявшиеся высказывать свои идеи относительно назревающих реформ. Признаюсь, я был далек от всего этого, поскольку интересовался исключительно медициной, но моя жена читала брошюры мадам де Суаси²² и прочих сторонниц женского равноправия, посещала дамские клубы, где обсуждались политические проблемы, и я начал волноваться за нее, особенно когда узнал, что у нас будет ребенок. В это же время, зимой 1782 года, я получил письмо от отца, который требовал, чтобы я немедленно вернулся в Шотландию. Меня ждали место на государственной службе и выбранная родителями невеста, какая-то девица из богатой шотландской семьи, с которой я даже не был знаком. А я уже несколько лет был женат и собирался в ближайшее время стать отцом, – он горько усмехнулся. – И вновь мне не хватило смелости рассказать обо всем самым близким людям. Я понимал, что мое возвращение в родительский дом с дипло-

²² Автор популярной в те годы феминистской брошюры «Женщины, как их следует видеть».

мом врача и женой-француженкой, дочь бедного профессора медицины, станет для отца и матери настоящим ударом, но отказываться от избранного пути, любимой женщины и нашего ребенка не собирался, поэтому принял решение отправиться в Канаду, где мы могли бы начать новую жизнь. Анаис поддержала меня, мы купили билеты на корабль и отправились в путь. Я хотел написать обо всем родителям по прибытии в Монреаль... но так вышло, что путешествие мое завершилось гораздо раньше. И вот я здесь, в полной мере наказанный высшими силами за свою трусость. Ведь если бы я вернулся в Шотландию, мои жена и ребенок были бы живы.

– Путь к истинному призванию не всегда бывает прямым, – проговорил Роберт. – Мне повезло: я с раннего детства тянулся к морю и знал, что когда-нибудь стану капитаном. И я считаю, что вы проявили достаточную смелость и силу духа, следуя за устремлениями своего сердца. Большинство избрало бы менее трудный путь: сделало политическую карьеру на родине и взяло в жены навязанную родными девушку. – Капитан вновь потянулся за бутылкой, но вовремя остановился. – Благодарю за откровенный рассказ, доктор. Я не знаю, какое решение вы примете теперь, – вернуться домой или, быть может, остаться на Бермудах, чему, признаюсь, я был бы рад, но, в любом случае, можете рассчитывать на мою поддержку и всю необходимую помощь.

– Домой? Нет, Роберт, – покачал головой Стейн. – Я не смогу вернуться к прежней жизни. Пусть все считают, что Этельстейн Уильям МакМоран, сын графа Норвуда, погиб в сражении с берберийскими пиратами. В целом, это недалеко от истины, ведь часть меня умерла тогда вместе с Анаис и нашим неродившимся ребенком. А тот, кто сумел выжить, пусть остается Стейном, простым корабельным врачом.

Кейт почувствовала, как вздрогнула при этих словах Мэри, и испуганно схватила её за руку, опасаясь, что девушка каким-либо образом обнаружит их тайное присутствие. Но Мэри сидела неподвижно, как статуя, глядя в одну точку. Ладонь её была сжата в кулак с такой силой, что ногти, должно быть, впивались в кожу.

– Что ж, пусть так и будет, – сказал капитан, и в этот момент в дверь постучали. – Войдите!.. У вас что-то срочное, лейтенант?

– Да, сэр. – Кажется, это был Апдайк. – К нам подходит «Морриган», сэр. Вы просили немедленно доложить, когда он появится.

– Благодарю, лейтенант. Я сейчас подойду на шканцы. – Хлопнула дверь, и Роберт встал, отодвинув кресло. – Прошу прощения, Стейн, но я вынужден прервать беседу и ужин. Мне необходимо переговорить с капитаном этого фрегата: сейчас «Морриган» – единственное судно, способное догнать сбежавшую «Святую Анну» и захватить ее. Либо утопить – если испанцы не пожелают сдаться. Пойдемте со мной: я распорядусь, чтобы вам выделили место в каюте и принесли чистую одежду. У доктора Мина двое помощников; если что-то понадобится – обращайтесь к ним, они выполнят любую вашу просьбу. И, ради всего святого, мистер Норвуд, позвольте себе отдохнуть. Вы это заслужили.

– Спасибо, капитан Айвор, – сдержанно отозвался Стейн и тоже поднялся. Перед тем, как они ушли, Роберт позвал юнгу, который живо принялся убирать со стола и вскоре, гремя посудой и задувая на ходу свечи, покинул каюту. Вокруг вновь стало темно и тихо.

– Мэри, – еле слышно прошептала Кейт, – нам пора!

Спеша вернуться на нижнюю палубу, они заблудились, но, к счастью, какой-то матрос любезно подсказал им нужное направление. Наконец девушки оказались в своей каюте, но едва успели перевести дух, как в дверь постучали: по распоряжению капитана пассажирам «Валианта» принесли скромный ужин – чай с кусочками сахара, галеты и несколько ломтиков сыра. После всего случившегося Кейт ощутила невероятный голод и мигом проглотила свою порцию; Мэри, напротив, сделала пару глотков чая и, отказавшись от остального, легла на койку и прикрыла глаза.

– Попробуй хотя бы сыр, ты же весь день ничего не ела! – забеспокоилась Кейт. – Того и гляди, по прибытии на Бермуды начнешь падать в голодный обморок.

– Мне не хочется, – тихо отозвалась девушка.

– Ты расстроена, – Кейт подошла и села рядом. – Это из-за истории, рассказанной доктором Норвудом? Признаюсь, меня она тоже тронула до глубины души. Не представляю, как он вынес подобную боль и сумел пережить потерю любимой. И не понимаю, за что так жестоко с ним обошлась судьба.

– Судьба, – повторила Мэри, и ресницы её дрогнули. – Она вообще очень странная штука, Кэтрин.

Больше девушка ничего не сказала и отвернулась к стене. Кейт не стала докучать ей разговорами, допила чай и тоже легла. Этот день был настолько тяжелым и страшным, что хотелось как можно скорее его завершить.

– Когда ветер попутный и дует прямо в корму корабля, курс называется фордевинд, а если и сзади и сбоку – то полный бакштаг, – Чарлз Пламмер бросил взгляд на раздутые паруса и поправил шляпу. – При бакштаге судно развивает наивысшую скорость, поэтому, если ветер не переменится, уже завтра днем мы будем в Сент-Джордже.

Хвала Господу, мистер Пламмер не был таким брюзгой и занудой, как мистер Спенсер, который с самого утра принялся жаловаться на скудный ужин, невкусный завтрак, тесное и неуютное размещение, неприятных соседей по каюте и слишком маленькое пространство для прогулок, выделенное пассажирам на шкафуте. Находиться в его обществе было невыносимо, поэтому Кэтрин и Мэри несказанно обрадовались, когда Чарлз предложил им пройтись вдоль фальшборта и побеседовать о разновидностях курса и ветра. Кейт внимательно слушала – не потому, что ей было интересно, а потому, что разговоры на отвлеченные темы были намного приятнее обсуждения скверной пищи и капитанского произвола на «Призраке». Мэри же, несмотря на то, что Чарлз явно пытался произвести на неё впечатление, была рассеянна и почти всю прогулку молчала. Сперва Кейт решила, что подруга просто скучает, но потом заметила её взгляд – внимательный, ищущий, и поняла, что девушка что-то задумала и ждет подходящего момента, чтобы задуманное воплотить.

Вспомнив некоторые события минувшего дня, угадать её замысел было нетрудно. Говорят, первая пришедшая в голову догадка самая верная, но Кейт все же отвергла ее, не поверив, что такое возможно. Скорее всего, Мэри ждала, когда появится штурман О'Нил, она же хотела поговорить с ним о «Валианте». Да, пакетбота больше не было с ними: за «Призраком» плыл лишь потрепанный «Санта Круз». Значит, ночью «Валиант» все-таки затонул... но никаких объявлений от капитана по этому поводу не последовало. Возможно, из-за очередного морского суеверия о погибших кораблях нельзя было говорить.

Капитана, кстати, тоже нигде не было видно. Но его отсутствие интересовало Кейт меньше всего.

– А вы, мистер Пламмер, из Сент-Джорджа отправитесь дальше, на Багамы? – спросила она, чтобы поддержать разговор.

– Увы, нет, – Чарлз взглянул на Мэри. – Мне суждено остаться на Бермудских островах: благодаря протекции я получил должность секретаря при тамошнем губернаторе и неплохое жалование. – Он вновь выразительно посмотрел на девушку. – Можно будет даже обзавестись семьей... как вы считаете, мисс Уоллес?

Мэри в этот момент отвернулась и не расслышала заданный ей вопрос. Кейт подтолкнула ее, и она непонимающе заморгала, глядя то на подругу, то на мистера Пламмера:

– Что? Да... наверное, да.

Молодой человек расплылся в улыбке, и Кейт еле слышно вздохнула. Надо же, насколько мужчины порой бывают слепы и глупы! Видят лишь то, что хотят видеть, принимают желае-

мое за истинное, делают неверные выводы и все глубже погружаются в пучину самообмана...
Сплошное разочарование!

– Так вот, если ветер начинает дуть точно спереди и парусное судно теряет способность идти, – продолжил свою лекцию воодушевленный Чарлз, – это положение называется «леветик»...

В полдень солнце начало сильно припекать, и большинство пассажиров укрылось в каютах. В четыре часа подали обед, он оказался вкуснее и сытнее завтрака, поэтому после него захотелось подремать. Но Мэри, словно одержимую, тянуло на палубу, и она принялась уговаривать Кэтрин выйти «подышать воздухом» вместе с ней.

– Мэри-Энн, скажи правду, – не выдержала Кейт. – Ты с кем-то ищешь встречи?

– Вовсе нет, – пожала плечами девушка. – Просто в каюте душно, заняться тут нечем и... у нас осталось всего два дня, чтобы полюбоваться океаном с борта корабля. Вчера мы не смогли увидеть закат, и завтра уже вряд ли увидим; значит, у нас есть последняя возможность...

– Мэри, – перебила её Кейт, – за полтора месяца плавания мы столько раз наблюдали, как солнце садится, что зрелище это порядком наскучило. Не думаю, что сегодня в картине мира что-то изменится и наше светило, подпрыгнув, как мячик, покатится по волнам.

– Порой чудеса случаются в самый неожиданный момент, – загадочно улыбнулась Мэри. – Идем же, Китти, прошу тебя!

И Кейт сдалась.

Они вышли на шкафут и стали неторопливо прогуливаться от полубака до грот-мачты и обратно. На верхней палубе сейчас было многолюдно – ветер менялся, и матросам пришлось устанавливать паруса относительно его нового направления, чтобы судно не потеряло ход – поэтому Мэри не сразу заметила того, кого высматривала с самого утра. А заметив, растерялась, но, быстро поборов смутение и робость, оставила Кейт и направилась к сидящему на ступенях трапа мистеру Норвуду.

Он изменился со вчерашнего вечера: сейчас на нем была чистая белая рубашка, светлые парусиновые брюки и новые сапоги. Тщательно вымытые золотистые волосы перехватывала на затылке темная лента. Да и выглядел Стейн отдохнувшим и посвежевшим... хотя взгляд его остался прежним: потерянным и пустым.

Мэри плохо понимала, что происходит. Неведомая сила влекла её к этому человеку, и, в то же время она ступала по палубе, словно босыми ногами по раскаленным углям.

– Добрый вечер, мистер Норвуд! – улыбнулась девушка, делая книксен. – Меня зовут Мэри Уоллес, я компаньонка мисс Маккейн. Мы вчера виделись с вами здесь, когда вы представились капитану Айвору, и я вас запомнила, – от волнения она позабыла сделать паузу, чтобы дать Стейну возможность ответить, и принялась сыпать словами без остановки, по привычке мило опуская глаза, а потом взглядывая на мужчину из-под ресниц: – Мы с мисс Маккейн пришли в последний раз насладиться видом вечернего океана, так как, по слухам, завтра днем прибываем в Сент-Джордж, и я заметила, что вы сидите совсем один и вам, должно быть, ужасно скучно. И подумала, что вы, наверное, не будете против нашего общества и согласитесь прогуляться с нами по шкафуту. Мы были бы рады, если бы вы составили нам компанию, мистер Норвуд.

Стейн смотрел на неё внимательно, но по-прежнему без всякого выражения.

– Благодарю за приглашение, мисс Уоллес, – ответил он, вежливо склонив голову, и сердце девушки забилося быстрее, – но я вынужден его отклонить. Поверьте, прогулка в моем обществе не доставит вам удовольствия.

Внутри у Мэри все упало. Она настолько не ожидала отказа, что в первый момент даже не нашла что сказать и густо покраснела от стыда и разочарования. Мужчина вел себя совершенно не так, как полагалось джентльмену: он даже не встал, когда к нему обратилась девушка, что

являлось вопиющей грубостью и пренебрежением. Ну, разумеется: сыну графа не подобает вставать в присутствии простолюдинки – таких, как она, многие отпрыски знатных семей в этом смысле вообще не воспринимают как женщин.

– Вы правы, – холодно проговорила Мэри. – Вряд ли нас порадует компания человека, который не соблюдает приличий и продолжает сидеть, разговаривая с дамой.

Стейн опустил глаза. И улыбнулся, мягко и очень печально.

– Прошу прощения, мисс Уоллес, если вы сочли мое поведение оскорбительным. Клянусь, я не хотел обидеть вас, – он ухватился за перила и поднялся, оказавшись на целую голову выше Мэри. – Я действительно плохой компаньон для прогулок. Особенно на корабле.

Он поклонился ей, а потом медленно пошел в сторону входа на полубак, и Мэри наконец увидела то, что не успела увидеть вчера, то, что уже не было тайной для капитана Айвора и команды «Призрака». Высокий, красивый, сильный мужчина оказался безобразно хромым: он с трудом опирался на негнущуюся правую ногу и передвигался настолько неуверенно, что в любое мгновение мог бы упасть. Мэри, едва дыша, смотрела ему вслед и чувствовала, как её глаза наливаются слезами. Судьба и без того была несправедлива к доктору, а она еще так ужасно обошлась с ним!

Ей захотелось броситься к нему, поддержать, позволить опереться на её хрупкое плечо – и раскаяться в высказанном упреке, умоляя простить ее, глупую взбалмошную девчонку. Но вместо этого Мэри метнулась в другую сторону, к трапу, ведущему на нижнюю палубу, и через пару минут влетела в каюту. Вскоре туда же спустилась Кейт, ставшая невольной свидетельницей произошедшего.

– Ты искала встречи с ним, – утвердительно произнесла она, садясь на койку рядом с Мэри. – Не с улыбочивым штурманом, не с кем-либо другим, а именно с этим угрюмым хромым доктором. Почему, Мэри-Энн? Тебя привлекли его образованность и благородное происхождение? Или, узнав о его потере, ты преисполнилась жалости?

Мэри опустила голову. Она не рыдала, но слезы, не переставая, текли по её щекам и падали на платье.

– Помнишь, я рассказывала, что отец... мистер Дуглас договорился о моем браке с наследником некоего шотландского графа, мужчиной, который был старше меня на одиннадцать лет? – тихо проговорила девушка. – Тогда, не желая этой свадьбы, я и сбежала из дома... но судьба – действительно странная штука, Китти. Потому что Этельстейн Уильям МакМоран, известный всем как доктор Стейн Норвуд, и есть тот самый отвергнутый мною жених.

Глава одиннадцатая

Некоторое время Кэтрин обдумывала услышанное. Потом уточнила:

– Значит, «девица из богатой шотландской семьи», о которой говорил Стейн, это ты, Мэри-Энн? – Девушка кивнула, и Кейт покачала головой: – Невероятное совпадение. Такое могло случиться лишь в авантюрном романе. Сбежать на край света, чтобы встретиться здесь, в океане... Даже не знаю, что сказать. Как думаешь, в письме отец сообщил ему имя невесты?

– Надеюсь, нет, – Мэри вытерла слезы и выпрямилась. – А если оно и было указано, то я уповаю на то, что письмо пропало, а имя стерлось из памяти. Не хочу, чтобы мистер Норвуд решил, будто имеет передо мной какие-то обязательства. Если он и проявит ко мне интерес, то пусть это будет по велению сердца, а не из чувства долга.

– Ты говоришь о любви? – улыбнулась Кейт, и бледные щеки Мэри немедленно стали пунцовыми. Но, как хорошая актриса, она ответила сдержанно и спокойно:

– Что за глупости, ну почему сразу любовь? Есть же взаимное уважение, дружба, доверительные отношения... – Девушка замолчала, а потом тяжело вздохнула: – Я так скверно повела себя с ним, что даже стыдно вспомнить. Сколько раз матушка говорила: нельзя делать выводы, полностью не узнав человека и всех обстоятельств, вынудивших его поступить тем или иным образом. А я обвинила мистера Норвуда в невоспитанности и несоблюдении приличий только потому, что ему тяжело было встать.

– Ты не знала, что он искалечен, – возразила Кейт. – Мы обе не знали.

– Это меня не оправдывает, – Мэри задумалась. – Нужно найти его и извиниться, иначе о доверии или дружбе можно просто забыть. Я пойду на верхнюю палубу, Кэтрин, и подожду его там. Если хочешь, идем со мной.

– Пожалуй, нет, на сегодня мне хватит прогулок и свежего ветра. – Кейт пересела на свою койку. – Только возвращайся скорее, чтобы не пришлось искать тебя по всему кораблю.

Приближалось время ужина. Солнце ушло за облака, и корабль окутали легкие сумерки. Мэри оглядела опустевший шкафут и пришла к неутешительному выводу, что доктор Норвуд уже вряд ли придет сюда. Оставалось либо смириться с этим и вернуться в каюту, либо искать его где-то на нижних палубах. Одна мысль об этом заставила её похолодеть от волнения, но поступить по-другому она не могла.

– Ты сама виновата, Мэри-Энн, – строго прошептала она. – Сама и разбирайся.

На подгибающихся от страха ногах она подошла к одному из матросов и робко спросила, где можно найти доктора Норвуда. Мужчина ответил, что не знает такого, но может проводить мисс туда, где живет штатный хирург доктор Мин. Поколебавшись, девушка согласилась. Всю дорогу до кубрика она отчаянно молилась, чтобы матрос оказался порядочным человеком и не завел её в какой-нибудь угол, где с женщиной можно делать все, что угодно. Её молитвы были услышаны: вскоре Мэри, живая и невредимая, оказалась перед каютой судового врача. Но дверь была заперта и на стук никто не ответил.

– Наверное, он обходит раненых, мисс, – пожал плечами матрос. – Отвести вас туда?

Мэри внутренне содрогнулась, но ответила утвердительно.

Ей всегда было невыносимо видеть страдания: богатое воображение позволяло так ярко представить чужие муки, что девушка сама ощущала их и так глубоко переживала, что приводила окружающих в замешательство. Матушка много раз делала ей замечания, убеждая, что нельзя быть настолько чувствительной. Со временем Мэри научилась сдерживаться внешне, но внутри, увы, ничего изменить не смогла.

Матрос проводил её к устроенному внизу лазарету, и девушке показалось, что в этом темном, плохо проветриваемом помещении все пропитано болью, отчаянием и страхом. Ране-

ные лежали на парусиновых койках, выставленных вдоль стен; к счастью, разглядеть их она не успела – на пути у нее, словно из-под земли, возник странный смуглолицый мужчина, и Мэри, никогда прежде не видевшая азиатов, испуганно отступила назад.

– *Танцующий лепесток*

Ветер соленый принес

В край хризантем увядших... – произнес мужчина и поклонился девушке: – Мисс, вы кого-то иссете здесь?

– Да, – пробормотала сбитая с толку Мэри. – Я... мне нужен доктор Норвуд, сэр. Я хотела сказать ему несколько слов. Пожалуйста... если это возможно.

Задумчиво покивав, странный мужчина ответил «сейсяс», сделал знак матросу, чтобы тот удалился, и исчез за парусиновыми занавесями, на которых виднелись бурые пятна. Мэри отвернулась, догадавшись, что это за пятна и откуда они взялись. Её замутило.

– Мисс? – раздалось совсем рядом с ней. – Вы хотели меня видеть?

Голос Стейна был удивленным. Мэри подняла голову, встретила с ним взглядом и вновь покраснела от стыда.

– Добрый вечер, мистер Норвуд, – торопливо проговорила она и, не зная, куда деть руки, спрятала их за спину. – Я... пришла извиниться перед вами за свои необдуманные слова. Я не знала истинной причины... и была неправа, упрекая вас. Простите меня, мистер Норвуд. Я искренне сожалею.

– «Errare humanum est» – человеку свойственно ошибаться, как говорил Марк Анней Сенека. – Легкая улыбка тронула его губы. – Поверьте, мисс, мне не за что вас прощать.

– Нет, есть за что! – возразила Мэри. – Я говорила о соблюдении приличий, а сама повела себя крайне невежливо и незаслуженно обидела вас, – девушка вздохнула и опустила глаза. – Вы очень добрый человек, мистер Норвуд, и я рада, что вы на меня не сердитесь. Но мне было нужно сказать вам все это, чтобы... чтобы простить саму себя.

Стейн ничего не ответил, лишь понимающе кивнул. Инцидент был исчерпан, теперь Мэри полагалось попроситься и уйти, но уходить просто так не хотелось. На кончике языка вертелось множество слов, которые так и тянуло высказать, чтобы внушить надежду, ободрить, поддержать... и она все же решилась, стараясь не выдать чрезмерной осведомленности.

– Поверьте, что бы плохого ни произошло с вами в прошлом, это не лишит вас возможности узнать счастье в будущем, – негромко произнесла девушка. – Вы живы, а это главное. Все непременно наладится, вот увидите, только не замыкайтесь в себе, не сторонитесь новых знакомств и дружеской помощи. Знаете, – она по-детски доверчиво улыбнулась, – в моей жизни тоже случались неприятности, и пережить их одной было невероятно трудно... но с тех пор, как у меня появились друзья и самая близкая подруга, мисс Маккейн, все изменилось к лучшему. Не зря говорят, что разделенная боль становится много меньше... Простите, мистер Норвуд, если мои слова покажутся вам неуместными или глупыми, но я говорю это от чистого сердца.

Стейн молча разглядывал её в полумраке. И, когда она вновь осмелилась посмотреть на него, поклонился и тихо сказал:

– Благодарю, мисс.

Мэри присела в книксене, а потом, медленно повернувшись, пошла назад, к трапу. Она не знала, смотрит ли мужчина ей вслед или вернулся к работе: сейчас это не имело значения. В душе у неё разливались тепло и покой: она, как никогда, была уверена в том, что все сделала правильно.

Капитан Айвор, с которым она едва не столкнулась на самом верху лестницы, имел насчет этого совершенно иное мнение.

– Помнится, я запретил пассажирам, особенно женского пола, разгуливать по кораблю! – нахмурился Роберт. – Позвольте узнать, мисс Как-вас-там, что вы делали в такое время на нижней палубе?

– Прошу прощения, капитан, – Мэри виновато потупилась. – Мне нужно было поговорить с доктором... это личное... и я, с вашего позволения, уже возвращаюсь к себе. Клянусь, подобное больше не повторится.

К женским недомоганиям разного рода Роберт относился сочувственно и потому решил проявить снисхождение к той, что нарушила капитанский запрет.

– Надеюсь, что так и будет, – он сделал шаг назад, пропуская девушку. – Доброй ночи, мисс.

– Доброй ночи, капитан Айвор.

Мэри уже направилась в нужную ей сторону, как вдруг её осенило – судя по всему, благодаря произнесенной вслух фамилии капитана. Она остановилась и повернулась к Роберту:

– Еще раз простите меня, сэр, но... могу я задать вам один вопрос? – Мужчина не ответил, и Мэри восприняла это как молчаливое согласие. – Вы, наверное, знаете многих проживающих в Сент-Джордже джентльменов. Скажите, не знаком ли вам человек по имени Эдвард Айвор?

– Да, я знаю такого, – несколько удивленно ответил Роберт. – Почему вы спрашиваете о нем?

– Он капитан, как и вы, сэр? – обрадовалась Мэри, подходя ближе.

– Нет, он окончил военную службу в чине лейтенанта, – мужчина прищурился. – Повторяю вопрос: почему вы интересуетесь Эдвардом Айвором?

Мэри слегка растерялась.

– У меня к нему письмо, – пробормотала она.

– Любопытно, – Роберт шагнул ей навстречу и протянул руку: – Позвольте взглянуть?

– Нет, не позволю, – ответила девушка, нерешительно отступая.

– Прошу вас.

– Нет! – Мэри помотала головой. – Я не могу.

– Отчего же?

Пристальный взгляд капитана смущал ее, и она нехотя пояснила:

– Я не могу показать вам письмо, сэр, потому что... оно от женщины.

– От женщины? – Признание лишь подогрело его интерес, и Роберт подошел ближе. – В таком случае я вынужден настаивать. Дайте сюда письмо.

– На каком основании? – нахмурилась Мэри и отступила еще на шаг. – Оно адресовано Эдварду Айвору, а не вам!

– На том основании, мисс, что упомянутый вами Эдвард Айвор – мой отец! – раздраженно ответил Роберт. – Обязанность доброго сына – защищать отцовскую репутацию. Повторяю: дайте мне это письмо!

Мэри изумленно захлопала ресницами. Нет, это не казалось ей чем-то невероятным; напротив, было вполне ожидаемо, но... внезапное подтверждение из уст капитана сбило её с толку.

– А может, вы лжете и нет у вас никакого письма? – хмыкнул мужчина, и рука девушки тут же метнулась к груди, чтобы проверить, на месте ли заветный мешочек... но вовремя остановилась. Мэри с усмешкой взглянула на капитана:

– Какой же вы хитрец, мистер Айвор! Но я не настолько глупа, чтобы поддаться на уловки, и не скажу вам, где...

– Это и не нужно, – в голосе Роберта появились хищные нотки. – Женщины прячут подобные вещи под корсетом или за лифом платья. Так что либо вы добровольно отдадите письмо, либо я заберу его сам.

– Я буду кричать! – Мэри попятилась... и уперлась спиной в деревянную перегородку. Отступить дальше было некуда. – Вы не посмеете!

– Хотите проверить? – Капитан сделал еще шаг... и тут со стороны ведущей наверх лестницы раздалось многозначительное покашливание, а следом – возмущенный голос Кейт:

– Что вы себе позволяете, сэр?!

Роберт резко отпрянул от девушки и обернулся: по ступеням трапа, идущего со шкафута, к ним спускались Кэтрин Маккейн и штурман О’Нил. Глаза юной мисс сердито сверкали, лицо Эйдана было весьма озадаченным. И тут Мэри с удивлением обнаружила, что невозмутимый капитан Айвор, оказывается, умеет краснеть и смущаться.

– Дьявол и преисподняя, О’Нил! – прорычал он. – Ты что, вновь прогуливаешь пассажи-рок по «Призраку»?!

– Никак нет, сэр! – отозвался штурман. – Мисс Маккейн обратилась ко мне с просьбой помочь ей найти мисс Уоллес, которая куда-то пропала. Она...

– Меня не интересуют подробности! – перебил его Роберт, пряча смущение под маской гнева. – Приказы должны исполняться в точности; теперь отведи их обеих в каюту и запри там до утра!

– Можете не утруждаться, мистер О’Нил, – холодно проговорила Кейт, беря Мэри за руку и уводя её за собой к трапу. – Мы сами вернемся в каюту и запремся изнутри, чтобы уберечь себя от чрезмерных проявлений внимания. Было бы хорошо приставить к нам двух матросов с мушкетами – на случай, если здесь есть и другие чересчур озабоченные... джентльмены.

Последнее слово она произнесла с нескрываемым презрением и, не глядя на мужчин, стала подниматься по лестнице. Мэри тенью последовала за ней.

Эйдан ожидал, что, когда девушки уйдут, капитан что-нибудь скажет или объяснится, но Роберт молча прошел мимо него, судя по всему, направляясь к себе на ют. Тогда, поразмыслив, штурман решил, что лучше в такой ситуации ни во что не вмешиваться, и отправился ужинать в офицерский салон.

Кейт не стала расспрашивать Мэри по дороге; впрочем, когда они оказались в каюте, она тоже ничего не спросила, только нарочито громко шелкнула задвижкой, повернулась к подруге и выжидающе уставилась на неё.

– Он до меня даже не дотронулся, – заверила её Мэри, присев на край койки. – Просто решил напугать, чтобы впредь не спускалась одна на нижнюю палубу. И да, это помогло: я по-настоящему испугалась.

Напряженное выражение лица Кэтрин смягчилось. Девушка вздохнула и устало потерла лоб.

– Я тоже испугалась, когда не обнаружила тебя на шкафуте, – призналась она. – Уже стемнело... я не знала, что делать. Хотела попросить помощи у мистера Пламмера, но вспомнила, что Чарлз понятия не имеет, где что находится на корабле. Одной идти вниз было страшно. И тут я увидела на шканцах нашего штурмана, – Кейт усмехнулась. – Мэри-Энн, ты определенно имеешь успех у мужчин. Он с такой радостью согласился отправиться на твои поиски, что я пожалела бедного Чарлза: у него появился достойный соперник.

– Да, они оба очень милые, – рассеянно отозвалась Мэри, водя пальцем по одеялу.

– Но хромой доктор гораздо милее, верно? – Кейт склонила голову набок. – Тебе удалось с ним поговорить?

Девушка кивнула и так тепло улыбнулась, что сразу стало понятно: разговор закончился наилучшим образом. Кейт была искренне рада за нее, но в глубине души чувствовала легкое недоумение и досаду.

«Неужели во мне мало очарования или женской прелести? – огорченно размышляла она чуть позже, перед тем как уснуть. – За время пути у Мэри, несмотря на то, что она – скромная

компаньонка, появилось немало поклонников, даже мой дядя не устоял перед ней; меня же мужчины будто не замечают вовсе. Нет, они вежливы и галантны, но... словно что-то мешает им ухаживать или претит флиртовать со мной. Даже капитан, который в первую нашу встречу не сводил с меня глаз и, казалось, влюбился с первого взгляда, моментально остыл, а теперь – пожалуйста: зажимает в темном углу Мэри... Господи, что же со мной не так? Неужели я проклята?»

Ночью ей снились Багамы: яркое солнце на голубом небе, белые скалы, золотистые песчаные отмели... и вязкие, словно смола, черные сточные воды, окружившие острова и не дающие кораблю подойти к берегу. Капитан отказался причаливать, и мистер Спенсер, разумеется, устроил скандал – даже во сне Кейт хотелось зажать уши, чтобы не слышать его противный, визгливый тенор. Она не запомнила, что было дальше, только одно накрепко врезалось в память: то, как дядя широко улыбнулся ей и сказал: «Я купил тебе место в лодке, Кэтрин».

Утром над океаном прошел дождь, но к полудню вновь стало солнечно. Едва верхняя палуба высохла, девушки отправились на прогулку, чтобы первыми увидеть Бермудские острова, когда они появятся на горизонте. Чуть позже к ним, как обычно, присоединился Чарлз Пламмер. Кейт надеялась, что он развлечет их беседой, но сегодня, вопреки ожиданию, молодой человек не был особенно красноречив. Казалось, он хотел о чем-то поговорить с Мэри, но не решался, несмотря на то, что их то и дело оставляли наедине.

Мэри, в свою очередь, вновь пребывала в задумчивости, но причиной на этот раз был не Стейн Норвуд, а капитан, который неотлучно находился на шканцах. Девушка изредка бросала взгляды туда, где виднелась его фигура в синем кителе, и мучительно размышляла, как быть. Вчерашняя стычка с Робертом Айвором лишила её надежды на встречу с тем, кто мог оказаться возлюбленным её матери. Вряд ли теперь капитан согласится их познакомить. Хотя фамилия Айвор не такая уж редкая: есть вероятность, что это не тот самый «милый Эдвард», а совершенно другой человек, никогда не слышавший об Эйлин Уоллес. Но все равно убедиться стоило.

К тому же Мэри не представляла, как и на что будет жить в Сент-Джордже, когда мистер Спенсер и мисс Маккейн отправятся дальше, на Багамские острова. Даже если Кэтрин оставит ей денег на гостиницу и пропитание, увы, их надолго не хватит. Если она не отыщет отца, придется искать работу. Найдется ли в городе подходящее место для молодой, никому не известной девушки? Мэри не была в этом уверена, как и в том, есть ли на Бермудах театр.

В довершение всего её угнетала мысль о том, что им с Кейт придется расстаться. У Мэри никогда прежде не было близкой подруги, с которой она могла разделить сомнения, тайны и страхи, которая готова была поддержать её в трудную минуту и, в случае чего, без колебаний окунуться с ней в очередную авантюру. Поэтому предстоящая разлука казалась девушке настоящей трагедией.

– Мистер Пламмер, – обратилась она к Чарлзу, – вы случайно не знаете, сколько времени займет поиск нового судна для пассажиров «Валианта», желающих попасть на Багамы?

– Точно сказать не могу, мисс. Все зависит от наличия незафрахтованных кораблей в порту Сент-Джорджа, либо свободных мест на фрегатах, которые плывут дальше на юг, – ответил молодой человек. – Осмотр пришвартованных судов, заключение нового контракта между капитаном и владельцем судна, покупка билетов... думаю, дня два или три, поскольку сроки, к сожалению, поджимают. – Он внимательно посмотрел на девушку: – Вы так торопитесь покинуть Бермуды?

– Что вы, напротив! – Мэри нахмурилась, понимая, что за отведенное время вряд ли успеет завершить поиски в незнакомом городе. Ей нужен был компаньон, тот, кто хорошо знает местных жителей и вхож в приличное общество. Либо тот, у кого есть возможность получить нужные сведения...

Идея возникла внезапно, словно кто-то шепнул ей подходящее решение на ухо.

– Мистер Пламмер, – очаровательно улыбнулась она, – вы сказали, что получили должность секретаря при губернаторе Бермудских островов.

– Да, мисс Уоллес, – подтвердил Чарлз. – Как только мы окажемся на берегу и получим багаж – разумеется, если его не оставили на пакетботе – я нанесу визит губернатору, представлюсь и передам ему рекомендательное письмо. Не хотелось бы останавливаться в гостинице, поэтому смею надеяться, что мне в этот же день выделят подходящее жильё.

– А вы можете взять меня с собой? – попросила Мэри, сопровождая просьбу таким пылким взглядом, который мгновенно пресекает любую попытку отказа. Что ж, если она и правда имеет успех у мужчин, пришла пора этим воспользоваться.

– С собой? Куда? – растерялся молодой человек, замороженно глядя в её манящие серые глаза. – В дом губернатора?

– Понимаете, мистер Пламмер... кроме вас, я ни к кому не могу обратиться с подобной просьбой. – Мэри придвинулась ближе и заговорила самым доверительным тоном: – Мне нужно найти на Бермудах одного человека, а кто как не губернатор осведомлен обо всех, кто проживает в Сент-Джордже? Но чужестранке и бедной компаньонке вряд ли удастся поговорить с господином, занимающим столь высокое положение в обществе. А для меня это очень важно, мистер Пламмер! – Она умело выдержала паузу, глубоко вздохнула и вновь умоляюще захлопала ресницами: – Прошу вас, Чарлз! Мисс Маккейн отпустит меня, она доверяет вам, ведь вы настоящий джентльмен. Я задам губернатору всего лишь один вопрос и более не отниму время ни у него, ни у вас. Пожалуйста...

Чарлз Пламмер смущенно переступил с ноги на ногу. Мэри поняла, что он все еще сомневается, поэтому усилила драматизм ситуации: опустила глаза, чуть отвернулась и кончиками пальцев провела под ресницами. Это возымело нужный эффект, и молодой человек, осторожно взяв её за руку, с чувством проговорил:

– Почту за честь оказать вам эту услугу, мисс Уоллес.

– О, мистер Пламмер, вы просто чудо! – искренне восхитилась девушка, заставив его покраснеть от удовольствия. Мэри обернулась, ища взглядом Кейт, чтобы поделиться с ней замечательной новостью, и увидела, что та стоит в стороне у фальшборта и, прищурившись, смотрит куда-то вперед.

– Бермудские острова! – вдруг воскликнула белокурая мисс. И указала на широкую светлую полосу, возникшую на горизонте.

Глава двенадцатая

Столица Бермудов город Сент-Джордж располагался на маленьком кусочке суши, намного меньше острова Уайт²³, на котором приходилось бывать Кэтрин. Да и городом это укрепленное поселение назвать было сложно: скорее, небольшой городок с двумя десятками оборонительных сооружений, старой пристанью, выстроенной всего год назад ратушей, единственной церковью и россыпью невысоких домиков из светлого камня, чьи аккуратные крыши белели среди холмов, густо заросших зеленью. Но зато, пока «Призрак» обходил остров, чтобы попасть в бухту, также названную в честь святого Георгия²⁴, взору открылись многочисленные лагуны и песчаные пляжи, создававшие образ безмятежного и поистине райского уголка посреди океана.

Высадка пассажиров происходила в суете и толкотне; многие отказывались покидать пристань до тех пор, пока не выгрузят весь багаж, а матросы, как нарочно, не торопились. Мистер Спенсер, размахивая тростью, грозился подать жалобы во все существующие инстанции, но никто его не слушал, даже Кейт. Её больше занимали необычные телесные ощущения после полутора месяцев пребывания в океане. Земля казалась ей удивительно неподвижной, а где-то внутри продолжали подниматься и опадать волны, вынуждая ступать аккуратно и удерживать равновесие. Это казалось забавным. Девушка присмотрелась к другим пассажирам: с ними происходило то же самое. Даже бывалые моряки шагали по пристани, словно по палубе, широко расставляя ноги.

Весть о том, что «Призрак» взял крупный трофей, быстро облетела городок, и на побережье стали стекаться его жители. Пассажиры, оставшиеся на берегу в ожидании багажа, постепенно смешивались с толпой местных зевак – как благородного вида, так и не очень, поэтому мистер Пламмер и дядя Грэм приняли решение на время покинуть причал и дождаться своего багажа в более подходящем месте. Они сняли в ближайшей гостинице две меблированные комнаты на втором этаже и вскоре поняли, что поступили правильно: утомленные ожиданием пассажиры один за другим потянулись в город, и через час свободную комнату было уже не найти.

– Все бы отдала за традиционный английский завтрак! – вздохнула Кэтрин. – Но, поскольку время обеда, посмотрим, что нам подадут здесь. Только бы не рыбу...

– Душечка Кэт, в британских колониях готовят, в основном, из того, что поставляет море, – усмехнулся мистер Спенсер. – Рыбная похлебка, жареная рыба, пироги с мидиями...

– Кейт скривилась от отвращения, и дядя Грэм рассмеялся: – Я слышал, бермудские омары очень вкусны, как и филе королевской макрели в остром соусе. С радостью бы отведал.

– Вот и отведайте, – пожала плечами девушка, – а мне закажите что-нибудь более съедобное. И, прошу, перестаньте обращаться ко мне, как к кошке!

– Кошки, моя милая, обожают рыбу, в отличие от вас, – заметил мистер Спенсер и отправился вниз, чтобы сделать заказ. То ли дядя оказался прав, то ли он нарочно решил досадить племяннице, но вскоре девушкам принесли целое блюдо жареной трески с картофелем и авокадо в луково-томатном соусе. При виде него выражение лица Кэтрин стало тоскливым, Мэри же, напротив, была в восторге: для истинной шотландки дары моря были привычной и любимой едой.

²³ Остров у побережья Англии в проливе Ла-Манш площадью 380 кв.км. Для сравнения площадь Бермудских островов всего 53,2 кв.км.

²⁴ Имеется в виду бухта Сент-Джордж Харбор.

– Попробуй, Китти, это очень вкусно! – уговаривала она подругу, видя, как та нерешительно трогает вилкой кусочки филе. – У нас дома каждый день на столе было что-то из рыбы. А еще повар готовил по старинным рецептам удивительный суп на молоке с копченой треской.

– Какой ужас, – пробормотала Кейт и предпочла сменить тему: – Мэри, ты уверена, что тебе нужно ехать с Чарлзом к губернатору? Быть может, есть другой способ отыскать твоего отца?

– Заручившись поддержкой главного человека на островах, я быстрее найду его, – ответила девушка. – Как видишь, Сент-Джордж – городок небольшой, поэтому губернатор наверняка знает всех проживающих здесь бывших военных. И будет лучше, если меня представит отцу кто-то знакомый и уважаемый, а не я сама явлюсь к нему в дом незваной гостьей, умоляющей, чтобы её выслушали.

«Тогда даже капитан Айвор не сможет препятствовать нашей встрече», – мысленно добавила она и еле заметно усмехнулась.

– Хочется верить, что так и будет, – Кейт выловила из соуса ломтик картофеля и с наслаждением съела его. – Надеюсь, губернатор окажется человеком порядочным и снизойдет к твоей просьбе, а не прикажет слугам выставить тебя вон.

– Хупер! – окликнул Роберт, спускаясь по трапу на пристань. – Не желает ли призовой капитан получить часть обещанного ему приза?

Бывший пират, успевший обзавестись нарядной жилеткой, снятой с кого-то из пленных испанцев, обернулся на зов и растянул губы в довольной улыбке:

– Еще как желает, сэр! Парням уже не терпится промочить горло и потискать продажных девок. – Окружавшие его матросы оживились и закивали. – Но отпуск без денег – все равно что каторга: ни расслабиться, ни повеселиться.

– Вот, держи, – Роберт протянул ему небольшой туго набитый мешочек. – Это задаток. Остальное получите позже, как полагается, под роспись.

Бен сунул пальцы в позвякивающую глубину, вытащил пару серебряных монет. Попробовал одну на зуб и удовлетворенно хмыкнул:

– Новенькие, будто вчера отчеканены. Спасибо, сэр.

– И еще, Хупер, – прищурился капитан. – Здесь, на Бермудах, ты полностью отвечаешь за своих людей. Постарайтесь веселиться так, чтобы я потом не пожалел о том, что для вас сделал.

– Само собой, – усмехнулся бывший пират. И, склонив голову в знак признательности, уже серьезно добавил: – Сэр.

Роберт кивнул ему и отошел в сторону, туда, где у края причала одиноко стоял доктор Норвуд. Мин Чен еще оставался на судне, раненых уже погрузили в повозки и отправили в местный госпиталь, и Стейн, судя по всему, пребывал в растерянности, не зная, куда идти и что теперь делать. Ни вещей, ни денег у него не было. И знакомых на Бермудах, кроме Роберта, – тоже.

– Я больше года не ходил с корабля на землю, – сказал он, увидев капитана. – И чувствую себя странно, хотя мне здесь нравится. Как называется этот остров?

– Так же, как и столица: Сент-Джордж, – отозвался Роберт. – Всего тут около ста восьмидесяти островов и рифов, большинство из которых необитаемы. Что удивительно, Бермудские острова были открыты испанцем Хуаном Бермудесом почти три сотни лет назад, но осваивать их почему-то не стали: вероятно, сочли непригодными для основания колонии. Однако волею судьбы в начале прошлого века здесь потерпел крушение корабль «Sea Venture» с плившими в Америку английскими колонистами и людям пришлось высадиться на архипелаге. Полторы сотни человек и корабельная собака провели на острове десять месяцев. Построили дома и церковь, собрали из остатков разбитого судна и местных деревьев два новых корабля и продолжили плавание. А еще два года спустя острова были официально переданы Британии и

сюда приплыли первые поселенцы, основавшие городок Нью-Лондон, переименованный позже в Сент-Джордж.

– В честь святого Георгия, покровителя англичан? – улыбнулся Стейн.

– Нет, в честь Джорджа Сомерса, который командовал тем самым разбившимся кораблем, – Роберт помолчал, затем признался: – Отчаянный капитан с детских лет был моим кумиром. Фактически потеряв во время шторма корабль и оказавшись на необитаемых рифах, он не пал духом и не позволил своим людям предаться унынию. Сомерс был смелым, умным, решительным человеком, способным вести за собой и не привыкшим отступать перед неудачами. К несчастью, смерть слишком рано забрала его. Согласно распоряжению капитана, тело его отвезли на родину, в Англию, а сердце... оно навсегда осталось здесь, на Бермудах, в скромной могиле посреди Сомерс Гарден. Я вам потом покажу.

– Буду признателен, – Стейн бросил взгляд на спешащих мимо носильщиков с дорожными сундуками и решил спросить: – Роберт, не подскажете, как добраться до госпиталя? Доктор Мин говорил, что там мне могут выделить какое-нибудь жилье, а он порекомендует меня в качестве хирурга.

– Все это потом, – капитан расстегнул китель: жара ближе к вечеру становилась невыносимой. – Стейн, прошу вас не отказать мне в любезности и принять приглашение погостить у меня дома. Мы живем вдвоем с отцом, он уже много лет вдовец, а я не женат, так что свободных комнат у нас предостаточно. Я вас познакомлю, и, уверен, вы с мистером Айвором станете добрыми друзьями. – Роберт рассмеялся: – Он такой же идеалист, как и вы.

– Я идеалист? – удивился Стейн. Но спорить не стал и, немного подумав, ответил: – Что ж, если это не доставит вам неудобств, я с удовольствием приму приглашение.

Похоже, Роберт унаследовал от отца только стройное телосложение, высокий лоб и изящную форму носа. Эдвард Айвор, худощавый мужчина лет пятидесяти, внешне на сына совсем не походил: у него были добрые карие глаза, мягкие, чуть вьющиеся каштановые волосы, чувственная линия рта, говорящая о сентиментальном характере, и спокойный, мудрый взгляд человека, прожившего долгую и совсем не беззаботную жизнь. Он оказался чрезвычайно приветливым и охотно показал гостю свой дом – по местным меркам, огромный, из белого камня, с красной черепичной крышей, с множеством комнат и небольшим садом. В коридорах им то и дело попадались опрятно одетые чернокожие рабы и рабыни – мистер Айвор подчеркнуто называл их слугами, что было нехарактерно для колониального быта. В Шотландии рабство и торговля рабами всегда осуждались и давно уже были запрещены, но Стейн знал, что в британских колониях, несмотря на запреты, они не только до сих пор существуют, но и процветают в самом отвратительном и бесчеловечном виде. К счастью, в этом доме следов жестокого обращения доктор не заметил, а к пожилому Абрахаму, своему личному слуге, Эдвард Айвор относился почти что дружески, и это вызвало у Стейна еще большую симпатию.

После осмотра дома им подали чай в гостиной, где они продолжили беседу и знакомство. Роберт больше отмалчивался, зато его отец с нескрываемым любопытством расспрашивал гостя о семье, о жизни в Шотландии, и Стейну пришлось частично открыть правду о себе, потому что не отвечать он не мог, а лгать радушному хозяину не позволяла совесть. Рассказывая о полученном во Франции образовании, он мучительно раздумывал, стоит назвать мистеру Айвору свое настоящее имя или нет, если тот вдруг спросит, но тут его размышления, да и беседу в целом, прервало появление дворецкого.

– Прошу прощения, сэр, – с поклоном сообщил он мистеру Айвору, – к вам прибыл с визитом джентльмен из Лондона. Вот его письмо, – и подал аккуратно сложенный лист бумаги. Отец Роберта развернул его, пробежал глазами и укоризненно взглянул на дворецкого:

– Джейсон, сколько раз повторять, что, находясь у себя дома, я не являюсь официальным лицом и, следовательно, не обязан и не хочу устраивать тут деловые встречи. Этот человек

назначен моим новым секретарем, так пусть явится завтра с утра в мой кабинет в губернаторской резиденции, и мы все обсудим в подобающей обстановке.

– Именно это я и хотел предложить ему, сэр, – виновато ответил Джейсон, – но молодой человек прибыл со спутницей, и я подумал, что, должно быть, визит не совсем официальный, что это кто-нибудь из знакомых...

– Хотел предложить! – всплеснул руками мистер Айвор. И покачал головой: – Ну, и что теперь обо мне подумают в городе, если я откажусь их принять? Бог с ними, пусть зайдут и хотя бы представятся, а все прочее – завтра, в приемное время. Ступай!

– Слушаюсь, сэр.

Платье Кэтрин сидело на ней не идеально – слишком свободное в талии, чересчур тесное в груди, но Мэри была рада и этому: хвала Господу, их багаж нашелся, его тут же доставили в гостиницу и Кейт заставила её переодеться, убедив, что ехать к губернатору в застиранном платье неприлично даже для компаньонки. Им принесли таз с теплой водой, мыло и две губки; и, пока в соседней комнате Чарлз Пламмер распаковывал свой дорожный сундук и подбирал костюм для визита, Мэри стараниями подруги превратилась в прелестное, нарядное, благоухающее свежестью создание, на которое было приятно смотреть. Совершенно очарованный Чарлз сделал ей робкий комплимент, сообщив, что лавандовый цвет платья подчеркивает глубину её глаз, после чего они сели в двухместный экипаж и отправились к дому губернатора. Ехать пришлось недолго: двухэтажное белокаменное здание находилось недалеко от побережья.

Мэри почти не волновалась – до тех пор, пока дворецкий не пригласил их с Чарлзом в гостиную. Когда дверь перед ними распахнулась, её охватила дрожь, а когда девушка увидела сидящего в кресле Роберта Айвора, у неё на мгновение замерло сердце. Она судорожно стиснула руки, повернула голову – и встретилась взглядом с доктором Норвудом. Мэри настолько не ожидала увидеть здесь этих двоих, что растерянно застыла на месте, не в силах ступить и шагу.

– Рад приветствовать вас, господин губернатор! – услышала она голос Чарлза. – Добрый вечер, капитан Айвор и мистер...

– Мистер Норвуд, – подсказал Роберт, медленно поднимаясь и не сводя глаз с Мэри. А она смотрела на Стейна, который тоже поднялся, опираясь на ручку и спинку кресла, и потому не обратила внимания на пожилого джентльмена, который приблизился к ней, подслеповато прищурился и изумленно воскликнул:

– Эйлин?!

Мэри взглянула на него... и вдруг сразу все поняла – по тому, как дрогнули его губы, по тому, как увлажнились и без того немного грустные карие глаза, по тому, как полузабытая боль тенью пробежала по его лицу. «Милый Эдвард...» Перед ней стоял мистер Айвор, её настоящий отец и – по странному стечению обстоятельств – губернатор Бермудских островов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.